ТРАНЗИТ

литературно-художественный и общественно-публицистический журнал

№ 0 ноябрь 2011

РЕДАКЦИОННЫЙ ЧЕРДАК

ИМЕЕТСЯ ТЁМНАЯ СТОРОНА
Интервью с Робин Хобб

ТЕРРАРИУМ НАЧИНАЮЩИХ ПИСАТЕЛЕЙ
МИТ НИК
МАРК ЛИСОВСКИЙ
ИМБЕЦИЛЛА

МАСТЕР-КЛАСС
РЭЙ БРЭДБЕРИ

КИБЕР-ПАНК.*ДЖЕФФ НУН*
«Автоматическая Алиса» (роман)

ОНИ ГДЕ-ТО РЯДОМ...
Привидения, демоны и духи в японской традиции . . . . . .

В НОМЕРЕ

РЕДАКЦИОННЫЙ ЧЕРДАК. *День рождения прабабушки* 3

Кип Лайтберн. Обратная сторона смерти 5

ИМЕЕТСЯ ТЁМНАЯ СТОРОНА. *Интервью с Робин Хобб* 11

ТЕРРАРИУМ НАЧИНАЮЩИХ ПИСАТЕЛЕЙ: 14

МИТ НИК. Прыжок 14

МАРК ЛИСОВСКИЙ. Гуля 17

ИМБЕЦИЛЛА. Первый поцелуй 22

МАСТЕР КЛАСС. *РЭЙ БРЭДБЕРИ. Ловкий ход* 28

ВДОХНОВЕНИЕ — ЭТО МОЯ ЖИЗНЬ. *Интервью с А. Меланием* 36

ЛОМАНЫЕ СКАЗКИ. *А.ДЖ.ДЖЕКОБС И ДЖЕЙ ВОРД. Ломаные сказки* 40

КИБЕР-ПАНК. *ДЖЕФФ НУН. «Автоматическая Алиса» (роман)* 45

МИФОЛОГИЯ НАШИХ ДНЕЙ. *СЮЗЕН СТЕРН. Арахна* 82

ОНИ ГДЕ-ТО РЯДОМ… *Привидения, демоны и духи в японской традиции* . . . 87

Свою работу для обложки любезно предоставил А. Меланий
(Интервью с художником см. на стр.36)

День рождения прабабушки

НЕ прошло и полгода, как завершился всенародный праздник книги — Международная Московская Книжная Ярмарка 2011 — праздник, прошедший без обычной помпы и как-то неожиданно тихо закончившийся. Народ и не знал, что этот праздник больше всего походил на день рождения прабабушки — всеми домочадцами горячо любимой, почитаемой, ценимой, но... к великому сожалению, давно выжившей из ума, отставшей от времени и дышащей на ладан, так что увидевшие ее на этом праздники уж и не чают — доживёт ли она до следующей годовщины? Радоваться ли им, что еще застали ее в живых или заранее огорчаться, предвидя грядущие расходы на похороны, хлопоты с погребением и неизбежные огорчения с этим связанные?

Об этом глубокомысленном вопросе нам не дают забыть и политические события в России последнего месяца — нет-нет то президентский тандем воззовёт к всенародному почитанию Ея Имп.Величества КНИГИ-матушки, то очередной тележурналист, прочитавший в детстве, кроме букваря разве что «Лолиту», обрушится с гневом на снижение интереса молодёжи к печатному слову. По привычке в таковом снижении винят пиратов, интернет и засилье телевидения.

На самом деле винить в падении интереса к книге надо разве что само ВРЕМЯ, которое неумолимо движется вперёд, и человек, подобно тому, как он некогда встал с четвереньек и освободился от хвоста, так же успешно освобождается и от абстрактного мышления в пользу мышления зрительно-образного. Вначале с этой задачей весьма плодотворно справлялись комиксы, затем кино и TV и наконец Интернет пришел на смену комиксам и телесериалам. К сожалению любителей делать деньги на народной популярности, интернет оказался чересчур демократичной стихией, и теперь уже никто не в силах запретить человеку дарить окружающим радость общения с прекрасным — все копирайты и трейд-марки, все законы об авторском праве и все запреты на копирование разбиваются о горы халявной литературы, фильмов и музыки, совершенно свободно выкладываемых и столь же свободно и бесплатно скачиваемых с торрентов и файлообменников.

Само слово «пиратство» (в значении литературное или интеллектуальное) с развитием цифровых технологий уже стало анахронизмом. Да, трижды пират и заслуживает пенькового галстука и прогулки по доске тот гнусный мерзавец, который выкладывает творение любимого автора на своем интернет-ресурсе и еще имеет наглость требовать за это деньги. Но абсолютно невинным агнцем является тот, кто кладет на свой сайт ссылки на это же самое произведение, мирно хранящееся на далёком файлообменнике и позволяет бесплатно пользоваться этими ссылками. Хотите — качайте, не хотите — не качайте. Запрещать торренты — то же самое, что запрещать аськи. Запретите то и другое, человек начнет связываться по скайпу или по чему бы то ни было еще третьему.

«И к чему же мы в итоге придём? — мы предвосхищаем вопрос досужего моралиста, который он уже готовит в глубине правого полушария, обсасывая тему очередной телепередачи. — Неужели литература погибнет? Кто же станет писать книги, если будет знать, что за них ему никто и никогда ни шиша не заплатит? Что они тут же будут выложены в Сеть и станут всем доступными бесплатно?»

Ответим на это так: «Книги и музыку писал и всегда писать будет тот, кто НЕ ПИСАТЬ не может». Есть такая особенность у некоторых личностей — дарить людям себя

без остатка. Для них главное в жизни удовольствие — не пройтись по людной улице в штанах с модной наклейкой, не прокатиться на умопомрачительной тачке, не покувыркаться с хорошенькой подружкой, не желудок набить вкусной едой и не пузо погреть на тропическом пляже — а Создавать. Такие люди были и раньше, беря от Орфея и Гомера к Пушкину и Уитмену, есть они и теперь. Их просто не может не быть, поскольку наличие таких особей — неотъемлемая черта нашей цивилизации.

Таким образом человеческий гений, совершив грандиозный виток по спирали от устного стихосложения, интуитивных каракулей на стенках и барабанного боя к цифровому письму, графике и музыке, пройдя искус большими деньгами и фанатской гиперпопулярностью, возвращается к чистым истокам таланта. Вновь во главу угла ставится не творчество ради заработка, а творчество ради радости творения. И если творение действительно гениально и его автор заслуживает ярлыка гения, то он найдёт себе место на пьедестале почёта. Он не останется без премий и поощрения — так уж сложилось, по-иному не бывает. Если же он увы, остался без награды и оказался признанным лишь под конец жизни или после смерти (а такое случается сплошь и рядом), то значит такова его авторская судьба и идти против нее, значит идти против самого Бога. Столь же печальна и судьба того автора, чье творение оказывается преходящим и быстро забывается, — значит, он, волею небес, и не гений вовсе, а так, ремесленник, подмастерье, не всем же в этом мире быть гениями. Иначе самое это слово оказалось бы выхолощенным и лишенным всякого смысла.

А потому сейчас, именно в наши дни, настало самое время чистого творчества, не отягощенного грязными мыслями (имеются ввиду мысли о быстром заработке на собственном таланте). Эксплуатировать свой талант с целью выжимания из него максимума финансовых средств — это примерно тоже самое, что поставить у себя в доме чудотворную икону и брать с посетителей деньги за право к ней приложиться. Талант, верят в народе, является Божьим даром (согласно античным мифам — подарком бога Аполлона) и просто владеть им — это уже само по себе великое счастье. Направить же божественный дар на зарабатывание материальных благ — это вообще профанация собственного таланта, и человек, пошедший на это, должен заранее смириться и с тем, что его постигнет божья кара: опосредованная, неожиданная, неведомая и от того еще более страшная.

Именно поэтому редакция журнала «Транзит» приглашает Авторов — художественной и публицистической литературы, прозы и поэзии, живописных и графических произведений, музыкальных и видеороликов — если Вы полагаете, что Ваше творчество сможет сказать что-либо новое человечеству — Вам место на страницах нашего журнала. Мы никого не собираемся приманивать большими заработками. Публикация на наших страницах — уже сама по себе большая честь, а значит, вас неизбежно увидят и найдут люди заинтересованные.

Вливайтесь в тесную семью любителей чистого слога и будьте уверены, что здесь вы обретете искренне заинтересованных читателей, подлинных ценителей и справедливых критиков Ваших творений.

От редакции журнала
Zangar

ОБРАТНАЯ СТОРОНА СМЕРТИ

— И кто же вы такой?

— Пончик Досон.

Служитель устало взглянул на него и покачал головой.

— Пончик? Неужели родители дали вам такое имя?

— Ах, простите. Пончик — это прозвище, а на самом деле я Рик. Рик Досон.

Он говорил очень громко, стараясь перекричать шум толпы. Рядом проходило какое-то собрание, многолюдное и бестолковое. Народу было не меньше, чем на футбольном стадионе, и помещение едва вмещало собравшихся людей. Сотни голосов сливались в монотонный гул, который пульсировал и проникал до самого мозга костей.

— Какова причина вашей смерти?

Старик ждал ответа, постукивая кончиком пера по листу бумаги.

— Вот это-то меня и смущает.

Рик склонился над столом и доверительно произнес:

— Мне кажется, я попал сюда по ошибке. Наверное, в вашей конторе что-то перепутали.

Тишина упала на огромный зал, как тяжелая булава. Около пятисот человек без стыда и совести пытались подслушать объяснения Рика. Старик осмотрелся вокруг, и все эти люди тут же начали разглядывать потолок, притворяясь невинными овечками. Однако Рик видел, как их уши вибрировали от напряжения. Его седобородый собеседник покачал головой и спросил:

— Вы хотите сказать, что эти идиоты в чистилище снова напортачили и послали душу грешника не в ад, а к нам?

— О, нет! Что вы? Я говорю совсем о другом. Дело в том, что я еще не умер.

Собравшиеся люди фыркнули в унисон и вернулись к прерванным беседам. Их голоса слились в звенящее гудение. Старик удовлетворенно улыбнулся.

— Люди довольно часто отрицают факт своей смерти, попадая к нам из чистилища. Но раз уж вы здесь, можете смело считать себя мертвым. Живых тут не бывает, это я вам говорю со всей ответственностью.

Заметив недоверчивый взгляд Рика, он предложил:

— Может быть нам лучше вспомнить о тех событиях, которые предшествовали вашему появлению в чистилище?

Рик кивнул и со вздохом согласился:

— Хорошо, давайте. Вы сами поймете, что здесь произошло какое-то недоразумение. Я вернулся домой с работы и зашел на кухню, чтобы приготовить коктейль. Да, точно, мо-

лочный коктейль. Это, знаете, напиток...

— Я знаю, что такое молочный коктейль.

— Мне просто хотелось уточнить, что это был не какой-то там алкогольный напиток. Я, между прочим, не пью. Вернее, я пью, но алкоголь не переношу органически.

Старик зевнул и прикрыл рот рукой.

— Употребление спиртных напитков не значится в греховном списке. Продолжайте вашу историю, мистер Досон.

— Вот... Я, значит...

— Молочный коктейль.

— Да-да, коктейль. Я положил в миксер пару бананов, потом взял три вишни... Хотя нет, подождите. После бананов я добавил мороженое и только потом положил три вишни. Да, а затем налил молока. Я залил туда пачку молока и вдруг оказался в чистилище.

Рик снова вздохнул и с укором посмотрел на старика.

— Не огорчайтесь, мистер Досон. Я верю, мы найдем ответ. К нам часто попадали души людей, погибшие из-за неисправных миксеров. Поверьте, вы не первый, кого ударило электрическим током.

Старик улыбнулся и с облегчением потер ладони.

— Но я не успел включить свой миксер в сеть! — воскликнул Пончик Досон.

— Хм! Тогда причина не в электрическом токе. Это осложняет дело.

Они оба кивнули и задумчиво замолчали. Старик вытащил из ящика стола большую тяжелую книгу, положил ее поверх бланков и статистических отчетов, а затем дрожащими пальцами начал перелистывать страницы. Рик смотрел на перевернутые столбцы имен и дат, многие из которых несли следы сделанных от руки подчисток и исправлений.

— Так, посмотрим... Досон... Рик Бартоломеус Досон, верно?

— Да.

Рик ненавидел свое второе имя. Мать говорила, что отец придумал его в минуты тяжелейшего похмелья.

— Странно, но, похоже, вы правы. В ближайшие семь месяцев с вами не должно было происходить ничего фатального. Они снова что-то там перепутали.

Он повернулся к компьютеру и начал вводить какие-то команды.

— И что вы теперь будете делать?— спросил его Рик.

— Сейчас посмотрим, какой ангел забрал вашу душу. Такая безответственность, хоть волком вой.

Старик придвинулся к экрану монитора.

— Ага! Вас забрал Олири. Ему полагалось доставить груз душ еще в четверг. Наверное, он опять засиделся в казино и пропьянствовал всю ночь. А потом этот бездельник, как всегда, хватал любого, кто попадался ему на глаза.

— Вы хотите сказать, что ангелы пьют?

— Да, пьют. И не только молочные коктейли.

— Вы шутите...

— К сожалению, нет.

Рик закрыл глаза и еще раз вздохнул, пытаясь успокоиться. Неужели стоило трудить-

ся всю жизнь, чтобы встретить такую нелепую смерть? Годами ходить в школу и университет, сюсюкать с боссом и питаться макаронами, откладывая деньги на новенький "Феррари"? И теперь вместо того, чтобы кататься по дорогам с симпатичными девчонками, ему приходится стоять здесь — с таким же тошнотворным чувством, как после тарелки надоевших макарон.

— Не печальтесь. Ваша беда поправима.

— Что вы имеете в виду?

— Я говорю, не все потеряно, мистер Досон. Возможно, мы исправим ситуацию. Нечто подобное происходило и раньше. Но уверяю вас, такие случаи у нас очень редки.

Старик, кряхтя, поднялся со стула.

— Я скоро вернусь. Никуда не уходите.

Он улыбнулся и направился к двери, которая была едва заметной на белой мраморной стене. Рик проводил его взглядом и сел на освободившийся стул. Ноги гудели от усталости. Осматривая людей, которые толпились вокруг, он положил руку на стол и вдруг почувствовал под ладонью что-то мокрое. Как оказалось, его ладонь легла на горлышко чернильницы. Увидев на коже большой черный круг, он выругался и начал тереть пальцами испачканное место. Однако чернила высохли удивительно быстро. Рик понял, что без растворителя ему не обойтись. Он еще раз выругался и от злости пнул ножку стола.

В тот же миг он почувствовал на себе чей-то пронзительный взгляд. Повернув голову, Рик заметил нацеленные на него глаза — большие, влажные и желтые глаза, которые принадлежали довольно странному и несколько уродливому парню. Чуть ниже желтых глаз торчал комковатый и очень длинный нос — настоящая носяра, кончик которой подергивался и изгибался. Рик смотрел на него, затаив дыхание. Он никогда еще не видел ничего подобного. Мужчина был маленьким и лысым. Его квадратное лицо украшала остренькая бородка. Огромная нижняя челюсть занимала почти половину его головы. И все же наибольшее впечатление производили глаза, которые пронзали Рика насквозь.

Маленький человек укоризненно прищурился и покачал головой. Рик почувствовал смущение и какой-то неосознанный стыд. И тогда желтые глаза прищурились еще сильнее, а голова незнакомца начала раскачиваться с пугающей скоростью. По спине Рика пробежал холодок. Лицо человека выражало как бы два состояния: неописуемое удивление и почти блаженное удовольствие. Нормальные лица на такое не способны, но у незнакомца было очень странное и аномальное лицо.

Когда он направился к столу, расталкивая других людей, Рик беспокойно заерзал на стуле. Незнакомец приблизился и склонился над книгой старика. От него исходил ужасно неприятный запах. Рик поморщился, прикрывая рукой свой нос.

— Этой вонью я отбиваю ароматы серы,— прошептал человек.— Чтобы никто не догадался, кто я такой.

Он схватил руку Рика и осмотрел его ладонь.

— Так, значит, это ты Избранник!

— Избранник?

— Ну, тот парень, которого мне велели отыскать. Они сказали, чтобы я высматривал черное кольцо или что-нибудь похожее. И теперь я могу передать тебе тайное сообщение.

Да, старый хрыч послал сюда именно меня, потому что он доверяет мне и знает, что я никогда его не подведу.

Незнакомец почесал за ухом, облизал свои пухлые губы и по-дружески подмигнул ошеломленному Рику.

— Я ведь несколько веков искал это черное кольцо, и все без толку, понимаешь? Встречались и серебряные, и золотые и пластиковые, а такого, как надо, не было. Но я не сдавался и все смотрел и смотрел. Даже глазам своим не поверил, когда ты руку поднял с черным кругом на ладони — таким же, как родимое пятно на спине Люцифера.

Рик еще раз взглянул на свою ладонь.

— А-а! Вот вы о чем! Я просто руку на стол положил и...

— Ш-ш-ш!

Мужчина поднес волосатый палец к губам.

— Не время болтать, дружок! Слушай меня внимательно.

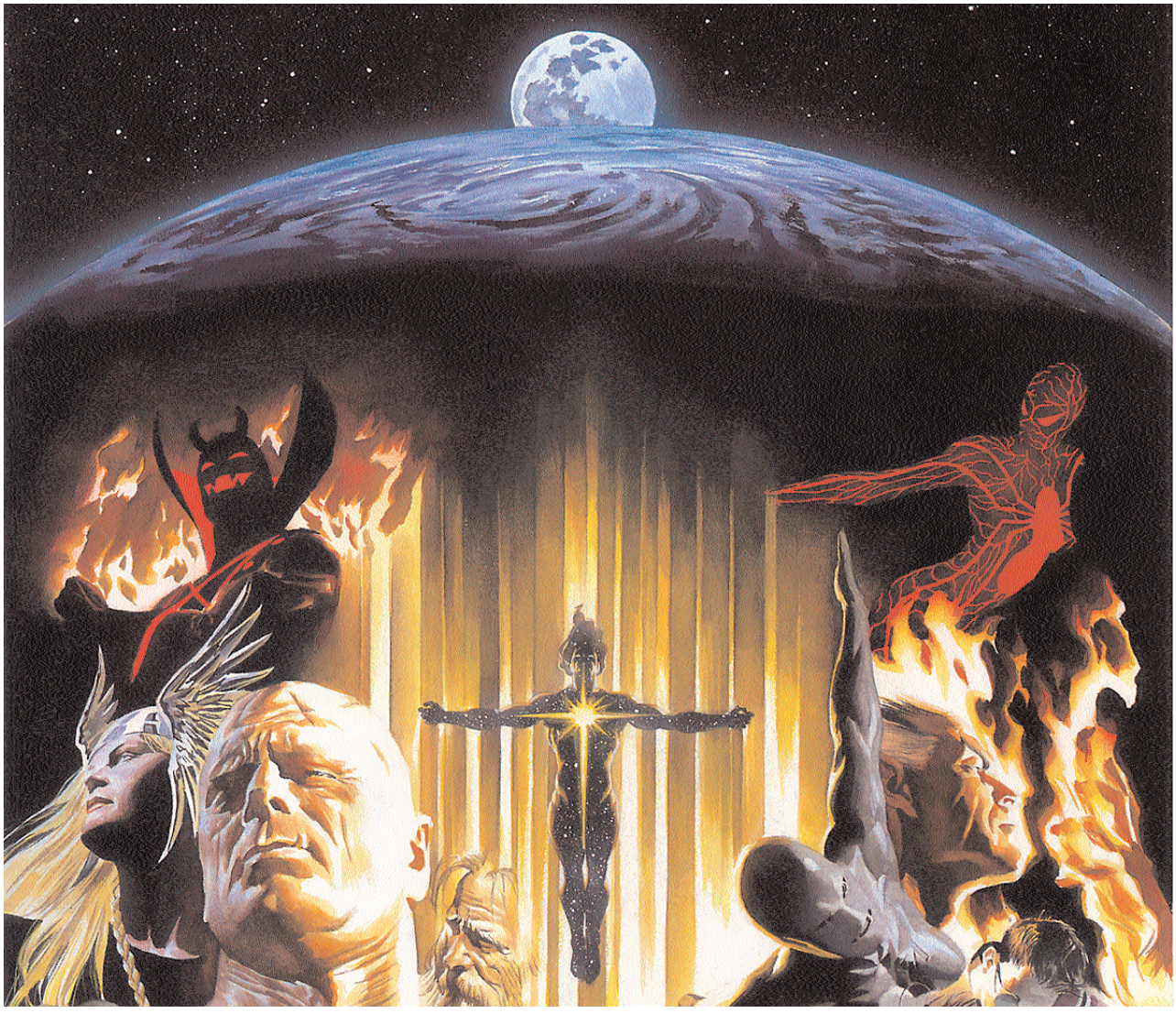


Иллюстрация с картины Алекса Росса

Рисунок Крамера

Он придвинулся ближе, и Рик закашлялся от едкой вони.

— Попакалипсис должен наступить 22 декабря 2012 года. Тебя отправят обратно на землю под именем Августа Твизлимеера, и никто не узнает, что ты станешь Великим разрушителем!

Рик затаил дыхание.

— Через девять недель, когда ты там обживешься, дай нам условленный сигнал. Произнеси заветное слово, и мы начнем наш молниеносный Попакалипсис.

— Вы хотите сказать, Апокалипсис?

— Ну да! А я о чем? Не появись ты в ближайшее время, нам пришлось бы ждать еще несколько веков, прежде чем возник бы очередной благоприятный астрологический момент.

Рик даже присвистнул от удивления. Он не ожидал от этого типа таких мудреных слов, как "благоприятный" и "астрологический". Ему хотелось объяснить, что он был не тем человеком, за которого принимал его носатый незнакомец, но мысль о возвращении на землю привела к другому решению.

Рик кивнул и нахально заявил:

— В принципе, мне ясна моя задача.

— Значит, я могу сказать нашему старому хрычу, что все пойдет как надо?

— Да, конечно. Так ему и передайте.

На всякий случай Рик даже подмигнул мужчине с козлиной бородкой. Тот кивнул в ответ, хихикнул и

начал быстро пробираться к выходу. Его вонь, с которой Рик немного свыкнулся, рассеялась и смешалась с запахом вездесущего ладана.

Пончик Досон встал, обошел стол с другой стороны и повернулся к белой мраморной стене, на которой угадывались контуры двери. Через несколько минут она открылась и к нему навстречу выбежал седобородый старик.

— Можете радоваться, мистер Досон. Мне пообещали вернуть вас в ваше тело через секунду после несанкционированного похищения.

Рик улыбнулся в ответ.

— Я вам так благодарен.

— Нет, это мы должны благодарить вас за понимание наших проблем и чуткое рассудительное отношение.

Старик пожал ему руку и добавил:

— Желаю насладиться молочным коктейлем.

Он щелкнул пальцами, и Рик исчез. Старик сел на стул, спрятал большую книгу в ящик стола и прокричал усталым голосом:

— Следующий.

Из толпы к нему подошла внушительная и зловещая фигура. Старик вздрогнул и осмотрел ее с головы до пят. Высокий мужчина, одетый в длинный кожаный плащ, носил на шее странную цепь из темного металла — большое черное кольцо.

— Прошу прощения, милейший,— произнес высокий незнакомец.— Вы не видели тут небольшого мужчину со странным лицом и желтоватыми глазами?

Глубокий вибрирующий бас заставил выпрямиться седые и кудрявые волосы старика.

— Сожалею, но такого человека я не видел.

Темная фигура со вздохом отошла от стола и исчезла в толпе людей.

Перевод с английского подготовлен ART (Ассоциацией рижских переводчиков)

...имеется темная сторона

(интервью с Робин Хобб)

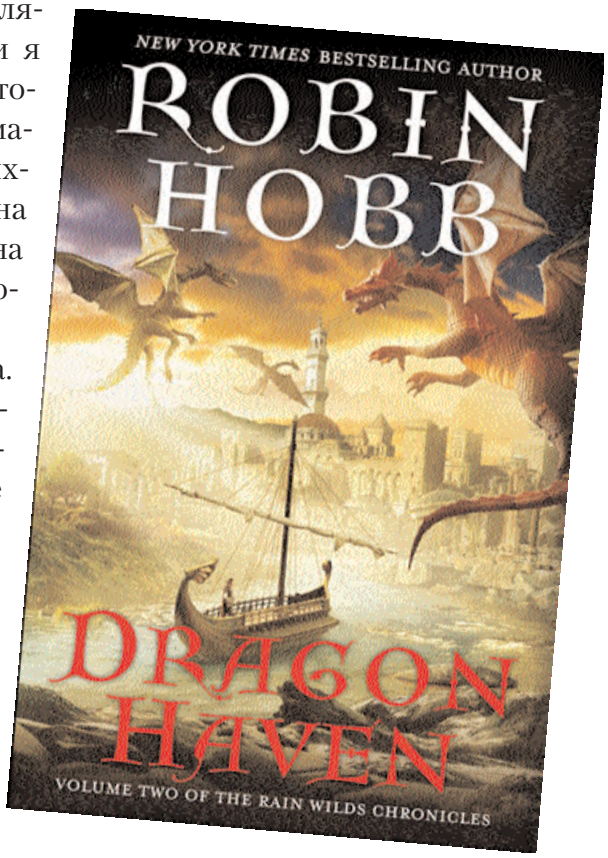
Vach: Как Интернет повлиял на ваши отношения с читателями и издателями?

P.X.: Естественно, Интернет изменил мои контакты с читателями и переписку с редакторами. Но перемены происходили медленно и постепенно. Раньше я заканчивала книгу и заказывала в копировальном офисе несколько экземпляров текста. Одна копия оставалась у меня, другие я посылала редактору и моему литагенту. Редактор вносил в текст замечания и предложения, отправлял копию мне назад, я вносила изменения или перепечатывала страницы, если было много правок, затем снова отправляла рабочий материал редактору. Этот сравнительно медленный процесс давал мне время для взвешенного обдумывания. А ожидание ответа позволяло мне немного отстраниться от текста и, когда работа возвращалась, я видела ее достаточно "свежим" взглядом.

Теперь я заканчиваю книгу и тут же отправляю по электронной почте несколько файлов в знакомые издательства. Впрочем, иногда приходится работать с бумажными текстами. С одним редактором мы используем только электронную почту. Другой требует бумажных текстов. Он отсылает мне обратно замечания и предложения, после чего мы начинаем обсуждать правки по электронной почте. Как видите, работа ведется ускоренными темпами. Часто возникает путаница с номерами страниц. Время от времени случается неразбериха с программами, совместимым для Англии и США. Поэтому я все еще нахожусь на эволюционной стадии.

Что касается читателей, то поначалу Интернет не оказывал влияние на наши взаимоотношения. Затем я обзавелась вэб-страницей, и тогда мои контакты с читателями возросли во сто крат. Я начала получать поток писем, комментариев и вопросов. На сайте я рассказываю читателям о выходе новых книг, о том, где опубликованы мои рассказы, где планируются встречи, чтения

и лекции. Я рада этим контактам с читателями. По сравнению с другими писателями я провожу очень мало встреч и чтений, поэтому персональных контактов у меня очень мало. Но на сайте я общаюсь с людьми без каких-либо ограничений. Да, я стараюсь отвечать на все письма, поэтому мне пришлось выделить на переписку часть времени, которая прежде уходила на работу с книгами.



Хотя здесь имеется своя темная сторона. Нечто подобное я встречала раньше на чтениях и лекциях. Многим людям нравится общаться с популярными авторами. Некоторые из них проявляют огромный энтузиазм, интересуясь, как я пишу, и каковы мои планы на следующую книгу. Другие приходят и слушают, но в тот момент, когда я подписываю им книги, они разочарованно вздыхают. Я не так интересна, как мои персонажи. Я не так харизматична. То же самое происходит и с электронными письмами. В какой-то момент читатель понимает: "Я люблю этот мир, я знаком с персонажами, но после разговора с автором мой интерес пропал. Я вдруг понял, что все это выдуманная история. Мне никогда не попасть туда, не жить в том мире. Я никогда не встречу тех людей живыми, во плоти." Это момент большого разочарования. И тогда, наверное, некоторые читатели спрашивают себя: "А нужно ли было встречаться или переписываться с автором?"

Vach: Расскажите историю о том, как вы издали свою первую книгу?

P.X: Это хороший пример того, как плохое исполнение творческого процесса может, в конечном счете, дать хороший результат. Я начинала свой путь в фантастике и фэнтези с коротких новелл и рассказов. Один из них попал в антологию "Амазонки!", которую составила Джессика Аманда Салмонсон. И эта антология завоевала премию мировой фэнтези. В кратком резюме перед рассказом я указала, что работаю над большим произведением, в котором будут задействованы те же два персонажа. И это действительно было так. Но позже я потеряла интерес к роману, забросила его дальний ящик стола и забыла о нем.

Через полтора года мне довелось побывать в Сиэтле, где жила Джессика Салмонсон. Я позвонила ей. В разговоре она упомянула, что редактору "Асе", Терри Уиндлинг понравилась антология и, в частности, мой рассказ. Терри даже расспрашивала о книге, над которой я якобы упорно работала. Тогда я, наконец, взялась за ум, позвонила Уиндлинг и

отослала ей несколько глав. Она помогла мне опубликовать в "Асе" роман "Полет гарпии" и еще несколько книг.

Если бы Джессика не рассказала мне о разговоре с Терри, я вряд ли закончила бы тот роман. Мораль истории простая: Написав книгу, вы должны представить ее на рассмотрение редакторов. Иначе вы зря потратите время.

(Вы можете посетить вэб-страницу Робин Хобб, кликнув на этой ссылке: **http://www.robinhobb.com***)*

Робин Хобб родилась в Калифорнии в 1952 году и выросла в Фэрбанксе, штат Аляска. В настоящее время она живет в Такоме, штат Вашингтон. Когда Хобб не занята написанием книг, она работает волонтером в местной школьной библиотеке. Ее хобби включают хорьков, котов и уход за лужайкой перед домом. Если вы хотите написать ей письмо, посетите указанную выше вэб-страницу.

Мит Ник

ПРЫЖОК

— Неужели люди так принципиально
отличаются от аквариумных рыбок,
что не нуждаются в смене застоявшейся
воды?..

Мель Ник

Договориться с Богом было нелегко... Но мы надавили на жалость... И Он согласился, но при условии, что прыгать будут все жители планеты...

Каждый человек был облачён в скафандр, имел при себе два увесистых металлических чемоданчика (исключением были лишь маленькие дети, матери с новорожденными, также одетыми в миниатюрные скафандры, немощные старики, инвалиды, а также я сам — координатор прыжка). За плечами у всех нас имелись реактивные ранцы, функциональным назначением которых было в нужный момент немного приподнять над Землёй огромную людскую массу, численностью чуть менее восьми миллиардов человек. В чемоданах было всё самое необходимое для создания новой цивилизации — мини-компьютеры, детали разнообразных механизмов, образцы минеральных руд, металлов и нефти, ценные технические книги и многое другое. Люди стояли тихо и неподвижно, даже дети, приученные к порядку многочасовыми гипнотическими сеансами.

«Огромная безликая масса, — подумал я, восхищенно разглядывая море белого металла, простирающегося во все стороны, насколько хватало глаз, — скафандр стёр все различия между этими людьми, и теперь, глядя на тонированные стёкла шлемофонов, невозможно было определить, кто перед тобой — мужчина или женщина, белый ли, афроамериканец, азиат, или какая-нибудь диковинная помесь из этих рас. Можно даже сказать, что передо мной стояла мечта фанатично политкорректных американцев — ведь, кроме личных физических параметров, ничто не отличало одного человека от другого...Социальный статус, финансы, профессия — всё это осталось в прошлом, ведь на новом месте человечеству придётся начинать с нуля, на первых этапах деньги и связи не будут значить ровным счётом ничего и абсолютно у каждого жителя планеты появится шанс проявить себя — будь то индустриальный магнат или обычный клошар с парижского вокзала».

Подумать только, ведь всего три года назад никому и в голову не пришло бы, что такая затея даже теоретически может быть осуществлена... А сейчас я стою перед контрольным пультом и пристально смотрю на людей, а точнее на их скафандры, прикидывая, кто передо мной — обычный менеджер из строительной фирмы или испанский король... До

назначенного Господом срока оставалось чуть более двух часов, но всё было приведено в состояние идеальной готовности... Ожидание ощущалось в воздухе плотной тягучей субстанцией и только кислородные фильтры, встроенные в каждый космический костюм, позволяли нам комфортно дышать. Я посмотрел на часы: 12:32. Скоро... Очень скоро...

Земля трещала по швам — это понимали все. С каждым годом население увеличивалось, а планетарные ресурсы поступали прямо противоположным образом, количество природных катастроф резко возросло, а новые вирусные модификации поражали врачей своей необыкновенной стойкостью ко всем известным медицинской науке видам антибиотиков. Технологическое развитие не позволяло надеяться на выход из сложившейся ситуации с помощью современных машин, регулятор по контролю рождаемости вводить было уже слишком поздно, да и переработанные ресурсы назад не вернёшь, поэтому мы могли надеяться только на чудо...

И чудо произошло...

Бог появился неожиданно и эффектно, чем напомнил фейерверк в самом разгаре праздника... И хотя визуально Он был идентичен представителям европеоидной расы, всё человечество вдруг, в один момент, осознало, что Господь пришёл... Это было как гром среди ясного неба, верующие всех конфессий ликовали, объединившись и разом позабыв свои многочисленные разногласия, а атеисты бежали в церкви креститься и замаливать грехи, либо корчились от боли в муках сердечного приступа...

Его не надо было снимать на видеокамеру, транслировать на модных телеканалах, брать у Него интервью... Он был в сердце каждого человека, Он разговаривал с каждым из нас, выслушивал наши проблемы, просьбы... И хотя поначалу Он был непреклонен в своём намерении уничтожить нас вместе с Землёй, постепенно, шаг за шагом, нам удалось уговорить Его не делать этого... И Господь разработал план нашего спасения...

Начался длительный период подготовки. Все военно-промышленные комплексы планеты были переориентированы на производство скафандров, вырубка леса в русской тайге доведена до поистине колоссальных размеров — чтобы к концу срока можно было обеспечить людям мало-мальски ровную площадку, на которой они смогли бы провести последние часы перед прыжком. Наконец, был сконструирован и поставлен на массовое производство реактивный ранец, способный при помощи атомной энергии поднимать очень большие грузы над землёй, ненадолго, правда, но надолго нам и не требовалось — всего пара-тройка секунд. Апофеозом всей этой предпрыжковой подготовки являлось проведение соревнований на самую молниеносную скорость реакции — победитель назначался координатором прыжка и должен был нести ответственность за жизнь всего человечества — короткий срок, но от этого бедняге не стало лучше...

Я и есть тот самый бедняга, координатор, который в нужный момент должен нажать на маленькую зелёную кнопочку у себя на контрольном пульте, которая приведёт в рабочее состояние реактивные ранцы за спинами восьми миллиардов человеческих тел...

Вся проблема заключается в том, успею ли я?

Я пристально смотрел на часы... До назначенного срока оставалось менее двух минут...

Казалось, весь мир задрожал, испытывая тот же невероятный ужас, что и я сам. Возможно и не казалось... Или нет, всё-таки казалось... Минута...

Страшно... 45 секунд... Мышцы сжимаются в судорожном спазме, по всему телу разливается странная немота, вязкость, усталость... Только бы я смог нажать, только бы у меня получилось...

Секундная стрелка добралась до заветной чёрточки на моих часах, мозг даже не успел ощутить этого, а рука уже сама, непроизвольно, вдавила кнопку в консоль...

Я почувствовал как что-то всесокрушающе тянет меня вверх, ноги оторвались от Земли, и я взлетел, параллельно наблюдая за тем, как в воздух поднимаются другие фигуры в белом...

Создатель осознал, что время пришло... Он схватил Землю правой рукой, выдернул её с орбиты и с силой метнул в пустоту, в то же время левой подставляя на место «колыбели человечества» другую планету — новую, свежую, пышущую здоровьем и жизнью...

А потом облегчённо вздохнул...

Я приземлился, нет, лучше сказать припланетился, ведь этот новый шарик ещё не получил своего официального названия, и огляделся вокруг. По телу разлилось слегка покалывающее блаженство, возвестившее меня об успешном выполнении поставленной задачи. Физики облегчённо вздохнули, удостоверившись в том, что сумели сделать правильные расчёты, благодаря которым ранцы — да ещё и с такой нагрузкой — смогли преодолеть силу притяжения Земли...

Я радовался, что сумел вовремя нажать на кнопку, ведь сделай я это на секунду раньше, и мы бы сейчас летели вместе со старушкой-Землей через космическое пространство, на секунду позже — и нас размозжила бы о себя новая планета...

Люди, возбужденно оглядываясь по сторонам, поспешно стягивали с себя скафандры, которые, несмотря на всего лишь односекундное пребывание в открытом космосе, успели покрыться тонкой инистой коркой.

Я тоже стянул со своей головы шлемофон и присмотрелся к окружавшему нас пейзажу... Да, печать свежей жизни лёгким, едва заметным налётом оседала на экзотических, никогда невиданных прежде кустарниках и деревьях, и, даже маленьких птичках, летающих между ними...

Прекрасный новый мир... Нам только предстоит исследовать тебя, познать все твои красоты и прелести... И, что самое главное, нам предстоит сохранить твою красоту и неповторимое очарованье новизны для своих потомков...

Люди, устало-счастливые, разбредались по бескрайним пространствам неизведанной планеты.

Со всех сторон то и дело слышались удивлённые восклицания, когда кто-то натыкался на забавного пушистого зверька или красивый цветок...

Солнце клонилось к закату...

13.03.11

Марк Лисовский

Гуля

Не знаю, как в России, но в Латвии для несовершеннолетних сирот и беспризорных детей созданы приюты, детские дома и интернаты. Вопреки сложившемуся мнению многие из этих учреждений больше похожи на детские сады и школы, чем на тюрьмы и изоляторы. И это хорошо, потому что дети всегда остаются детьми. Им нужна любовь и свобода. В таких, казалось бы, неоспоримых истинах я убедился на собственном опыте, проработав три года воспитателем в одном из интернатов, куда направляли беспризорных малолетних преступников в возрасте от десяти до четырнадцати лет.

В принципе, работать там было не сложно. Детям изначально необходимы забота и общество взрослых людей, поэтому мальчишки, в ответ на мои незначительные знаки внимания, инстинктивно тянулись ко мне и, в конце концов, их симпатия перерастала в глубокую привязанность. Я же, зная этот секрет, дарил им скупую мужскую доброжелательность и без труда справлялся со служебными обязанностями.

Проходя по коридорам интерната или занимаясь с детишками в спортивном зале, я всегда замечал, как они наблюдали за мной — настороженно и искоса, но без вызова и, даже наоборот, с какой-то тайной надеждой. И тогда я удивлял их, делая едва заметный жест узнавания — кивал им головой или слегка похлопывал по плечу. Это радовало детей настолько, что они переставали коситься на меня и приступали к занятиям или своим делам. А мой авторитет укреплялся все больше и больше.

Эти взаимоотношения с подростками приносили мне огромное удовольствие. Будь они моими детьми, я без сомнения уделял бы им больше внимания, но должность воспитателя накладывала на меня свои ограничения. Тем не менее, проходя через притихший плац, я часто останавливался рядом с каким-нибудь мальчишкой и задавал ему пустяковый вопрос — о жизни, об успехах в учебе. Парень хмурился. Его взгляд уходил куда-то в сторону, выражая детскую концентрацию мыслей или мнимое безразличие к моему появлению. И тогда я ерошил ему волосы, а он отвечал мне быстрой признательной улыбкой или еще больше хмурился, показывая свою «крутизну».

Я полагаю, это было вполне естественное выражение симпатии. Оно не накладывало на нас обязательств и воспринималось почти что символически, но более старшие мальчишки, замечая мою открытость к «малышам», тоже старались привлечь к себе мое внимание.

А вокруг бушевали перемены. По детским исправительным учреждениям прокатилась волна бурных новшеств, связанных с законом о государственном языке. Многих про-

фессионалов уволили, вместо них пришли неподготовленные люди — пусть хорошие и добрые, но в большинстве своем некомпетентные в вопросах детской психологии. В интернате наметилась угроза тотального отчуждения мальчишек и воспитателей. Возможно, поэтому я и собрал вокруг себя ребят. Мне хотелось показать им, что на самом деле ничего не изменилось.

Однажды воскресным вечером, за час до начала своего дежурства, я подъехал к воротам, где меня уже поджидало несколько подростков. Увидев мою машину, они замахали руками. Я подал им знак, и четверо мальчишек забрались на заднее сидение. Это был наш ритуал, который мы выполняли почти каждый день в течение трех лет. В нем участвовали все дети интерната. К нам поступали разные ребята, порою грубые и обозленные или, наоборот, забитые жизнью, необщительные тихони, но и они однажды говорили себе: «Завтра я тоже подам ему знак. Махну рукой, и он возьмет меня покататься на машине.»

Мы выезжали на трассу, ведущую в город, вливались в бесконечный поток транспорта и минут через десять уже мчались по улицам Риги. Дети жадно смотрели в окна на высокие дома, на витрины магазинов и аллеи парков. Они кивали девчонкам на тротуарах, корчили рожи и показывали средний палец городским пацанам. А затем я делал разворот у центрального вокзала и отвозил их в интернат. На обратном пути мы беседовали о прошлой и будущей жизни — о семьях, родителях, сестрах и братьях. Я старательно притворялся, что ничего не знаю об их биографиях, о приводах в полицию и сведениях о родных и близких. Они выдумывали для себя приключения и подвиги, фантазировали, как маленькие бароны Мюнхгаузены, но это была не ложь. Это были детские мечты. И я делал вид, что принимаю их слова за чистую монету.

Был у нас один мальчишка, которого звали Гулей. Прозвище он получил из-за любви к голубям. Стоило ему увидеть их, как он тут же заводил свое «гули-гули». И не знаю, то ли голос у парня был такой, то ли доброта души лучилась из него, как свет, но птицы слетались с карнизов и крыш, садились к нему на голову и плечи. Его привезли к нам из центра профилактики беспризорных детей. Обычно, если у ребенка имелись родители, его не отправляли в интернат. Но Гуля божился, что раньше жил в нормальной семье вместе с матерью и братьями. Он даже имена их называл: одного звали Юрием, а другого — Юрисом.

— Юрий и Юрис?— с удивлением спросил я.

— Ну, да.

— Это одно и то же имя — только на русском и латышском языках.

Когда мы вернулись в интернат, я взял личное дело Гули и прояснил для себя суть вопроса. Он был беспризорником и полным сиротой. Его переводили из одного детского дома в другой, но этот озорной мальчишка любил свободу, как птица. За ним числилось восемь побегов. В последнее время он бродяжничал на рижском центральном рынке, где и был пойман на карманной краже.

Пролистав журнал учета почтовых отправлений, я обнаружил, что Гуля писал письма регулярно — причем, одному и тому же адресату — Ксении Михайловне Вовк. А вот Ксения Вовк никогда не отвечала ему. Такой поворот событий показался мне странным. На следующий день я задал Гуле несколько вопросов, и он ответил, что Ксения Михай-

ловна, его мать, больна и не может писать ему письма. Я позвонил в отдел социального обеспечения того предместья, где проживала семья Вовк. Мне пообещали разобраться в этом деле.

Через неделю, катая Гулю в машине, я снова начал расспрашивать его о семье. Он говорил о том же — о маме Ксении и братьях. Только в этот раз он называл их Юрием и Юлиусом.

— А раньше ты рассказывал о Юрисе,— заметил я.

— Нет-нет, вы просто забыли,— ответил Гуля.

В его глазах была такая тревога, что я тут же перевел разговор на другую тему. Этот маленький и хитрый паренек делился со мной историей, которая сплошь состояла из вымысла. Буквы в имени мнимого брата он заменил для того, чтобы избавиться от лишних вопросов. И я понимал его. Он стыдился быть безродным бродяжкой, без семьи и родственников. Мальчик выдумал их для себя, чтобы никто не мог упрекнуть его в отсутствии отца и матери. Ему не хотелось верить в простые и жестокие правила нашего мира, где всем было безразлично, жив он или мертв. Все это тронуло меня, и я не стал убеждать Гулю в том, что страна и чуткое правительство заменят ему родителей и позаботятся о его благополучии. Я просто улыбнулся мальчишке и сочувственно кивнул.

Вскоре на мой запрос пришел ответ, в котором сообщалось, что Ксения Михайловна Вовк действительно проживала по указанному адресу и что она действительно имела двух детей — Юриса и Юрия. В беседе с участковым инспектором эта женщина заявила о том, что знает Гулю как бездомного бродяжку, который несколько раз ночевал в ее дровяном сарае. Да, Ксения Михайловна получала его письма, но никогда не отвечала на них, потому что в своих посланиях он называл ее «мамочкой», а она не была его матерью и не собиралась играть такую роль. Ксения Вовк была степенной женщиной, прихожанкой церкви, и она не желала разрушать свою семью какими-то отношениями с малолетним бездомным бандитом.

Но я знал, что Гуля не был преступником. Его желание иметь свою семью было таким огромным, а дисциплинарные записи — такими невинными и незначительными, что я начал чувствовать себя перед ним как бы в чем-то обязанным. Однажды во время прогулки по плацу он присоединился ко мне, и я снова задал ему несколько вопросов о «матери».

Он мог рассказывать о ней только в общих чертах. Она была для него очень красивой, честной и строгой. «Мама» Ксения любила детей. Ее дом в грезах Гули выглядел сказочным раем — чистым и светлым, уютным и теплым. Было ясно, что мальчишку тянуло к этой женщине. Наверное, он наблюдал за ней, прячась в сарае или в кустах за забором. Гуля видел, как она заботилась о Юрисе и Юрие, и он представлял себя на их месте. Мальчик отдал бы все на свете, чтобы стать ее сыном — чтобы «мама» Ксения приняла его и спасла от тоскливого одиночества. Но он не знал главного. Он не знал, как открыть ее сердце.

— Вот у тебя такая прекрасная мать,— сказал я ему.— Зачем же ты тогда воровал на рынке?

Гуля промолчал, не в силах ответить на этот вопрос. Его совесть и ум противились новой лжи. Мальчик понимал, что, имея такую прекрасную мать, он никогда не пошел бы на

кражи. И раз уж его поймали на рынке... Гуля взглянул на меня, но я лишь печально вздохнул и развел руками. Мы просто не знали, что делать дальше.

К несчастью, моя переписка с отделом социального обеспечения заинтересовала нашу новую директрису. Выяснив у меня подробности дела, она решила провести беседу с Гулей.

— Мы должны разорвать этот круг порочной лжи,— изрекла моя начальница.— Печально, что вы, человек, которому государство доверило воспитание несчастных сирот, потворствуете их хулиганским выходкам. Кстати, у вас какая категория знания государственного языка? Вторая или третья?

— Третья. А что касается мальчика, вам нужно учесть...

— Только не учите меня тому, то мне «нужно»! Похоже, вы забыли, кто управляет этим учреждением! Я делаю вам официальное предупреждение! Либо вы будете выполнять мои указания, либо ищите для себя другую работу.

Гулю вызвали в кабинет директрисы. Я ждал его в приемной и время от времени слышал сердитые выкрики начальницы: «Я не позволю оскорблять честь женщины...», «...ты, маленький подлый лгун...», «...у тебя нет семьи — запомни это раз и навсегда!»

Когда он вышел, я был просто поражен столь видимым эффектом современной «педагогики». Вся его бравая уверенность угасла. Он стоял беззащитный и напуганный — не как обманщик, уличенный во лжи, а как бездомный ребенок, у которого отняли последнее, надежду и веру в чудо. Мы, взрослые люди, защитники моральных устоев и правдокопатели, уничтожили фундамент его гордости — вернее, саму суть его человеческого достоинства. Мы уничтожили Гулю...

На следующий день он заболел. Доктор сказал, что это был туберкулез, но я не мог отделаться от чувства вины. Мне казалось, что причиной болезни были не микробы, а то унижение, которому подвергся мальчик. Я написал Ксении Михайловне и изложил ей всю историю о бездомном ребенке, который боготворил ее и избрал своей матерью. Она ответила мне строгим письмом, напомнив, что не несет за него никакой ответственности. Кроме того, Гуля был латышским мальчиком, а она — русской женщиной, которую часто называли «мигранткой» и «оккупанткой». Ксения Михайловна не знала, как вести себя с беспризорными детьми, и даже думать боялась о встрече с «малолетним преступником».

Надо сказать, что туберкулез — это очень странная и загадочная болезнь. Иногда она проявляется внезапно, в самой худшей форме, и за несколько дней приводит к летальному исходу. Гуля. вырванный из мира сказочных грез — из мира, где у него была семья и мама — угасал невероятно быстро. По словам доктора, надежды не было никакой. В приступе отчаяния я послал Ксении Михайловне телеграмму, умоляя приехать.

И она приехала.

Эта женщина оказалась очень порядочной и доброй. Узнав, что ситуация действительно серьезная, она без суеты и колебаний окружила Гулю заботой и вниманием, как своего родного ребенка. Весь приют решил, что она на самом деле была его мамой. Ксения Михайловна сидела у постели мальчика два дня, рассказывая ему о Юрие и Юрисе, о том, как вся их семья ожидает того момента, когда он вернется к ним в дом. Она изли-

вала на Гулю свою любовь, нисколько не пугаясь опасной и заразной болезни. Ксения Михайловна дарила ему все, о чем он мечтал.

Иногда я заходил к ним в палату изолятора и слушал, как они говорили о поездке на хутор в Латгалию, о том, какие вкусные печенья делает бабушка Вера и какие книги ему понадобятся, когда он отправится осенью в школу. Гуля смотрел на нее, не отрывая глаз. Время от времени он благодарно кивал мне головой, но я продолжал винить себя за то, что не мог вернуть ему здоровья.

В тот дождливый день и печальный день, когда мы готовились к его похоронам, Ксения Михайловна сказала мне:

— Пожалуйста, напишите на кресте, что он мой сын. Янис Вовк. О, Господи! Почему я не отвечала на его письма!

— Вы сделали все, что могли,— ответил я.— Смерть приходит без спроса. Она не щадит ни старых, ни молодых.

— Нет,— покачав головой, возразила женщина.— Если бы мальчик был со мной, смерть бы не пришла. И даже если бы пришла, он умирал бы, зная, что у него есть дом и семья. Что кто-то будет вспоминать о нем с любовью и грустью...

После похорон она уехала домой. И я тоже уехал — уволился и уехал, потому что больше не имел возможности выполнять свою работу, как мог бы выполнять.

ПЕРВЫЙ ПОЦЕЛУЙ

ЛАЯННА скучала, а когда она скучала, начинали случаться странные вещи. Старая Марьяна, изучившая свою внучку лучше, чем ей этого бы хотелось, уже несколько дней замечала в глазах девочки недобрые огоньки. Она попыталась придумать для нее занятие, которое могло бы отвлечь ум Аниты от всяких экзотических проказ.

— У нас кончились спички и мука,— нараспев сказала старая женщина.— Хорошо бы тебе сходить в поселок за покупками. Да и на почту надо заглянуть — я написала письма своим сестрам.

Лаянна фыркнула.

— Спички и мука. То сбегай в поселок, то сбегай на почту. А я, Ба, хочу чего-нибудь интересного. Лучше бы показала мне новые чары. Разве мы не можем...

— Нет, не можем!— оборвала ее Марьяна.— Ты должна жить реальной жизнью, девочка. Люди боятся чар. Но они любят покупать продукты и ходить на почту. Собирайся в дорогу. Заодно растрясешь свой жирок.

Лаянна сердито зашипела. Ей не нравилось, когда ее упрекали за пухленькую фигурку.

— Только не задерживайся,— наставляла бабушка.— К трем часам будь дома. Если увидишь Антона, напомни ему, что он обещал починить нам трубу. Я уже всю метлу обломала об эти торчащие кирпичи.

Марьяна с улыбкой посмотрела на недовольное личико внучки и протянула ей горсть монет.

— И чтобы никаких проказ в магазине! Бедная продавщица. Я еще не забыла, как ты заморочила ей голову и объелась кексами. Посмотри на себя! Скоро в дверь не пролезешь!

Лаянна выбежала во двор. Она терпеть не могла все эти наставления. Подумаешь, немного растолстела. Как будто красивая девушка должны быть обязательно худой. Впрочем, бабушка была права. Надо обольше ходить и побольше двигаться.

Конечно, полеты над лесом и мгновенные перемещения были по-своему хороши, но обычные прогулки по цветущей поляне среди высоких деревьев доставляли ей особое удовольствие. Из кусто то и дело выбегали мелкие зверюшки. Огромный ворон опустил-

ся на ее плечо, впрашивая кусочек печенья. Густые кроны шумели над головой, и Лаянна пела им свои любимые песни. Здесь было весело — не то, что в поселке.

Поселок Цирма был серым и скучным. По дороге мимо нее, раскачиваясь на раздолбанном велосипеде, проехал Сашка Лебедев — ее сверстник и «пропащая душа», как говорила бабушка. Хорошо, что рядом не было его дружков.

— Эй, булочка, привет. Потряси щекой, нагони мне ветра...

Лаянна нахмурила брови, и Сашка, не успев закончить свою шутку, слетел с драндулета на землю. У магазина в тенечке сидели местные пьяницы и злословили о каждом, кто проходил мимо.

— У-у, ведьмино отродье!— заворчал на нее один из мужиков, поднося ко рту бутылку.— Маленькая, а уже вся в бабку.

Пьяница сделал глоток и брезгливо сплюнул на ладонь какой-то коричневый комок. Его лицо побелело. Он зажал руками рот и стремглав помчался за угол. Вот тот-то, подумала Лаянна. В следующий раз я тебе туда не червяка, а жабу суну. Она гордо вошла в магазин.

Ей не нравились эти люди. Они были злыми и некрасивыми. Эх, если бы жить в Аргентине, как Цыгночка, или в Америке, где сражались с преступностью Фрейзер и Ленс. Фрейзер не стал бы называть ее Булкой и «ведьминым отродьем». Он сразу бы понял, что нашел свою судьбу. Лаянна тоскливо вздохнула. Как жаль, что все хорошие парни идут строго на юг, а не на восток — через их посёлок и Гарбаровский лес.

На обратном пути, отягощенная сумкой и печальными мыслями, она пошла напрямик через капустное поле. Там они с ним и встретились. Он стоял посреди грядок — такой же

обиженный на белый свет, как и она. Его поставили здесь прошлым летом, чтоб отгонять зайчат и птиц. Он целый год провел под дождями и ветром, глядя на темный лес. Какая, должно быть, скучища!

Лаянна не знала, как его зовут, но из всех известных слов ей особенно нравились «Фрейзер» и «Фазер».

— Добрый день, Фрейзер,— сказала она.— Как поживаешь?

Он ничего не ответил, и девушка прошла мимо него. Но через двадцать шагов она остановилась и медленно опустила сумку на землю. На нее вдруг накатило странное и удивительное чувство, которое предшествовало всем самым интерсным событиям ее жизни. Она повернулась, подбоченилась и, прищурив глаза, еще раз помотрела на Фрейзера.

Дожди и ветры истрепали его лицо, но это было не важно. Лаянна подошла к нему, поправила лацканы порванного пиджака и пригладила его соломенные волосы. Фрейзер загадочно смотрел на нее косыми щелочками глаз. Быстро оглянувшись, она прошептал несколько слов, потерла ладони и топнула ногой. И тут же начали случаться странные вещи.

Ветра по-прежнему не было, но по земле вокруг Фрейзера зазмеились столбики пыли. В чистом воздухе заискрился синий туман и, коснувшись соломенного пугала, исчез с чуть слышным шипением. Фрейзер повел плечами. Шест под ним заскрипел и слегка нагнулся вперед. Лаянна от радости запрыгала на месте. Ей захотелось закончить работу, но ее могли заметить с дороги.

— Извини. Я вернусь к тебе вечером, когда стемнеет. Бабушка не разрешает мне использовать чары на виду у людей.

И она вернулась, когда небо потемнело, а запах земли стал сильнее аромата трав. Прошептав слова и сделав пассы, Лаянна спустила Фрейзера с шеста. Он сделал пару шагов и хрипло прошептал:

— Здесь твердо.

В сером мраке сумерек его круглое безносое лицо выглядело очень странно, но Лаянна быстро привыкла к нему, по себе зная, что красота не в облике, а в чувствах. Она заглянула в мысли Фрейзера и нашла его мозг до безробразия пустым. Но в этом был свой плюс — она могла вложить в него слова, которые хотела услышать. Поначалу процесс обучения казался трудным. Один вопрос цеплялся за дюжину других. Однако Лаянна не сдавалась.

— Что такое ночь?

— Ночь — это сейчас. Когда темно.

— А когда темно?

— Когда нет света.

— Что такое свет?

— Свет — это когда ты видишь Гарбаровский лес. А если темно, то его не видишь.

Ранним утром она помогла Фрейзеру забраться на шест и, попрощавшись с ним, отправилась домой.

Всю следующую неделю бабушка Марьяна не могла нарадоваться на внучку. В дневное время та зубрила новые чары или выискивала в огромном гримуаре различные закли-

нания, которые потом опробовала на Фрейзере. По ночам малышка убегала из дома и носилась по окрестным полям, как то и полагалось молоденькой ведьме.

— Лаянна,— спрашивал ее Фрейзер,— что означает слово «нравится»?

— Это такое чувство, которое возникает у людей. Например, мне нравишься ты. Потому что ты нежный и думаешь обо всем так, как думаю я. Не то, что обычные люди...

Из леса к ним навстречу выбежал волк. Он хотел пообщаться с Лаянной, но, увидев пугало, метнулся в темные кусты.

— А что такое стихи?

Девочка весело засмеялась.

— Мне все труднее отвечать на твои вопросы. Стихи — это красивые слова, которые мужчины пишут для женщин, а женщины — для мужчин. Бабушка говорит, что от хороших стихов сердце тает, как воск, а от плохих — болит живот и хочется плеваться.

— А я мужчина?

— Да. Ты мужчина.

Еще через две недели она забыла, что Фрейзер когда-то был простым соломенным пугалом. Он стал для нее лучшим другом, которому она доверяла свои секреты. Лаянна дала ему шесть чувств и даже частички седьмого и восьмого. Он знал уже много слов и довольно неплохо разбирался в жизни. Однажды, когда они сидели на краю поляны и рассматривали звезды, Фрйезер обнял ее за плечи, и она, с довольной улыбкой, прижалась щекой к его мягкой груди.

В тот же день, вернувшись домой, она столкнулась нос к носу с бабушкой Марьяной.

— Нам нужно поговорить,— сказала старая женщина.— Ты должна жить реальной жизнью, девочка. Хватит этих игр с соломенным чучелом.

— Он не чучело! Он — мой друг! Я не хочу, чтобы ты вмешивалась в наши отношения...

Внезапно Лаянна замолчала и затем жалобно спросила:

— А ты, что, все знаешь?

Бабушка с улыбкой погладила ее по щеке. И девочка вспомнила, как в небе все время кружилась ночная птица; как в кустах возилась кабаниха, мешая визгом и хрюканьем ее разговору с Фрейзером.

— Ба, но так же не честно!

— Нечестно обманывать себя. У тебя могли бы быть нормальные друзья среди людей, а ты заменяешь их...

— Люди называют меня толстой обезьяной или жирной свиньей!— заплакав, закричала девочка.— У них нет ни жалости, ни добрых чувств к таким, как я. А для Фрейзера я самая красивая на свете! Он добрый! Он любит меня!

Поплакав, она заснула, и ей приснился Фрейзер. Они держали друг друга за руки, и во сне у него было приятное лицо, с красивыми губами и обычным человеческим носом. Она от волнения проснулась и тут же заснула вновь в надежде, что он вернется в ее сон. Фрейзер вернулся. Он был совсем как в фильмах «Строго на юг» — такой же добрый и сильный. Фрейзер говорил о чем-то важном, но она все время забывала его слова, и он повторял их настойчиво и серьезно. А затем она открыла глаза и с тоской посмотрела на синее небо.

Дождавшись ночи, девочка пошла на капустное поле. Полная луна превратила воздух

в жидкое серебро. Туман разливался парным молоком, и темный лес поеживался елями от прохлады и сырости. Фрейзер ждал, поскрипывая на шесте. Когда она помогла ему спуститься на землю, он снял свой потрепанный пиджак и набросил его Лаянне на плечи.

— Прекрасная ночь,— сказал он и, прихрамывая, направился к колючей ограде.— Сегодня ко мне приходили мальчишки из поселка. Они пытались оторвать мне ногу. Но это ничего. Сейчас я прикручу ее проволокой, и все будет хорошо.

Она подхватила его под руку.

— Давай, помогу. Нам нужно поговорить. Серьезно. Я должна сказать тебе кучу неприятных слов... Например, про то, что мы скоро расстанемся друг с другом.

— Но, Лаянна...

Она сглотнула застрявшие в горле слезы и попыталась объяснить ему свою проблему:

— Бабушка правильно говорит. Я просто обманываю себя. Ты был для меня игрушкой. Ты же знаешь, я никогда не любила тебя. Оживила, потом привязалась, но не любила... Нет.

Дойдя до леса, они развернулись и пошли обратно.

— У каждой девчонки есть мечта — о принце, о красивом парне, который придет и превратит мир в сказку. Но принцев мало, и их так трудно ждать... Особенно тем, над кем смеются и кого обзывают плохими словами. Вот я и придумала тебя — соломенного героя для страшненькой толстушки.

Фрейзер обнял ее, прижал к себе и неумело поцеловал. На щеках у Лаянны засверкали слезы.

— В моем сердце тоже есть мечта,— услышала она его мягкий голос.— Мечта о том, то я каким-то чудом превращусь в человека. Мечта о тебе и счастливой жизни. Мечта о тебе и о нашей любви.

— Нет, такое невозможно. Ты же не человек, а соломенное чучело. Ты — пугало. Пугало!

Фрейзер отшатнулся, словно от удара, и, отступив на пару шагов, вдруг побежал к далекому краю поля. Волна стыда лишила Лаянну сил. Она стояла на месте, и у нее перед

глазами мелькали искаженные лица мальчишек, обзывавших ее ведьмой, прыщавой булкой и жирной курицей.

— Подожди! Не убегай!— закричала она, но Фрейзер почти исчез в темноте.

Внезапно она услышала собачий лай.

— Не беги туда!— завопила Лаянна.— Там хутор и собаки! Они растерзают тебя на куски!

А Фрейзер знал — недаром же она наделила его частичками седьмого и восьмого чувства. Лаянна побежала за ним. От страха она забыла о полетах и мгновенных перемещениях. Ее друг хотел покончить с собой. Он оказался слишком гордым для такого унижения.

Из темноты раздалось злобное рычание. Собаки набросились на Фрейзера, и клочья соломы полетели в стороны. Он упал, поднялся на ноги и снова рухнул под тяжестью двух овчарок, которые терзали его бока. Лаянна напрасно пыталась отогнать разъяренных животных. Они отбежали только тогда, когда от Фрейзера ничего не осталось.

Венди Пини. Иллюстрация к комиксовому сериалу «Эльфквест»

— Миленький! Миленький! Что же ты наделал?— рыдала девочка, собирая лоскутья клетчатой рубашки.— Я ведь лгала тебе, Фрейзер. Ты был для меня не просто другом...

Вернувшись домой, она бросилась на кровать, уткнулась лицом в подушку и снова расплакалась. Марьяна слышала, как девочка ругала себя за черствость и как признавалась Фрейзеру в любви.

— Ах, дети, дети,— прошептала старая женщина, вынимая из пальцев уснувшей Лаянны потрепанный обрывок рукава.— Вы, как вспаханное поле. Что посеешь в вас, то и вырастет.

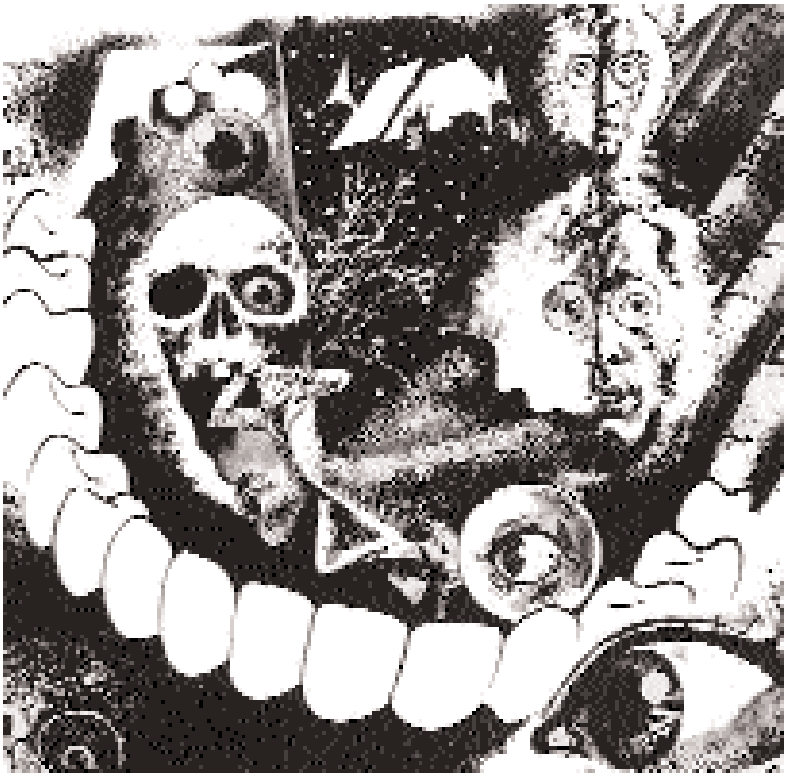
Рэй Брэдбери

ЛОВКИЙ ХОД

ЭТО случилось во вторник — 11 июня 2087 года. По пустым улицам Феникса проносился утренний бриз. В поле зрения не было ни одного человека. Лишь небольшая дворняжка перебегала шоссе, настороженно принюхиваясь к незнакомым запахам. Внезапно, пес услышал приближавшиеся шаги. Нетерпеливо повизгивая, он побежал навстречу звукам.

Издалека и сверху доносилось слабое эхо. Оно то нарастало, то ослабевало. Дюжина инопланетных кораблей зависла в небе, напоминая по форме серебристые иглы. Они парили в теплом мареве над тихим городом.

Бездонную вуаль молчания порвали в клочья. Толстые ноги протопали по пустому шоссе. Тяжело подпрыгивая, пришелец двигался в знойном безмолвии, и дюжина мелких вооруженных особей следовала за ним по пятам. Арму с далекой Венеры прошествовал в здание муниципалитета. Он длинными прыжками одолел ступени лестницы и остановился у больших дверей. Оглянувшись, он проклял кладбищенскую тишину, окутавшую город.



— И это плоды вторжения? — злобно прошипел он свите. — Неужели в городе не осталось людей? Неужели и здесь будет все, как в Нью-Йорке и Чикаго?

Эхо его голоса отразилось от каменных плит небоскребов. «Все, как в Нью-Йорке! В Нью-Йорке!» А затем безмолвие вернулось, дразня и насмехаясь над ним. «Ты думал, Арму, что победил? Но люди Земли заметили твое приближение и скрылись от тебя. Куда они могли спрятаться, Арму? Куда?»

Венерианец сердито посмотрел на своих генералов, как будто хотел свалить на них всю ответственность за провал операции. «Мы, предводители двух милли-

ардов воинов, уже все сказали тебе,— телепатически ответили они. — Земляне покончили с собой!» Резкость их ответа, словно острый нож реальности, пронзили Арму. Его тщательно продуманный план вторжения — с целью порабощения земных женщин, как производительниц новой расы венерианцев — распадался в труху! В сухую гниль!

Три тысячи космических кораблей бездействовали над Землей, ожидая распоряжений Арму. И приказы, которые ему приходилось отдавать, имели ядовитый привкус. Где прятались напуганные земляне — цели для лазеров и пуль? Где скрывалась эта мягкая белая плоть? Почему они так легко отказались от битвы, отдав предпочтение савану, а не молниеносной войне до предрешенного конца? А ведь Арму ждал славного кровавого Армагеддона.

Его заместитель сухо покашлял в разряженном воздухе.

— Земля совершенно непригодна для нас,— давясь слюной, сказал он владыке. — Нам ни к чему ее холодный климат, прозрачная атмосфера и гадкая почва. Нам нужна плодовитая протоплазма... А она уничтожила саму себя.

Венерианцы стояли, рассматривая мертвый и лишивший себя жизни город! Но как землянам удалось уничтожить себя? Это трудно было сделать в одночасье. Самоубийство каждого живого мужчины, каждой женщины и ребенка! Это казалось абсолютно невозможным!

Неужели они пошли на такую агонию лишь ради того, чтобы спастись от мощи Арму? Судя по тому, что происходило вокруг, в это можно было верить. То здесь, то там мелькали мелкие зверюшки: кот, выгнув спину, пробежал по забору; небольшая собачка, желая убедиться, не вернулся ли ее хозяин, метнулась к ступеням и при виде захватчиков с визгом понеслась прочь по улице.

Арму недовольно проворчал:

— Я не ожидал такого от землян. Я не думал, что они способны на массовое самоубийство.

Он прыжками спустился на шоссе и направился к кораблю, который приземлился на площадь.

— Продолжайте поиск! — рявкнул Арму. — Здесь должен быть кто-то живой!

Боевой флот Венеры забрызгал небо струями фотонного огня. Космические корабли продолжали греметь над мертвой Землей, над пустыми городами и океанами. Это была другая планета.

***

11.06.2083, ровно за четыре года до описываемых событий, мир действительно выглядел иным.

— Поймите, это самое бездоказательное утверждение из всех, что мы слышали,— возмутился Манхард.

— Какой бы нелепой эта информация ни казалась вам, коллега, она имеет решающее значение,— парировал Харлер.

Он пригнулся над столом и обвел взглядом собравшихся людей.

— У нас остался мизерный шанс. Единственная возможность! Так что мы сделаем? Воспользуемся случаем или позволим нашей цивилизации погибнуть?

— Но это предложение...,— произнес Манхард. — Оно какое-то детское!

Харлер сердито сжал кулаки.

— А что вы скажите об идее вторжения и порабощения? О том, что венерианцы собираются разрушить наш мир? Ради Бога, Манхард! Я понимаю, что такие сюжеты должны принадлежать фантастическим книгам. Однако факты — неумолимая вещь! И вы не можете критиковать меня при полном отсутствии космического оружия. Пусть мое решение проблемы звучит нелепо и по-детски, но это единственный способ...

Конференция могла затянуться на недели. К счастью, в заднем ряду кто-то встал во весь рост.

— Разрешите вопрос?

Харлер кивнул.

— Вы обладаете точными данными, что вторжение действительно готовится? — спросил мужчина.

— Да. Выполняя дипломатические обязанности в венерианском конгрессе, я перехватывал стенограммы их тайных заседаний. Они не знали, что я шпионил за ними. Они не подозревали, что я видел их особое оружие.

— Вы говорите о вооружении для...

— Да. О лазерах, которые способны вводить людей в паралич или аннигилировать их в соответствии со способом фокусировки. В оружии применяются венерианские кристаллы. Мы не сможем воспроизвести подобные лазеры в наших условиях. Они сметут нас с лица Земли. Мы будем полностью беспомощны. Нам остается только одно — приспособиться к новым условиям. Мы не сможем спрятаться, и нам некуда бежать. Но если мы используем смекалку, нам удастся выжить прямо под носом у захватчиков.

— Ваши слова звучат парадоксально. Как вы думаете убедить людей? Почему они должны поверить в ваш план?

— Они поверят. Они поймут, что это просто ловкий ход.

— Как буднично вы говорите о массовом самоубийстве, Харлер!

— Да, это массовое самоубийство. Но оно будет хорошо организовано! С возможностью перерождения для одних и с длительной спячкой для других.

— Мы не согласимся на эту авантюру!

— Если вы воспользуетесь последним шансом, венерианцы поступят с вами еще хуже.

Харлер устало обвел взглядом собравшихся людей.

— Вы не пожалеете, джентльмены. Конечно, это будет самое радикальное изменение, когда-либо происходившее на Земле. Оно приведет к отрицанию роскоши и многих привычных вещей. Оно упростит наши жизни. Так что вы выберите, господа? Нечто меньшее? Или ничего?

Харлер сел в кресло. Он мрачно смял листы отчета, копии которого лежали перед каждым членом Планетарного совета, состоявшего из двухсот ученых и политиков ведущих стран мира. Ему вспомнился день, когда год назад первый венерианский корабль до-

ставил шесть пришельцев — дипломатических послов. Он вспомнил, как полетел с ними на Венеру, чтобы ознакомиться с проблемами космических перелетов... как совершенно случайно узнал об истинных планах венерианцев.

Но земляне имели одно очко в свою пользу — в тот день, 11 июня 2083 года на Земле не было ни одного венерианского шпиона. Время работало против человеческой расы. У населения планеты оставалось, максимум, четыре года на подготовку к вторжению превосходящих сил. И у Земли было преимущество, которое хранилось в секрете...

По залу пронесся шепот. К трибуне вышел президент.

— Ставлю вопрос на голосование. Либо мы попытаемся сражаться в безнадежной войне, используя самолеты против космических кораблей, либо примем решение, предложенное доктором Харлером. Те, кто за сражение, прошу выразить свое одобрение.

— Да... да!

В зале раздавались голоса, прерывистые, редкие. Харлер замер, широко раскрыв глаза.

Затем президент продолжил голосование:

— Кто за план Харлера? Прошу высказать ваше мнение.

— Да,— донесся первый голос.

А затем второй, и третий, и четвертый. Безжалостный инстинкт сохранения вновь проявил свою эффективность. Вставал почти каждый. Совет голосовал за выживание.

— Да! Да... да!

Пятьдесят голосов, шестьдесят, семьдесят, восемьдесят! Большинство!

— Решение принято,— объявил президент.

Он торжество повернулся к доктору Харлеру. У того на щеке блеснула слеза, но, поднимаясь с кресла и обращаясь к коллегам, он смахнул ее рукой.

— Вы не пожалеете, джентльмены. Поверьте, вы не пожалеете!

***

— ...Услышав ваши номера и имена, вы узнаете порядок своего пробуждения в новом мире, в котором вам предстоит возродиться через десять лет,— монотонным голосом вещал диктор новостного телеканала.— Как заявил доктор Уильям Харлер, «живыми и в полном сознании» останутся не более пятисот миллионов человек. Еще примерно столько же людей уснут, чтобы пробудиться в будущем — а, возможно, и никогда. Остальными... О, Господи! Остальными придется пожертвовать. Это означает, что большая часть населения нашей планеты погибнет, гарантируя тем самым безопасное существование уцелевшего человечества.

Диктор печально вздохнул.

— Какой-то процент счастливчиков будет выбран с помощью национальных лотерей. Это придаст плану спасения пусть и слабый, но привкус честности. Остальные кандидаты будут отбираться учеными. Это требуется для сохранения интеллектуального и психологического потенциала будущего общества. Наступают времена беспрецедентного кризиса. Перед прослушиванием вечерних программ объединяйтесь в группы. Сдерживайте истерические вспышки родных и близких. Венерианцы готовят нападение. Вы можете не сомневаться в этом. Если Бог поможет, нам удастся подготовиться к их атаке. Сообщение закончено.

И был либо мед, либо яд на каждых устах — хорошее или плохое. Возникали споры, убийства, принятие условий, отказы и жесткое неповиновение, сотрудничество и саботаж. Те дни пропитались отчаянием и несмываемой виной, величием и ничтожеством.

Но что такое дни для Земли? Гнетущие часы и месяцы тянулись тяжким бременем в течение четырех лет. Мобилизация врачей и техники, людей и животных, смирения и терпения. Начались огромные строительные работы. В секретных тайниках запасались продукты питания. И эти тайники невозможно было найти, потому что они оставались на виду у всех. Самые лучшие умы работали день за днем, производя операции, управляя мощными агрегатами, создавая то, что человечество никогда еще не делало.

Из телевизионной программы «Почему мы сражаемся в этой тихой войне?»

«1. Потому что венерианцы желают спариваться с женщинами Земли. Их способность к воспроизведению потомства на Венере сведена почти до нуля.

2. Потому что смешение рас породит детей ужаса.

3. Потому что всех мужчин и стерильных женщин уничтожат.

Выжить смогут только плодовитые женщины, но их жизнь будет окрашена чудовищным насилием и позором. Мы не позволим мерзавцам с Венеры совершить геноцид человечества. Ради этой цели мы должны трудиться, не покладая рук.»

Последние дни приближались. Боевой флот врагов уже скапливался над ядовитой атмосферой Венеры. Один их корабль кружил над Землей, собирая разведанные. Он не замечал ничего неуместного — обычная суетливая активность, которой всегда славились земляне.

***

На заседании Совета доктор Харлер снова выступил с речью.

— Завтра мы узнаем, удался ли наш ловкий ход. Завтра состоится миллион превращений. И в каждый последующий день, в нарастающей пропорции, количество превращений будет увеличиваться до десяти миллионов. Мы продумали все. Какое-то время мы будем разумно воспроизводить число хранителей. Основной вопрос заключается в психологической адаптации к новой среде обитания, к новым искусствам, вкусам и желаниям, к новым домам и взглядам на жизнь. Некоторые утверждают, что это поколение не сможет воспроизводить потомство, что дальнейшего развития культуры не будет. Но это неправда! Наше мышление сохранится. Раса людей погибнет, однако мыслящие личности останутся. И сила жизни сохранится в семени, которое мы создали в экспериментах.

О, эти неистовые последние дни, когда личности и умы расщеплялись, паковались и сдавались на хранение. Они были Спящими — уснувшими мозгами, и не более того. Они беспомощно и неподвижно лежали в морозильниках, ожидая дня, когда «живые» разбудят их.

— Свыше пятисот миллионов станут спящим разумом человечества. Мы обещаем вам, что вы проснетесь... если мы выживем.

И было много песен, дорожащего смеха и слез. А затем людей погрузили в длительный сон. Печально, что никто и никогда не опишет эти сны. Ни одного печатного слова о Великом превращении. Ни одного слова об эвтаназии, умерщвлении, спящих умах и та-

инственных «живых». Венерианцы не должны были узнать о них, иначе Земля была бы обречена на вымирание. Оставшимся в живых полагалось поддерживать дыхание мира, пока венерианцы не придут, не осмотрятся и не уберутся навсегда восвояси.

Из выступления Харлера по телевидению:

Харлер: Венерианская культура без притока новой крови и порабощенных женщин погибнет в течение сорока лет. И тогда земляне выйдут из укрытий.

Вопрос: Мы действительно когда-нибудь вернемся?

Харлер: Да. И если это произойдет, ждать придется недолго. Города будут разрушены. Они не будут такими, как теперь. Но мы перестроим их для своих нужд... позже, когда сумасшедшее племя Венеры покинет нас.

Под страхом смерти запрещалось писать об этом в письмах и дневниках, которые венерианцы могли найти и прочитать. Ничто не попало в печать. Издателям газет и книг предписывалось пресекать любые публикации на эту тему.

В Чикаго, Лондоне и Токио произошли восстания. За четыре года в мятежах погибло десять миллионов человек. Гражданские войны бушевали в Китае и Индии. Но команды Континентальной зачистки подавили их ценой жизни пятнадцати миллионов. Землю следовало избавить от населения от Северного полюса до Южного. Никто не должен был остаться в живых. Каждому мужчине и каждой женщине полагалось умереть и быть захороненными.

***

Приказ передали по радио. Джо Легтон выключил приемник.

— Вот так, Элис. Первое июня, четыре часа. Простая фраза, ставящая крест на наших жизях.

— По крайней мере, мы были одними из последних.

— Да, конечно, мы последние. И этот яд... Они сказали, он очень хороший. Черт! В следующем месяце у меня намечалось повышение по службе. О, Господи!

— А план сработает? Неужели все умрут?

— Все, кроме тех, кто продолжит работу. Все, кроме пятисот миллионов. Они проследят, чтобы мы не забыли принять яд в последний момент.

Джо встряхнул головой.

— В каждом квартале имеется свой уполномоченный. Он проверит каждого. Он должен убедиться, что мы подвели итог жизни. И если произойдёт ошибка, он ее исправит.

— А те другие выживут?

— Я не хотел бы сомневаться в них?

— Значит, человечество возобновится через их потомков?

— Конечно. Пройдут годы, и все восстановится. К счастью, для человеческой культуры уже не понадобится миллионов лет. Ученые собрали банк яйцеклеток, а все остальное будет сделано из синтезированной протоплазмы.

— Я рада, что наши дети уснули... что им не нужно было умирать. Я рада, что когда они проснутся, у них появится шанс.

— Да-да. Вот только понравится ли им такая жизнь? Ладно, пей до дна!

***

Харлер был одним из последних в Превращении.

— Уличная стража,— отдал он приказ по рации. — Времени все меньше. У вас осталось двенадцать часов, чтобы завершить обход. Венерианский флот только что покинул орбиту Луны. В дальнейшем вы будете получать мои распоряжения устно. Расходитесь. Рассеивайтесь. Вас не должны видеть вместе. Скитайтесь по улицам по одному. Питайтесь и спите по одиночке. Уходите в холмы, долины и пустоши, но держитесь вблизи проточной воды. Это все. Я прощаюсь с каждым из вас. У нас все получится. И, возможно, наши молитвы будут услышаны Господом. Сообщение закончено.

Когда венерианские корабли спустились с небес, Харлер одиноко стоял на высоком холме,. И когда венерианцы шныряли вокруг, он по-прежнему оставался в городе. Он видел замешательство, изумление, нараставший страх и ужас венерианцев, когда они нашли мир на стадии смерти...

***

Арму, глава венерианских орд, отдавал приказы:

— Повелеваю кораблям захватить Нью-Йорк, Чикаго и Лондон! Спускайтесь в места с наибольше популяцией землян!

— А что ты скажешь о сообщениях из Парижа, Бомбея и Токио? Что ты скажешь, Арму?

— Это только отдельные случаи,— нахмурившись, ответил он. — Мы найдем своих рабынь. Не бойся!

Ужасные сообщения приходили рекой. Денвер, Сингапур, Нью-Йорк, Каир. Мертвы, мертвы, мертвы. Отравлены, захоронены, убиты. Застрелены, подвергнуты эвтаназии. Какое разочарование!

Стоя на ступенях нью-йоркского муниципалитета, Арму выкрикивал в небо проклятия. То же самое повторилось на ступенях муниципалитета в Лос-Анджелесе. Его большие глаза мерцали пурпурным сиянием. Улицы были пустыми. В городе осталось лишь несколько бродячих котов и нечесаных дворняг, да еще с десяток птиц, порхавших в небе. И, кроме них, великий океан безмолвия.

После двух недель тщетных поисков и нараставшей ярости Арму приказал флоту собраться и отправиться обратно на Венеру. Климат здесь был ужасным, а тишина и смерть наносили моральный ущерб его солдатам. Расстроенные венерианцы уносились в небо, чтобы больше никогда не вернуться на Землю.

***

Харлер видел, как они улетали. Манхард видел, как враги покидали планету. Президент Соединенных Штатов видел взлет венерианских космических кораблей. Пятьсот миллион пар глаз следили за тем, как захватчики исчезали в небе в безнадежном бешенстве.

«Как изменилась наша жизнь,— подумал Харлер.— И все же наши дети получат шанс на новый мир. Они получат новые искусства и обычаи, тесно связанные с законами природы. На-

ша плоть станет красивой и сильной. И, главное, венерианцы ушли навсегда.»

Он посмотрел на небо, рассматривая новые оттенки. «Невозможная век назад реальность этого дня. Новые дома, новая пища для каждого из нас. Новые тела, созданные для имитации животных, но уникальные и способные воспроизводить в себе разум.» Он вновь поднялся на холм, осматривая сверху Лос-Анджелес. Опробовав голос, он пришел в уныние от результата. Но затем, около реки, несясь, подпрыгивая и задыхаясь от радости, к нему понеслась большая свора собак.

С тонкой шерсткой, тощие и грязные, на дрожащих лапах, с веселыми огоньками в глазах. Животные, которых нельзя было ни в чем заподозрить. Собаки, скитавшиеся по улицам под ногами захватчиков. Дворняжки, которые терлись о лапы пришельцев. Казалось, что они бродят вокруг, разыскивая своих погибших владельцев. На них не обращали внимания и отгоняли прочь. Новая, сварливая и веселая порода животных, отлитая в форму из синтетической плоти, с человеческими мыслями и разумом.

Упрощение. Адаптация. Обычный ловкий ход.

Харлер побежал навстречу, думая: «О, Господи! Как странно бегать на четырех лапах. Как странно солнце греет мою шерсть. А этот топот лап в траве! И эти новые желания!» Пока он спускался по склону холма, чтобы присоединиться к Манхарду, президенту, Джейн Смит и всем остальным, ему подумалось: «Ну, и ладно. Я выполнил свое обещание. Венерианцы обмануты. Земля одержала победу!» И, испытав необычайный восторг, он гордо засеменил к собравшейся стае.

Перевод с английского подготовлен ART (Ассоциацией рижских переводчиков)

Иллюстрация с картины Бена Веркаарика «Мы ощущаем»

Вдохновение — это моя жизнь

Ф.И.О.: Меланий Анатолий
Возраст: 49 лет
Страна проживания: Украина
Семейное положение: Женат
Дети: Сын
Хобби: Поэзия
Любимый автор и книга: «Дневник одного гения» Сальвадор Дали, «Жаркое с привкусом чернил» Мель Ник, Фредерико Гарсиа Лорка, Поль Элюар, Осип Мандельштам
Начал рисовать: в 10 лет
Любимые художники: Эрнст Фукс, Сальвадор Дали, Михаил Сатаров, Марк Шагал
Любимый стиль: Масляные краски, капиллярная ручка, тушь, перо
Где учился рисовать: Художественная школа, Академия
Вэб-страница: www.melaniy.com

Трех-колесный заезд моего детства в православную Венецию полусонного выходного дня, 61х52, х., м.

Вопрос: Как вы стали художником?
Ответ: Рисовать — моё призвание. Ещё в раннем детстве, рассматривая картинки в пёстрых книжках, я восхищался симметрией форм, гармонией цвета, и уже тогда пытался подражать этим неизвестным художникам. Позже, в студенческие годы, я открыл для себя сюрреализм и другие прогрессивные течения в живописи. Увидев картину Сальвадора Дали «Плоть на камнях», я понял, что творить в этом жанре — моё призвание.
В: Как вы можете описать свои работы?
О: Мои работы, в основном, — это яркий пример сюрреализма в классическом его варианте. Каждый предмет, изображённый

на моей картине, если вырвать его из контекста, абсолютно реален. Но совокупность их на холсте рождает этот самый «сверх», который передаёт всю гармонию внутреннего мира и является отличительной чертой такого сложного направления в живописи, как сюрреализм.

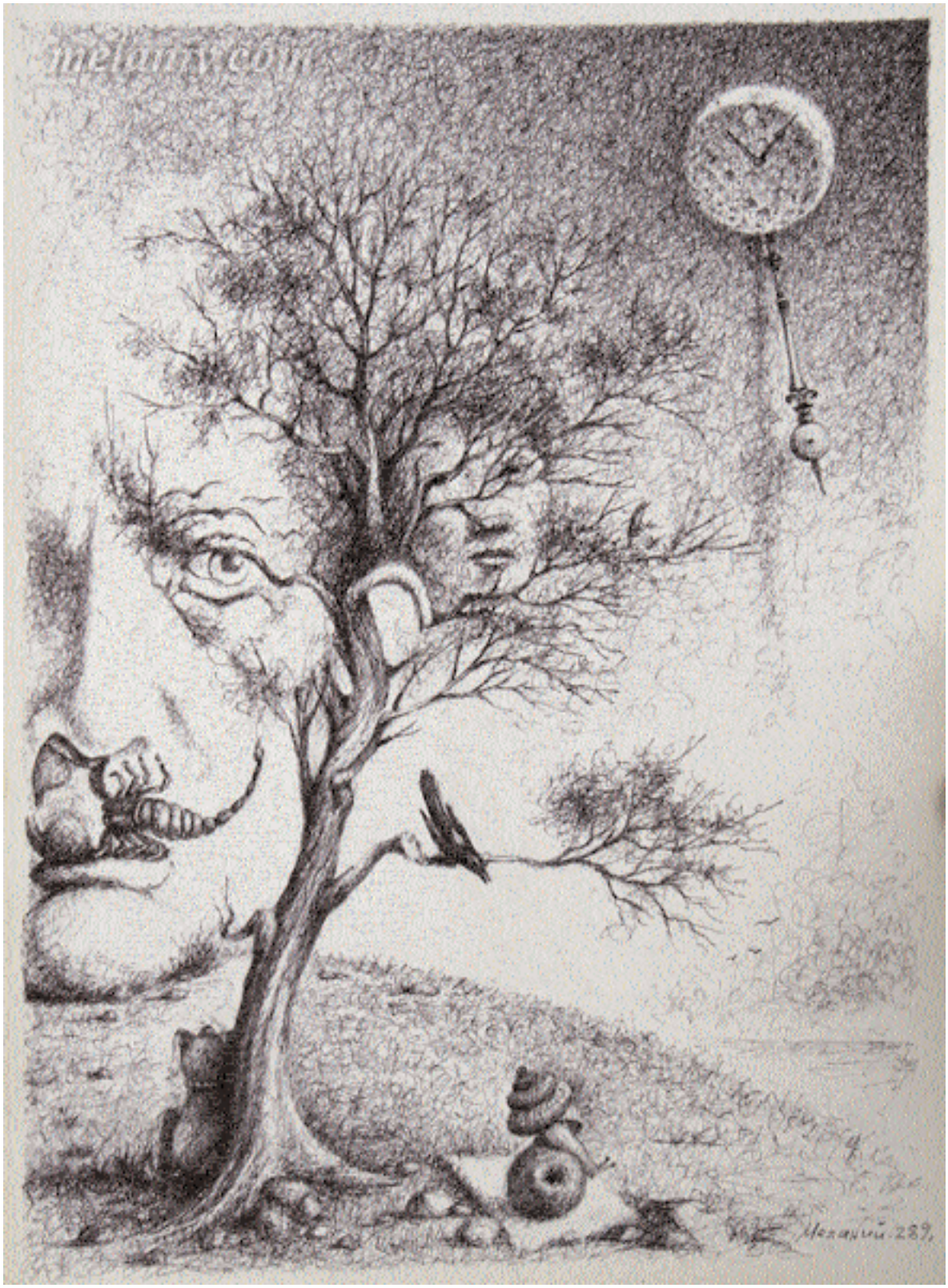
Мне нравится писать и реальные пейзажи, натюрморты. Люблю экспериментировать также с импрессионизмом. Свободное время уделяю графике.

В: Что больше всего влияет на ваши работы?

О: На мои картины влияет много самых разнообразных вещей, таких как дождливый день, и освежающие сумерки, синхронные мерные звуки и рок-н-ролл, некоторые ирреальные публикации, статьи, книги, высокая поэзия, желание творить и удивлять.

В: В чем вы находите вдохновение?

Литературно-прозаичное шахматное эссе XIX века, 70х61, х., м.



О: Мои композиции приходят ко мне в любое время суток, иногда под утро, во сне — приходиться вставать и делать зарисовки. Вдохновение — это моя жизнь, непреодолимое желание работать. Это мои музы — жена и сын, которые заставляют меня ощущать все силы природы в сочетании чувственности и благородства. Под их бесплотным влиянием работы становятся подвижными, дышащими, плотски осязаемыми, ласковыми, формы обретают поэтическую идеальность.

Каждое утро, сидя в своей мастерской с чашечкой кофе, с радостью на душе, я жду новых чередований нежной тени и ослепительного света на чистых холстах.

В: Каков наивысший успех в вашей карьере?

О: Я — дипломант международного конкурса графических работ (Турция), награждён медалью «Искусство в борьбе за мир» в 1998 году за антивоенный цикл.

Ломаные сказки

А. Дж. Джэкобс и Джей Ворд

1. Ведьмина метла

Давным-давно жила-была ведьма по имени Гризелка, которая вела запись всех своих достижений в колдовстве и магии. Если вы не верите, можете взглянуть на фрагмент ее «СиВи»:

СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА: я наложила суперчару на молодую особу и погрузила ее в состояние сна на несколько десятилетий.

ПРИНЦ-ЛЯГУШКА: я превратила члена королевской семьи в амфибию, тем самым придав этому виду колдовства широкую публичную огласку.

ХЭНЗЕЛЬ И ГРЕТЕЛЬ: используя в качестве приманки всякие сладости, я заманила двух подростков в лесной домик, хе-хе-хе.

Естественно, когда пришло время присуждать награду Лучшей ведьме года, ее получила Гризелка. Своей благодарственной речью в Академии ведьм она буквально довела всех до слез.

— Мне хотелось бы поблагодарить наш маленький народ за признание моих достижений. Свой последний шедевр я посвятила Академии. Один невежливый хам посмел сказать какую-то колкость о бородавке на моем носу, и я укоротила размеры его чувства важности. Теперь он известен, как мальчик с пальчик. Но ни одно мое колдовство не обрело бы подобного шарма, если бы не помощь моего верного друга — бесподобного и милого Гарри. Я буду хранить его череп всю мою долгую и неестественную жизнь!

После этой награды рейтинг Гризелки взлетел до небес, и почти каждая ее ночь стала походить на Хэллоуин. Однажды Гарри и Гризелка были заняты в своем оплетенном паутиной доме, составляя план работы на ближайшие дни.

— Итак, подруга,— сказал Гарри, просматривая деловой блокнот.— Завтра утром ты должна лететь в Лондон на открытие Чумового года. Там тебя ожидает банкет в Почетном обществе гуманного обращения с троллями.

— Перенеси эту встречу на понедельник. С утра мне нужно заточить Рапанзель в высокой башне, чтобы...

Внезапно дверь домика со скрипом распахнулась, и на пороге появился самый милый и прекрасный принц на белом свете.

— Милая леди,— сказал он Гризелке. — Не могли бы вы дать мне немного воды? Стакан или флягу... уж, я и не знаю.

Со стороны прекрасного принца такая просьба была не очень умной. Фактически, она напоминала харакири.

— Зачем же воды?— ответила Гризелка. — Попробуй-ка глоточек этого!

Она передала принцу стакан с желтой жидкостью, из которой вырывались зловещие завитки зеленого дыма. Напиток из тритоньих лапок, желудочков летучих мышей и других ингредиентов, которые, наверняка, не прошли бы проверку Минздрава. Тем не менее, отвар мог превратить красивого юношу в дубовый пенёк. К счастью, и у ведьм имеются

сердца. В последний момент — за секунду до того, как зелье коснулось губ принца — Гризелку поразила стрела Купидона.

— Не пей эту дрянь! — вскричала она и выплеснула жидкость за дверь.

Струя с шипением проела в земле дыру в три фута глубиной.

— Вот это да! — сказал ошеломленный принц. — Наверное, там было слишком много нитратов.

Он сделал вежливый поклон и, извинившись, сказал, что утолит свою жажду у других обитателей леса. Гризелка с тоской смотрела ему вслед. Несколько следующих дней все ее колдовские дела шли из рук вон плохо, наперекосяк, через пень-колоду, и чем дальше, то хуже и хуже. Вместо отравленного яблока она послала Белоснежке испанскую мушку. Она превратила стаю летучих мышей в пасхальных кроликов. Наводя на людей сонный морок, она умудрилась ввести их в измененное состояние сознания, и те нешуточно приблизились к нирване. Наконец, Гризелка призналась себе, что влюблена в прекрасного принца. К сожалению, она была ужасно отвратительной — даже по меркам ведьм и кикимор. Она понимала, что не сможет завоевать сердце юного принца. И тогда она обратилась к зеркальной магии, хотя каждый совет стоил ей по сто баксов за минуту.

— Свет мой зеркальце скажи, да всю правду доложи. Как мне, старой некрасивой, завоевать любовь невероятно милого принца?

— Вот ты глупая дурёха! Наложи на себя чару и не парься. И довольно расспросов. Мне пора отдохнуть, а то я тресну от хохота.

Как же Гризелка сама не додумалась до этого! Конечно! Зеркало сказало ей правду. Если она превратит себя в сексапильную принцессу, принц влюбится в нее!

Две недели ушло на разработку проекта. Она мешала в котле волчьи кости и мышиные хвостики, китайские искусственные цветы и французские духи. Наконец, пришло время для древнего заклинания: «Через зубы и десны, через горло и пищевод, войди, о зелье, в мой живот и преврати меня в красоту неземную!» Едва она выпила напиток, как раздался электрический разряд, полыхнула плазма, и там, где стояла ведьма, появилась очаровательная принцесса.

На следующий день она поехала на телеге в замок, где был заявлен королевский бал. Войдя в огромный зал, она направилась в угол, где принц и король вели неспешную беседу.

— О, папа, бал удался на славу.

— Значит, ты доволен, сынок? Кого-нибудь заклеил?

Прежде чем принц успел открыть рот для ответа, он заметил прекрасную девушку, перед которой остальные дамы казались чучелами на осенних полях, пронизанных ветром и моросью.

— Золотце, вы так красивы! Ваша грудь и талия... Вы так милы! Не согласитесь ли вы выйти за меня замуж? Возможно, я тороплюсь, но мне действительно не терпится!

Гризелка благосклонно кивнула головой, и вихрь романа закружился. После бала они поехали в оперу, затем на балет, а потом на площадь, где казнили преступников. По ходу их перемещений возникла непредвиденная проблема. Они не могли остаться одни. Их везде сопровождала метла — та самая, на которой Гризелка совершала свои ночные набеги. Метла ехала вместе с ними в карете. Она сидела на соседнем кресле в театре. Принц

начал проявлять нервозность. Вполне возможно, у него возникли подозрения.

— В принципе, я не против инструментов домашнего обихода,— поскрипев зубами, объяснился он.— Но я хотел бы побыть с тобой наедине.

В отчаянии Гризелка потратила еще сто баксов и снова обратилась к старому зеркалу.

— Свет мой зеркальце скажи, да всю правду доложи...

— Такова психология, моя дорогая. Твоя метла имеет пыльный комплекс зависти. Ты стала принцессой, и она чувствует себя одинокой и брошенной. Ей хочется вернуть былые времена. Ведь она все еще считает тебя дипломированной ведьмой.

— И что же мне делать?

— Ответ прост, как дважды два. Подари ей совочек для мусора.

Ведьма тут же пошла в магазин и купила небольшой, но милый совочек для мусора. Она оставила его рядом с тоскующей метлой, и все остальное произошло естественным образом. В конце концов, принц и принцесса сыграли свадьбу, и это торжество оказалось двойным. Потому что его отмечали не только жених и невеста, но и совочек с метлой.

Мораль: Ты не сможешь убежать от своего прошлого. Попробуй примириться с ним!

2. Принц-лягушонок

Однажды на планете началась эпоха, несчастливая для практикующих ведьм. Чародеи были повсюду — большие и маленькие, отвратительные и просто ужасные. Все казалось настолько омерзительным, что вы уже не могли сказать, какая ведьма была лучше или хуже своей соседки. Фактически, их наплодилось так много, что людей уже не хватало для наложения чар. Ведьмы начали сражаться друг с дружкой за превращение человека в утку, за наделение его третьей ноздрей или погружение бедолаги в сон на триста лет. Конкуренция была адской!

И вот как-то раз некая маленькая ведьма шла через лес, выискивая очередную жертву. Внезапно она увидела маленького лягушонка, сидевшего на бревне посреди болота.

— Так-так,— сказала ведьма.— И что мы тут имеем?

Лягушонок понял, что она не отличалась в их королевстве особым «IQ», и решил пошутить.

— Ну, ты-таки поимела лягушонка, — ответил он. — А я кого имею?

— Ты видишь перед собой талантливую ведьму. Посмотри на мою высокую черную шляпу и бородавки на носу. Я — выдающаяся ведьма.

— И что ты хочешь от меня? — спросил лягушонок.

— Я собираюсь заколдовать тебя. Превратить во что-нибудь.

— Заколдовать?— захихикал лягушонок. — Послушай саму себя, леди. Я **уже** лягушка. Что еще ты можешь сделать со мной?

Ведьма пришла в отчаяние. Она не колдовала уже несколько недель. Взмахнув ругами, она произнесла заклинание «ЗАП» и превратила лягушонка в молодого принца.

— Эй! — вскричал принц, минуту назад бывший лягушкой.— Что за идиотская идея!

— Я признаю, что это не то колдовство, которое мы обычно используем. Но ты должен понять, какие сейчас тяжелые времена.

Она злобно хихикнула и удалилась, а подавленный принц погрузился в мрачные размышления. Он присел на бревне, не зная, что делать дальше. Зачем ему была нужна корона? Он посмотрел на свой меч и покачал головой. На лице его не осталось ни капли слизи! Принц поймал муху и положил ее на язык. Тот стал смехотворно коротким. Юноша попытался поквакать, но вместо привычных звуков с уст слетела фраза: «Неплохой денек для сражения на честном турнире!» Какой облом!

Он понял, что сможет вернуть былое счастье лишь одним единственным способом. Ему нужно было отыскать зловредную ведьму и заставить ее превратить его обратно в лягушонка. Принц отправился на поиски. Через нескольких часов он набрел на огромный замок. (Вы о таком вряд ли слышали, однако следует отметить, что замком владел король, у которого имелась красивая незамужняя дочь.) И в тот момент король как раз расспрашивал ее, почему она, выпендрёха такая, не хотела идти замуж, хотя возраст у неё уже был достаточно критический!

— Почему ты не выберешь себе какого-нибудь толкового жениха?— допытывался король.

— В наши дни они все холодные и мерзкие, как лягушки,— ответила принцесса.

— А посмотри на того юношу, который подходит к нашему замку. Он ведь не похож на лягушку!

Через пару минут принц вошел в зал, и принцесса, взглянув на него, с восторгом вскричала.

— Это правда? Ты действительно настоящий принц?

— Нет, — ответил юноша. — Я лягушонок.

— Видишь, папочка? — взмахнув в отчаянии рукой, воскликнула принцесса,.

— Подожди,— вмешался король.— Парень просто немного смущен. Его воспитывали на идеях Фрейда и Ницше. Хорошая жена, такая, как ты, быстро выбьет дурь из его головы.

Несмотря на обоюдные возражения молодых людей, пару быстро обвенчали, и они зажили весело и счастливо. Хотя, честно говоря, не очень весело и счастливо. Можно даже сказать, что их жизнь была наполнена тоской. Принцу хотелось вернуться в мир болот и лягушек. Он даже настоял на том, чтобы их плавучий дом построили на топи. Принцесса не одобряла такой стиль жизни. Муж заставлял ее ловить мух, а у нее имелись свои представления о счастливом браке с любимым мужчиной.

В конце концов, она заставила принца жить по королевским понятиям. У них появился красивый коттедж с белым забором. И вот однажды принц слонялся по двору, а мимо проходила ведьма — одна из многих в этом королевстве.

— Эй, подруга,— сказала она самой себе. — Смотри, перед тобой прекрасный принц! Готова поспорить, что он единственный, который остался в королевстве. И он будет моей жертвой!

Она приподняла руки и приготовилась к злобным чарам.

— Я превращу его...

— В лягушонка? — с надеждой спросил принц.

— Хорошая идея,— ответила ведьма.— ЗАП!

Той вечером, разливая суп по тарелкам, принцесса хмуро посмотрела на зеленого и

скользкого мужа.

— Знаешь, милый,— сказала она.— Ты так долго настаивал на своей лягушачьей сути, что действительно начал выглядеть так.

— Просто я всегда был в душе лягушонком,— ответил принц.

На следующий день он сидел на пеньке во дворе и грелся на солнышке. А в это время мимо проходила та самая ведьма, которая превратила его в принца. Увидев его, она пришла в ярость.

— Обычно, когда я превращаю кого-то во что-то, вид заколдованного субъекта не меняется,— проворчала ведьма.-Нужно навести порядок!

Она попыталась превратить лягушонка обратно в прекрасного принца, но ее раздражение было таким сильным, что вместо юноши получился тощий цыпленок. Эти фокусы достали лягушонка. Чтобы положить конец бессовестному произволу, он взял с собой жену и отправился в местный профсоюз практикующих ведьм. Когда они вошли в главный офис, толпа ведьм, сидевшая за столом, обсуждала возросшие цены на глаза тритонов и уши летучих мышей. Бывший принц и экс-лягушонок запрыгнул на стол и с укором посмотрел на главную ведьму.

— С меня достаточно ваших чар!— прокукарекал он.— Я заслуживаю большего уважения! Превратите меня обратно...

— В принца!— вставила принцесса.

— Да, в принца!

Главная ведьма пожала плечами. Она приподняла руки и вскричала: «ЗАП!» Но вместо принца цыпленок превратился в примата. Ведьма снова крикнула «ЗАП»!

И получился пряник!

Затем призма.

Потом получилась пинта пива.

Оказалось, что лягушонка так часто подвергали чарам, что он уже не мог превратиться в принца. Поэтому его вновь сделали лягушонком.

Наш бедный герой был сконфужен. Он повернулся к жене и спросил:

— Любимая, ты примешь меня в таком лягушачьем виде?

— Ну...,— почесав затылок, ответила она.— Скорее всего, нет!

Не желая разрушать семейный союз, главная ведьма превратила принцессу в зеленую лягушку. Молодую пару перенесли к болоту и усадили на мшистую кочку.

— Лучше бы я умерла,— расплакалась бывшая принцесса. —Неужели мне всю жизнь придется квакать на этом болоте?

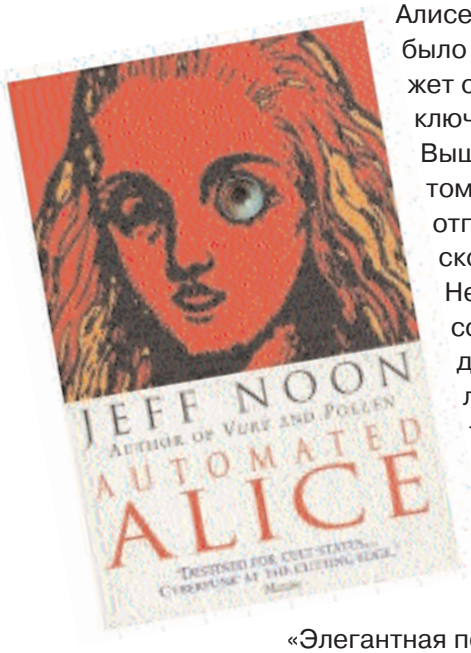
Следует сказать, что никто из них не умер. Каждый вечер они квакали и занимались любовью на кочке.

Мораль: Вы можете вытащить лягушку из пруда, но вам не удастся вытащить пруд из лягушки.

Перевод с английского подготовлен ART (Ассоциацией рижских переводчиков)

Эй! а у тебя найдутся какие-нибудь свои лом[а]ные сказки?

Автоматическая Алиса



«В последние годы жизни Льюис Кэрролл написал третью книгу об Алисе. Это никогда не издававшееся таинственное произведение было обнаружено лишь недавно. По крайней мере, теперь мир может ознакомиться с Автоматической Алисой и ее сказочными приключениями в будущем...»

Вышеприведенный абзац не совсем верный. На самом деле «Автоматическую Алису» написал автор нелепостей, Зенит О'Час, отправивший Алису через время. Он перенес ее из викторианской эпохи в Манчестер конца двадцатого века.

Нет, дорогие читатели, это вообще ерунда. Зенит О'Час — персонаж, придуманный Джеффом Нуном. И именно Нун написал данный триквел к «Алисе в стране чудес» и «Алисе в Зазеркалье». Все события, произошедшие с этой девочкой в автоматизированном будущем, в основном, случайны и второстепенны... цепь загадочных несчастных случаев, еще более причудливых, чем ваши сны.

Отзывы газет:

«Достойно культового статуса...
Киберпанк на кромке ножа.» — «*Maxim*»

«Элегантная передача стиля Кэрролла...
Странная Алиса в современном соусе.» — «*Mail on Sunday*»

«Дикое психоделическое действо» — *Manchester Evening News*

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

Джефф Нун родился в 1957 г. в городе Дройлсден, Великобритания. Его книги часто ассоциируют с жанром научной фантастики, хотя, на самом деле, его творчество ближе к творчеству таких писателей, как Льюис Кэрролл и Хорхе Луис Борхес и жанру киберпанк. Во многих книгах Джеффа Нуна действие разворачивается в Манчестере. Джефф Нун написал пять замечательных романов: «Вирт», «Пыльца», «Автоматическая Алиса», «Нимфомация» и «Игла на дорожке». Кроме того, у него имеется сборник рассказов «Пиксельный сок». Джефф живет в Брайтоне.

В сих ветхих днях моей судьбы
Ленивый ум находит сладость
Лишь в созерцании былого,
Когда под хохот рыболова
С Алисой мы гребли отчаянно,
Застряв на отмели случайно.
И позже, под тенистым вязом,
Своим таинственным рассказом
Я вызывал восторг и смех
У девочки, которая теперь
Давно уж замужем за франтом,
С усами, тросточкой и бантом.
Миль пардон! У порога Творца,
Может выпить немного винца
И под жерновом хищного времени
Рассказать без прикрас вам о том,
Как Алиса из просто физической
Стала несколько Автоматической?
Пусть я стар, но и мне интересно,
Сколь безумно, хитро и чудесно
Будет время, в которое Алиса
Попадет, вкусив редиса...
Ой! Часы! Их бой затих.
Завершаю этот стих.

I. СКВОЗЬ ЧАСОВОЙ МЕХАНИЗМ

От полного безделья Алиса чувствовала себя очень сонной и усталой.

«Даже странно, что можно так уставать, абсолютно ничего не делая»,— подумала она и поудобнее устроилась в кресле.

Алиса гостила в Дидсбери — в доме своей двоюродной бабушки Эрминтруды. Дидсбери был районом Манчестера — противного города на севере Англии, вечно заполненного дымом, дождем и большими заводами, производившими Бог-знает-что.

«Интересно,— подумала Алиса,— как делается это странное Бог-знает-что? Наверное, они используют рецепты недавно умерших людей?»

Мысль о покойниках заставила Алису содрогнуться, и она покрепче прижала к себе куклу. Ее двоюродная бабушка, очень строгая старая леди, подарила ей эту куклу со словами: «Смотри, Алиса, она так похожа на тебя, когда ты злишься.» Но девочка знала, что кукла вовсе не походила на нее, несмотря на тот факт, что бабушка сшила ей точно такой же наряд (хотя и чуть поменьше) — замечательную копию красного передника, который она теперь носила. Алиса, сама не зная почему, назвала куклу Салией. Она часто соверша-

ла поступки, «не зная почему», и это очень сердило ее двоюродную бабушку. «Алиса, дорогая,— ворчала она,— когда ты сделаешь хоть что-нибудь с умом?»

Девочка прижала Салию к груди и прикрыла ее складками передника. Она сделала это с умом из-за молний, которые свирепо сверкали за окном, и из-за осеннего дождя, чьи удары по стеклу напоминали ей стук копыт тысячи диких бегущих коней. Дом ее бабушки находился напротив большого, раскинувшегося во все стороны кладбища, которое Алиса считала ужасным местом, абсолютно непригодным для жилья. Однако самой плохой чертой Манчестера был факт, что здесь — увы, мои читатели — всегда шел дождь.

— Ах, Салиа! —вздохнула Алиса,— если бы дедушка Мортимер был дома, он поиграл бы с нами!

Двоюродный дедушка Мортимер, этот милый и забавный старичок, всегда имел припасенное для Алисы угощение. Он развлекал ее магическими фокусами, шутками и забавно длинными словами, которые ей следовало выучить. Бабушка называла дедушку Мортимера «большой шишкой в городе», что бы это ни означало.

— Конечно, в городе он может быть большим,— пояснила кукле Алиса.— Но, возвращаясь домой, он становится маленьким. Похоже, у него два размера — по одному на каждый случай. Как это, наверно, здорово!

Двоюродный дедушка Мортимер проводил вечера, покуривая трубку и складывая длинные столбики чисел. При этом он обычно съедал большую миску сочной редиски, самолично выращенной им в оранжерее. Алиса прежде никогда не видела так много чисел (и так много редиски). Она не очень разбиралась в математике (и не любила редиску), поэтому считала числа от одного до десяти вполне достаточными. В конце концов, у нее было только десять пальцев. Зачем кому-то требовалось больше десяти пальцев? (И, если на то пошло, больше одной редиски?)

Эти вялые мысли заставили ее понять, как сильно она скучала. Трое дочерей двоюродной бабушки Эрминтруды (тройняшки, в буквальном смысле слова) относились к

ней, как к маленькой девочке (кроме того, Алиса часто путала тетушек друг с другом), поэтому она не ожидала от них каких-то особых забав. И вообще в Манчестере нечего было делать. Стук дождя по стеклу и мерное тиканье больших дедушкиных часов, стоявших в углу комнаты, навевали дремоту. Этим утром горничная вытирала пыль внутри часов. Дверца осталась открытой. Алиса видела, как медный маятник раскачивался из стороны в сторону, влево и вправо, туда и сюда. Он навевал на нее сон и в то же время пробуждал неясную тревогу. Хорошо, что в этот момент она заметила термита, который бодро маршировал по обеденному столу к липкому кусочку «Экклеторпового редисочного джема», чудом уцелевшего после уборки горничной. Кусочек редисочного джема (любимого блюда дедушки Мортимера) свалился с ложки Алисы, когда она попыталась намазать им корочку хлеба. Джем оказался слишком кислым, поэтому она не стала слизывать упавший кусок. А отважный муравей тем временем уже бежал через составную картинку, которую Алиса собирала все утро — собирала, но так и не закончила, потому что (к ее великой досаде) в наборе «Лондонского зоопарка» не хватало целых двенадцати фрагментов.

— Ах, мистер Муравей,— сказала Алиса (хотя не ясно, как она могла определить пол насекомого с такого расстояния),— почему вы все время бегаете по делам, а мне, почти взрослой девушке, совершенно нечем заняться?

Конечно, термит не потрудился ответить на ее вопрос, но вместо него с Алисой заговорил Козодой.

— Кто каждый день улыбается без десяти два,— прокричал он,— и хмурится в двадцать минут восьмого?

Козодой — зеленовато-желтый попугай, с ярко-оранжевым клювом — жил в медной клетке. Он был очень разговорчивым, и это нравилось Алисе — по крайней мере, она могла перебросится с кем-то парой слов. К сожалению, птица говорила только загадками.

— Не знаю,— с радостью отозвалась Алиса. — И кто же это каждый день улыбается без десяти два и хмурится после двадцати минут восьмого?

— Я скажу тебе ответ, если ты откроешь мою клетку.

— Козодой, тебе прекрасно известно, что мне запретили делать это. Бабушка очень рассердится.

— Тогда ты не узнаешь отгадку,— прочиризнёс* попугай.

«Ну, ладно,— подумала Алиса.— Ведь не будет большого вреда, если я немного приоткрою дверцу клетки.»

И еще до того, как мысль закончилась, Алиса вскочила на ноги, уложила куклу на кресло и подбежала к гипсовой тумбе, на которой стояла клетка Козодоя.

— А ты меня не обманешь? — спросила она у попугая. — Ты не улетишь?

Птица хитро промолчала. Она просто покачивалась на своей жердочке и косила насмешливым глазом на девочку. Увидев этот саркастический взгляд, Алиса не могла посту-

---

* Прочиризношение — это речь, на которой говорят попугаи; оно представляет собой нечто среднее между произношением и чириканьем. — *прим. автора.*

пить по-другому. Она отодвинула медную задвижку и распахнула дверцу.

Ах, милочка! Козодой тут же вылетел из клетки. Его яркие перья промелькнули перед глазами девочки, и ликующее скрипучее чириканье наполнило комнату.

— Что же мне теперь делать? — с обидой прокричала Алиса. — Это тянет на целый разговор с моей бабушкой!

Попугай летал от стены к стене, и девочка изо всех сил пыталась схватить его за хвост. Но ее старания были напрасными. Наконец, Козодой влетел прямо в ящик дедушкиных часов. Алиса тут же воспользовалась этим, захлопнула дверцу и поймала птицу в западню. Дверь имела окошко, и она видела, как Козодой метался в футляре, надеясь вырваться из плена.

— Пусть это послужит тебе уроком, негодник,— сказала Алиса.

Она посмотрела на циферблат часов. Стрелки показывали без десяти два. А каждый день ровно в два часа ее бабушка проводила с Алисой урок по грамматике. Она не могла опоздать на эту встречу. (Ей и без того грозило наказание, потому что она не выполнила вчерашнее задание по правильному использованию «эллипсиса»* при образовании фраз. По правде говоря, Алиса знала только то, что эллипсис обозначался тремя маленькими точками, похожими на эти...) Оставаясь абсолютно равнодушными к проблемам девочки, две стрелки часов на луноликом круге циферблата изображали хитрую улыбку. Алиса поняла, что нашла ответ на последнюю загадку Козодоя. Но когда она заглянула в футляр через стекло, то увидела мелькнувший хвост попугая. Козодой взмыл вверх — в часовой механизм!

И внезапно исчез!

Алиса осмотрела футляр и так и эдак, но нашла лишь одно зеленовато-желтое перо, упавшее вниз откуда-то сверху. Она решила провести доскональный осмотр и поэтому, открыв дверь, забралась внутрь часов. Тут было очень тесно. Ситуация осложнялась еще и тем, что над ней раскачивался маятник.

«Как бы эта штука не срезала мне голову,»— подумала Алиса.

Девочка осторожно посмотрела вверх и попыталась найти попугая среди шестеренок часового механизма.

— Козодой? — закричала она.— Куда ты подевался?

---

*Эллипсис (греч. «выпадение») — лингвистический термин, пропуск во фразе какого-либо легко подразумевающегося слова — *прим. переводчика*.

Однако от попугая не осталось и следа! Улучив момент, когда маятник проносился мимо нее, Алиса запрыгнула на круглый набалдашник и начала карабкаться вверх (довольно трудная задача, если в одной руке у вас фарфоровая кукла по имени Салиа). Тем не менее, ей удалось добраться до часового механизма, и громкое тик-так, вот-так наполнило звоном ее голову. А гадкого Козодоя все равно нигде не было видно.

И тут через шум шестеренок и тиканье часов Алиса услышала зычный голос двоюродной бабушки.

— Алиса! —прогремел он. — Деточка моя! Пора начинать наш урок, сахарок. Надеюсь, ты выполнила мое задание!

— Ах, я несчастная бедняжечка! —захныкала Алиса. — Что мне делать? Бабушка вот-вот войдет! А мне нужно найти Козодоя. Он должен быть где-то здесь!

Она поднялась по маятнику еще чуть выше и с внезапным эллипсисом...

...исчезла!

Я не знаю, доводилось ли вам когда-нибудь исчезать, но если доводилось, то вы, конечно, понимаете, какое это жуткое переживание. Самым странным в случае Алисы было то, что она осознавала свое собственное исчезновение и в то же время видела себя! Представляете! Вы знаете, что исчезете! Но по-прежнему видите себя! А теперь подумайте, откуда вам тогда известно, что вы действительно исчезли?

К счастью, Алиса была слишком занята, чтобы обращать внимание на такие зловещие мысли. В это самое мгновение она стремительно неслась вниз — со все убыстрявшейся скоростью! — по длинному тоннелю из чисел. Цифры вспыхивали перед ее глазами, словно мигающие звезды, и каждое новое число выглядело больше предыдущего. Они начинались где-то с одной тысячи восемьсот шестидесяти (что соответствовало нынешнему году) и быстро увеличивались. Алиса уже не понимала, куда увлекал ее счет, потому что для подобных вычислений человеку потребовались бы миллионы пальцев. Впереди она заметила Козодоя, летевшего через каскады чисел. Девочка хотела окликнуть его, но нечто большое и сердитое, выставлявшее себя тысяча девятьсот девяносто восьмым, сомкнуло числотные челюсти вокруг непослушной птицы. Отшатнувшись от ужаса вниз (если только можно отшатываться вниз), Алиса оказалась съеденной тем же самым противным числом.

Вглубь, вглубь, вглубь. Девочка мчалась через бесконечные трубы.

— Что будем делать, Салиа?— спросила она у куклы, которую сжимала в руке.

И она ничуть не удивилась, когда кукла ответила:

— Мы должны продолжить падение, пока не доберемся до корня числа.

«Я не знала, что у чисел бывают корни,— подумала Алиса. — Представляю, как удивится дедушка Мортимер, когда я расскажу ему такие новости.»

И тут внезапно трах-бабах! Алиса упала на кучу земли, и ее падение закончилось.

***

Она совершенно не ушиблась. Куча была такой упругой и мягкой, что Алиса даже подскочила вверх. Осмотревшись по сторонам, она поняла, что находится в длинном подземном тоннеле. Стены, пол и потолок казались вылепленными из глины. Проход загибался с обоих концов, поэтому девочка нашла смешным какой-либо выбор направления.

— Козодой! —закричала она. — Куда ты улетел?

В ответ Алиса услышала шаги трех человек, которые явно приближались к изгибу тоннеля. Она без труда определила их количество, потому что шесть ног создавали ужасный шум. Однако то, что появилось из-за поворота, скорее, напоминало большого термита. По размерам он не уступал Алисе. На нем были вельветовые брюки и клетчатый жилет. (Обычно брюки имеют только пару штанин, поэтому термитные брюки лучше называть шестиштанками или даже секстётками, хотя последнее слово больше подходит для какой-нибудь сложной музыкальной композиции, исполняемой секстетом.) Лицо большого муравья было закрыто газетой, над которой покачивались усики. Из-за газеты доносился голос, болтавший сам с собой:

— Ух, ты! Посмотри-ка! Как они посмели? Ведь это отвратительно! Ах, ты! Ну и ну!

Газета называлась «Новости кучи», и если бы Алисе удалось рассмотреть дату выпуска этого номера, она получила бы нервное потрясение. К счастью, все ее внимание было сфокусировано на заголовке, который гласил: «НА ЛУНЕ НАШЛИ ТЕРМИТОВ!» Эта новость настолько озадачила Алису, а муравей так сильно увлекся чтением газеты, что оба они столкнулись друг с другом!

— Кто ты такая?— сложив газету, проворчал муравей и с изумлением осмотрел стоящую перед ним незнакомку.

— Я Алиса,— вежливо ответила девочка.

— Киса? — переспросил муравей. — А кто это такая киса?

— Я не киса! Меня зовут Алиса!

И она продиктовала свое имя по буквам:

— А-Л-И-С-А.

— Ты лиса! — закричал муравей. — Нам не нужно лис в нашей куче!

— Я не лиса. Я — Алиса! Девочка!

— Девочка? Тогда я думаю, что это может принадлежать тебе.

Муравей покопался в кармане жилета и вытащил оттуда небольшой кусочек фигурно вырезанного картона.

— Я нашел его в тоннеле. Примерно две минут назад.

— Да! — радостно воскликнула Алиса. — Он мой! Это пропавший паззл из моей составной картинки!

— Тогда можешь забрать его себе, и впредь я прошу тебя воздержаться от загромождения наших тоннелей твоим барахлом.

— Я очень извиняюсь, — ответила Алиса.

Она взяла паззл из лапы муравья. На картинке изображался маленький термит, карабкавшийся по стеблю цветка.

— Когда мы вернемся домой, я помещу его в «Лондонском зоопарке».

Девочка сунула кусочек картона в карман передника.

— Это только образ,— фыркнул муравей. —Он не живой, понимаешь?

— Конечно, не живой,— ответила Алиса.— Поэтому он будет жить в моей составной картинке. Это сегодняшняя газета?

— Я искренне надеюсь, что сегодняшняя. Мне пришлось заплатить за нее три личинки.

— Здесь пишут, что на луне нашли термитов.

— И что тут странного?

— Но ведь никто еще не был на Луне.

— О чем ты говоришь? — возмутился муравей. —Люди годами летают на Луну. Годами! Можешь мне поверить, девочка. А что ты делаешь в нашем термитнике?

— Я ищу попугая.

— Попугая? Это не того ли зеленовато-желтого, с большим оранжевым клювом? Попугая, который всем задает дурацкие загадки?

— Да, это мой Козодой! Куда он направился?

— Он полетел туда,— ответил муравей и, склонив усик, указал на тоннель за спиной.

— Спасибо вам, мистер Муравей. Вы оказали мне большую помощь.

— Что ты себя позволяешь, маленькая негодница! —закричало насекомое и, поднявшись на задние лапы, преградило ей путь. —Ты сделала не одну, а целых две огромные ошибки. Во-первых, я не какой-то там муравей, а термит.

— О, простите,— сказала Алиса. —Но разве термиты так сильно отличаются от муравьев?

— Глупая девчонка! Мы схожи лишь тем, что у нас по шесть ног и две секции. Да, наши виды живут в организованных сообществах, включающих в себя крылатых самцов, бескрылых самок и крылатых королев. Но неужели это дает тебе повод предполагать, что муравьи и термиты во всем идентичны? Тогда ты сильно заблуждаешься, моя дорогая. Между нами имеются тысячи отличий!

— Я прошу вас назвать мне хотя бы одно,— потребовала Алиса.

— Назвать одно что?

— Отличие между термитом и муравьем.

— Ах, так? Дай мне подумать. Может быть, это... Хм! Или то...

Размышляя над вопросом, насекомое постучало себя по голове одним усиком.

— Ну, конечно! Вот хороший пример! Мы, термиты, вегетарианцы, а эти ужасные муравьи пожирают все, что попало. Они плотоядные! Честно говоря...

Термит нервозно осмотрелся по сторонам и, пригнувшись, прошептал Алисе на ухо:

— Муравьи любят поедать нас на завтрак. Вместе с тостами! Я подозреваю, что они завидуют нам, потому что на Луне нашли термитов, а не муравьев. На мой взгляд, серьезное отличие! Ты так не считаешь?

Алисе пришлось согласиться, хотя слова собеседника показались ей не очень убедительными.

— Как вас зовут, мистер Термит? — спросила она.

Этот последний (и вполне вежливый) вопрос еще сильнее рассердил насекомое. Его усики-антенны ощетинились от возмущения.

— Твоя невероятная грубость подводит меня ко второй ошибке, которую ты совершила,— провозгласил Термит.— Если бы ты обратила внимание на мое предыдущее заявление, то поняла бы, что я абсолютно бескрылое существо и, следовательно, по законам логики являюсь самкой.

— Потрясающе! —с небольшим раздражением сказала Алиса. —И все же, как вас зовут, миссис Термит?

— Миссис? Миссис! Разве я похожа на миссис? У нас миссис только королева! Я же говорила, что лишь у королевы и самцов имеются крылья. Что с тобой, детка?

— Ах! —вскричала Алиса. —Мисс Термит, вы слишком зануд... слишком логичны для меня!

— Логична? Конечно, я логична. Ведь я компьютермит.

— Что еще за странное слово?

— Глупышка! Оно само говорит за себя. Я термит, который вычисляет. Я произвожу ответы на вопросы. Вот, например, какой у тебя ко мне вопрос?

— Отлично,— с трудом сдерживая гнев, сказала Алиса.— Как вас зовут мисс Компьютермит?

— Зовут?— заворчало насекомое. —Ах, имена, имена! Что мне может быть известно об именах? Я термит, проработавшая всю жизнь под землей. У нас нет никаких имен. Что тебя еще интересует? Спрашивай быстрее, потому что к нам мчится велосипед!

И действительно Алиса услышала шум, приближавшийся сзади. Когда она повернулась, то увидела, что из-за поворота появился велосипедист — самец-термит!

Этот обычный на вид велосипед имел два набора педалей (почти как тандем). Самец неистово крутил педали средними и задними лапами, а передними держался за руль (один из тех редких случаев, когда шесть лап делятся на две передние и четыре задние конечности). Увидев крылья за его спиной, Алиса тут же распознала в нем самца, и это мастерское применение логического мышления наполнило ее заслуженной гордостью. Хотя оставался другой нерешенный вопрос — почему он не летел, а мчался по тоннелю на велосипеде? Однако Алиса не успела расспросить термита. Самец куда-то спешил. Он пронесся мимо девочки и самки на ужасной скорости, прокричав им срочное сообщение:

— Эй, вы! Торопитесь! Королева кучи получила вопрос от капитана Хламизмата! Мы должны ответить на него немедленно! Скорее! Скорее!

И с этими словами он исчез за изгибом тоннеля. Алиса была ошеломлена его стремительным появлением и столь же драматическим исчезновением.

— Кто такой капитан Хламизмат? — спросила она у мисс Компьютермит.

Та уже бежала по проходу следом за велосипедистом.

— Хватит болтать,— прокричала самка. —Сейчас не время для вопросов. Мы должны подготовить ответ.

Алиса подумала, что фраза получилась нелогичной, поскольку каждый ответ предполагал существование вопроса.

— Ах, милая Салиа,— сказала она кукле,— мы так никогда не успеем домой на урок грамматики.

Заканчивая эту фразу, девочка вдруг поняла, что Салии в ее руках больше не было.

— Ну, вот! —сказала она себе. —Я потеряла не только Козодоя, но и куклу. И более того! Я сама потерялась! Представляю, как будет сердиться двоюродная бабушка.

С этими словами она побежала по коридору следом за мисс Компьютермит.

II. ИЗВИВ ПО-ЧЕРВЯЧЬИ

Пока девочка гналась за Козодоем, к ней присоединились тысячи других термитов. На самом деле эти насекомые искали не попугая, а ответ на вопрос, который капитан Хламизмат задал их королеве кучи. Через некоторое время Алисе удалось поравняться с мисс Компьютермит и расспросить ее о возникшем переполохе.

— Что это за вопрос, на который вы должны ответить?

— О, это очень хитрый вопрос,— не сбавляя внушительной скорости, ответила самка. —Капитан Хламизмат желает знать, какое число, будучи умноженным на само себя, даст в произведении минус один. Кстати, данный вопрос не имеет ответа.

— Неужели такая задача настолько трудна?— спросила Алиса.

— Тебе должно быть известно, что одиножды один дает один,— ответила мисс Компьютермит.— А минус один, умноженный на минус один, также будет равняться одному, поскольку два отрицательных числа при умножении всегда создают положительные значения.

— Неужели всегда?

— Можешь мне поверить.

— А меня учили, что ложь, пусть даже двойная, не заменит правды.

— Это верно в реальной жизни. Однако в компьютерматике все вычисляется по-другому.

Закончив фразу, самка еще больше увеличила скорость. Алиса чувствовала себя абсолютно бездыханной, потому что в отличие от шестилапых термитов она имела только две ноги. Чтобы угнаться за своей собеседницей, ей приходилось бежать в три раза быстрее (так как шесть, деленное на два, равняется трем). Но она продолжала держаться рядом.

— Значит, если на моем столе стоят две молочные бутылки,— на бегу сказала девочка,— и я уберу одну из них, а затем уберу другую, то на столе останется одна бутылка? Вы это хотите сказать?

— Не перевирай мои слова,— ответила бегущая мисс Компьютермит. —Я говорю о том, что если ты уберешь со стола одну молочную бутылку, потом уберешь другую, а затем умножишь все оставшиеся на столе бутылки, то получишь еще одну молочную бутылку.

— Звучит бессмысленно, но выглядит прекрасным способом для получения бутылки молока задаром.

— Вот именно! Капитан Хламизмат надеется нагреть на нас лапы и заграбастать бутылку «на шару».

— Зачем ему греть лапы и ставить бутылку на шар?

— О, как все запущено!— со смехом ответила самка. —Ты что-то глуповата для девочки.

— А вы что-то великоваты для термита,— съязвила Алиса.

— Au contraire,— ответила (по-французски) мисс Компьютермит. —На самом деле это ты мелковата.

Пока они спорили, мимо них проносились миллионы или, возможно, триллионы других термитов. Некоторые мчались на велосипедах, остальные — на своих шести ногах. Алиса даже испугалась, что ее подхватила гигантская волна термитного безумия.

— Скажите, а как вы отвечаете на поставленные вопросы? — все еще на бегу спросила Алиса.

— Наш метод основан на двуличной системе,— также на бегу ответила самка.

— И что это за система?

— Любое лицо находится либо здесь, либо не здесь. Ты согласна?

— Да, полностью согласна,— ответила бегущая Алиса.

— Значит, если лицо или лик находится здесь, оно чисто логически может восприниматься как да-лик. А если его здесь не имеется, оно воспринимается как но-лик. Исходя из этой предпосылки, мы составляем далики и нолики в массивы и, таким образом, получаем ответы на любые вопросы. Например, с помощью восьми даликов и ноликов можно изобразить все числа и все буквы алфавита. И даже некоторые знаки препинания! А теперь вообрази триллионы даликов и ноликов! Представляешь, какие проблемы можно решать с таким количеством ликов! Естественно, тот же принцип применим и к термитам: термит либо здесь, либо не здесь. И мы, термиты, лучше перемещаемся в позиции «здесь» и «не здесь», потому что у нас имеются ноги, а это, как ты понимаешь, значительно увеличивает наше быстродействие по сравнению с ликами.

— Хм! Но что вы скажите о говорящих лицах? Например, о карлицах или орлицах?

— Только не надо говорить мне о карлицах,— сердито фыркнула самка. —Тем более, тебе.

— Значит, капитан Хламизмат задал королеве вопрос, и теперь вы, термиты, должны ответить на него?

— Совершенно верно.

— А где живет капитан Хламизмат? — прокричала Алиса.

Ей пришлось прокричать этот вопрос, потому что топот ушестиренных ног триллионов термитов (причем, бегущих термитов) создавал страшный шум.

— Капитан Хламизмат живет вне кучи,— загадочно ответила мисс Компьютермит.

Последние два слова она произнесла особенно таинственно. Фактически, она произнесла их настолько таинственно, что Алиса почувствовала легкое волнение.

— Вы хотите сказать, что я могу выбраться из кучи наружу?— спросила она.

Волнение девочки объяснялось тем, что Козодой, по-видимому, тоже пытался вылететь из термитника.

— Ты как раз идешь в ту сторону,— ответила самка.— Когда нам нужно дать ответ на вопрос Хламизмата, мы выползаем из термитника, и капитан изучает наш строй. Осмотрев ряды и подсчитав, какие из термитов здесь, а какие не здесь, он получает решение задачи.

— Кажется, вы говорили, что последний вопрос не имеет ответа?

— Не имеет. И именно поэтому мы суетимся больше обычного. Хочешь, я скажу тебе кое-что по секрету? Хотя...

— Кое-что?— быстро прокричала Алиса.— Какое кое-что?

Конечно, девочке хотелось выяснить, что ее собеседница собиралась сказать ей по секрету. За время пребывания в термитной куче она узнала кучу интересного.

— А такое, что ты, Алиса являешься частью ответа! Иначе ты не бежала бы вместе с нами так быстро?

— Что происходит после того, как вы отвечаете на вопрос капитана?

— Мы возвращаемся в термитник, унося с собой очередной вопрос.

Алиса и не думала возвращаться под землю. Она решила остаться снаружи.

«Мне бы только выбраться отсюда,— сказала она себе.— Возможно, я даже успею попасть домой к уроку грамматики.»

И тут ее осенило.

— Мисс Компьютермит,— прокричала она,— вы можете ответить почти на любой вопрос, не так ли?

— Да, я эксперт по ответам. Не стесняйся, девочка. Спрашивай.

— Тогда расскажите мне о правильном использовании эллипсиса?

— О, нет... только не говори мне, что... хм, хм, хм... дай-ка подумать...,— размышляло насекомое. —Я ведь знала это... Точно знала... Может быть, начать отсюда... Или оттуда... Есть! Ответ готов!

— Я слушаю, — подбодрила ее Алиса.

— Эллипсис используется для удаления тли с лепестков и листьев роз,— важно сказала мисс Компьютермит.

— Не поняла.

— Эллипсис... Это же вид садового оборудования, не так ли?

— Конечно, нет!— возмутилась Алиса. —Ваш ответ совершенно неверный! Если я передам его моей бабушке, она придет в ярость. У меня даже мурашки по спине побежали!

При этих словах насекомое остановилось, как вкопанное, и с ужасом спросило:

— По твоей спине побежали мурашки? Ты имеешь в виду муравьев?

— Они всегда у меня появляются, когда я отвечаю на вопросы бабушки Эрминтруды.

— Она насылает на тебя муравьев?!

— Можно сказать и так. Моя бабушка очень строгая.

— Какой кошмар!— завизжала самка. —Термитник в опасности!

— А в чем собственно дело? — спросила Алиса. —Что вас так напугало?

— Держи своих муравьев и бабушку подальше от меня! —ответила ее собеседница и помчалась по проходу пуще прежнего.

«Интересно, почему она так встревожилась?— подумала девочка. —Неужели я сказала какую-то бестактность?»

Она побежала следом за насекомым в надежде задать еще пару вопросов. Когда Алиса оказалась почти рядом и совсем уже догнала мисс Компьютермит, она увидела слабый свет, пробивавшийся из отдаленного отверстия. Триллионы и, можно сказать, зиллионы термитов спешили к наружному выходу, и их поток нес девочку с собой, поскольку она являлась частью ответа.

И тут, совсем внезапно, Алису зажало между двух щипчиков гигантского пинцета. Извиваясь, как червь, она понеслась куда-то в поднебесье. Вверх, вверх и вверх. Так высоко, что она почувствовала головокружение.

— Ничего себе! —прокричал отдаленный голос. —Что это тут у нас? Я не верю своим глазам! В моем компьютермитнике завелся чурвячок!

Последнее слово показалось Алисе очень странным. Громкий голос заменил в нем букву «е» на букву «у». И вообще оно получилось каким-то неправильным.

— Обалдеть! — добавил голос.

Девочка не понимала, откуда исходил громкий бас. Честно говоря, она даже не успела задуматься об этом, потому что в то самое мгновение огромные щипчики пинцета разжались, и Алиса упала на гигантский лист стекла. Этот лист прижался к другой стеклянной пластине, похожей на глаз. Алису едва не расплющило.

— Ну-ка, ну-ка,— сказал голос. —Посмотрим, кого мы поймали. Увеличение пять на десять. Итого, пятидесятикратное!

Алиса почувствовала, что ее рассматривали — причем, очень пристально. Еще она поняла, что ее разглядывал большой стеклянный глаз. Это что-то ей напоминало...

«Меня рассматривают под микроскопом!»— догадалась она.

Алиса видела, как ее дедушка Мортимер применял микроскоп в своих исследованиях. Он использовал его для изучения чисел и редисочной рассады.

— Ничего себе! —проревел отдаленный голос. —Похоже, мы смотрим на маленького человечка. Совсем крохотную девочку, загадочно уменьшенную до размеров чурвячка. Что она делала в моем компьютермитнике? Какое редкое событие!

Алиса посмотрела вверх на стеклянный глаз микроскопа и увидела еще один глаз — гигантский и почти человеческий. Он с интересом разглядывал ее.

«Ах, если бы я только могла пробраться сквозь этот микроскоп,— подумала она. — Возможно, я восстановила бы естественный размер.

Между прочим, Алисе сегодня уже удалось подняться по маятнику часов, исчезнуть и уменьшиться, так что поставленная задача была для нее не очень трудной. Так оно и оказалось. Алиса почувствовала, как она проходит сквозь линзу микроскопа, потом еще сквозь одну, затем снова сквозь и сквозь, пока, наконец, уже в полуобморочном состоянии девочка не одолела последнюю линзу. И тогда она потеряла сознание!

***

Очнувшись, Алиса осознала, что лежит на ужасно неудобной раскладушке под колючим одеялом из конского волоса. Это было ее третьим наблюдением. Вторым наблюдением было то, что ее окружали беспорядочно разбросанные вещи. И первым наблюдением был старый и ужасно неопрятный барсук, склонившийся над ней с чашкой чая. Он поднес чашку к лицу Алисы, и девочка, еще немного слабая после путешествия через микроскоп, пригубила коричневую жидкость. Вкус напитка оказался непонятным, о чем она и сообщила барсуку.

— Да, боюсь, что чай темнит,— согласился барсук.— Все дело в том, что в нем нет молока. Видишь ли, в настоящий момент я ограничен в деньгах и пытаюсь придумать способ для приобретения бесплатной молочной бутылки. К сожалению, мои компьютемиты не могут найти решение этой проблемы. Они буквально разворошены отсутствием ответа. Если хочешь, я подсвечу твой чай соком золотой рыбешки...

Старик покопался в разбросанных вещах и снова повернулся к Алисе, сжимая в лапе маленькую рыбку. Девочка вскочила на ноги.

— Пожалуйста, не обижайте ее! —закричала она.

— Эта крошка специально предназначена для чая,— пояснил барсук. —Она называется японской чайной рыбкой.

Старик помахал рыбьим хвостиком перед носом Алисы, но та вежливо отказалась от сока и чая.

— Скажите,— спросила она,— а вы, случайно, не капитан Хламизмат?

— Так уж вышло, причем, действительно совершенно случайно, что я являюсь одним и, вероятно, единственным капитаном Хламизматом,— признался барсук.

При этих словах он низко поклонился, и с его густых волос, раскрашенных черно-белыми полосками, слетело облако перхоти.

— А как тебя зовут?

— Алиса.

— Ты девочка, не так ли?

— Конечно!

— И, судя по всему, человеческая девочка?

— А что тут плохого?

Алиса вдруг заметила, что барсук на самом деле был наполовину человеком.

— Ничего... просто так,— изрек челобарсук.— Прежде всего... хотя и не очень... но я мог бы сказать... боясь показаться невежливым... что в наши дни человеческие девочки встречаются не часто.

— Интересно, почему? — спросила Алиса, немного встревоженная такой новостью.

— Ах, это жуткое убийство!— внезапно вскричал Хламизмат.— Что же мне теперь делать? Убийство, убийство! Головоломное убийство!

— Да что тут у вас случилось? — спросила Алиса, напуганная криками капитана.

— Кто-то недавно убил паука, и гадоначальники решили повесить преступление на меня.

Челобарсук в отчаянии всплеснул руками.

— Для доказательства невиновности мне нужно предоставить алиби, а у меня его нет, понимаешь?

Алиса не могла взять в толк, при чем здесь убийство и какой-то Али Би. Возможно, этот Али Би был родственником или даже кузеном Али Бабы — того самого бедного дровосека из арабской сказки, который подслушал у разбойников слово «сезам» и пробрался в пещеру с сокровищами. Но даже если это было правдой, она все равно не понимала, почему для доказательства невиновности капитану требовался родственник арабского дровосека. И почему этого парня не называли Али Биби?

— Я боюсь, что скоро гадоначальники арестуют меня,— пожаловался Хламизмат. — Какая несправедливость! И все из-за какого-то глупого фрагмента составной картинки.

Алиса с любопытством прислушивалась к его словам, потому что этим утром сама собирала составную картинку. Правда, не до конца. (И если только «это утро» было тем же самым.)

— Что вы называете головоломным убийством? — спросила она.

— Алиса,— пропустив ее вопрос мимо ушей и немного успокоившись, сказал барсук,— чувствуй себя в моем скромном жилище, как дома.

Девочка поблагодарила его, сделала глоток непросветленного чая и осмотрела комнату, в которой она находилась. Скромное жилище Хламизмата страдало от крайней неопрятности. Оно битком было набито тем, что капитан называл «разнообразными объектами». В их число входили кони-качалки и банные мочалки, лягушачьи лапки и бухгалтер-

ские папки, стенобитные тараны и кресты святой Анны, разноцветные карты экзотических стран, называемые Уретра и Женскийстан. А еще тут имелась гитара на семь с половиной струн, спущенный шар для боулинга (Алиса не понимала, как его спустили), заплаканное зеркало, носовые кустики, набитое чучело свистящего рака и куча других предметов, которые она в глаза ни видывала, и о которых в уши ни слыхивала. (Особенно это касалось спущенного шара для боулинга, потому что тот уже не издавал никаких звуков и едва был заметен на полке.) Капитан Хламизмат тоже не отличался опрятностью. На самом деле он был еще более беспорядочным, чем его комната. На старом барсуке пестрел лоскутный наряд, составленный из разных одежд, а его черные прядки волос до самых бровей чередовались с серебристыми полосками.

— Я смотрю, ты восхищаешься моим костюмом,— сказал капитан, отходя от рабочего стола, на котором возвышался холмик компьютермитника. —Как видишь, моя одежда выдержана в прекрасном хаотическом стиле. Она не стоила мне ни пенни, потому что я сшил ее по самоучителю начинающего портного. Кое-кому приходится сводить концы с концами, если этот кое-кто авосеолог.

— А кто такой авосеолог? — спросила Алиса.

— Кто же еще, как не ученый, изучающий авосеологию? — с усмешкой ответил Хламизмат.

— И что такое авосеология?

— Что же еще, как не наука, которую изучает авосеолог?

Убедившись в том, что ее вопросы ведут в никуда, Алиса решила больше ни о чем не спрашивать. Вместо этого она подошла к столу, на котором была навалена куча земли. Девочка увидела, как в рыхлой почве сновали бесчисленные массы термитов.

— Знаешь, что я хочу сейчас больше всего на свете?— спросил Хламизмат. —Мне хочется понять, что ты, маленькая девочка, делала в моем компьютермитнике?

— Я пыталась выбраться оттуда,— ответила Алиса.

— Поздравляю! Тебе это удалось. Конечно, в наши дни такие кучи можно найти в каждом доме. Компьютермитники весьма полезны при решении проблем. Свою кучу я выкопал вчера на грядке с редиской.

— На грядке с редиской?

— А что здесь странного? Ты знаешь, что термиты вегетарианцы?

— Знаю.

— В моей предыдущей куче завелся какой-то червь. Сама понимаешь, что это значит. И тут на одном барсучьем форуме я прочитал сообщение, что королева термитов перевела свое воинство на старое редисочное поле в Дидсбери...

— В Дидсбери!

— Да. Ты знаешь это место?

— Я была там еще несколько минут назад.

— Тогда у тебя, наверное, очень быстрые ноги, потому что отсюда до Дидсбери не меньше пяти миль.

— Ничего себе,— прошептала смущенная Алиса.

— Конечно, это только лаптоп — несколько лап притоптанной земли. Однако мне пока хватает.

Алиса попыталась представить себе барсука, тащившего кучу земли по улицам города. Но, как бы она ни старалась, у нее ничего не получалось.

— Говорят, что если собрать термитов в достаточно большой куче, то их коллективный разум будет равен человеческому уму,— заявил капитан.— Судя по моим просчетам, это потребует...

— Вы, наверное, хотели сказать «расчетам»,— перебила его Алиса.

— Если ты помнишь, я авосеолог,— сварливо заметил Хламизмат. —Разве труд авосеолога можно назвать расчетами? Нет и еще раз нет! Я делаю просчеты на авось, и, согласно моим данным, компьютермитник, равный по разуму обычному человекоуму, будет таким же большим, как весь наш мир! Я только одного не понимаю — как тебе удалось забраться внутрь кучи?

— Я просто оказалась там,— ответила Алиса, немного ошеломленная математическими выкладками капитана.— Вы не могли бы сказать мне, сколько сейчас времени?

— Без проблем,— произнес Хламиздат и, отдернув левый рукав рубашки, приоткрыл наручные часы, закрепленные на его запястье. —Сейчас семь минут шестого.

— О Боже! Я пропустила послеобеденный урок по грамматике!

— Нет, ты не пропустила его. Сейчас шестой час утра.

— Утра?

— Совершенно верно. В утренние часы я делаю лучшие из своих просчетов. Но, может быть, ты пропустила послезавтракочный урок? В наши дни многие дети обучаются чтению по наклейкам на банках с джемом.

— А какой сегодня день? — спросила Алиса.

Капитан отдернул правый рукав рубашки и приоткрыл вторые ручные часы, закрепленные на другом запястье.

— Сегодня четверг,— ответил он.

— Какой четверг? Сейчас должно быть воскресенье!

— Да, всем нам хочется, чтобы воскресенье наступало каждый день, однако это, увы, невозможно.

— Какой сейчас месяц? — спросила Алиса.

Челобарсук приподнял правую штанину. На его лодыжке крепились третьи часы.

— Сейчас у нас в продрогшем Манчестере унылое двадцать четвертое ноября.

— Ну, хоть в этом вы правы.

— Конечно, прав. Мои ножные часы всегда идут точно.

— А скажите, пожалуйста, какой теперь год? — смутившись, спросила Алиса.

Хламизмат сверился с четвертыми часами, которые крепились на его левой лодыжке.

— Естественно, 1998.

— 1998? — вскричала Алиса. — Ой-ой-ой! Похоже, я очень сильно опоздала на урок. Бабушка позвала меня в 1860 году, а я все еще не добралась до письменного стола. Что же мне делать?

— Ты говоришь, что покинула Дидсбери в 1860 году? Значит, с тех пор прошло... Хм! Так сразу и не сосчитаешь. Может, у тебя получится?

Алиса попыталась посчитать, но тоже не смогла.

— Не важно,— сказал капитан. —Я могу спросить у кучи, сколько лет прошло с тех пор.

С этими словами Хламизмат взял пинцет и начал переставлять термитов, которые ползали по земле. Расставив их так и сяк, он велел насекомым вернуться к королеве.

— Через пару минут мы получим ответ,— пообещал челобарсук.

Затем он занялся тем, что лежало на его столе рядом с термитником.

— Ой, какая путаница,— подойдя к нему, закричала Алиса.

Она с изумлением следила за действиями капитана.

— Путаница, говоришь?— не отведя глаз от стола, произнес Хламизмат. —Это очень хорошо!

— Тут нет ничего хорошего. Путаница — она и есть путаница!

— Все запутанное великолепно!

— Вы тоже собираете паззлы? — посмотрев через его плечо, спросила Алиса.

— Это не паззлы,— проворчал капитан. —Это паззлозавры.

— А в чем здесь разница?

— Паззлы — это наши современники, наделенные эстетикой и смыслом. А паззлозавры — это примитивные и неразумные предки составных картинок.

— Смотрите! —воскликнула девочка.— Ни один из этих кусочков не подходит к другим. Из них невозможно составить целое.

— Именно. Их совокупность создает ничто. Видишь ли, я авосеолог. Мне нравится верить, что мир порождается из хаоса. Я изучаю странные связи, которые приводят мир в действие. Разве ты не знаешь, что взмах крыльев южно-американского чурвячка может вызвать конеаварию в Англии?

— Нет, я не слышала об этом,— призналась Алиса. —Фактически, мне даже не известно, что такое конеавария. Но я точно знаю, что у червей не бывает крыльев.

— Не бывает? — спросил челобурсук. —А как же они тогда летают?

— Черви не летают. Черви извиваются.

— Значит, не летают? Прекрасно! Так даже лучше! Один извив южно-американского чурвя вызывает конеаварию в Англии. Да здравствует хаос! Восхитительный хаос! А это еще что такое?

Хламизмат приподнял пинцетом фигурно вырезанный кусочек картона.

— Фрагмент какой-то составной картинки,— выкрикнул он.— Кусок, который сложится, если его поставить в нужное место. Нет, мы не можем иметь его. Ни в коем случае!

Он сунул паззл под микроскоп.

— Кажется, часть барсучьей головы.

— Это кусочек из моей составной картинки,— сказала Алиса.

— Чудесно! А то я испугался, что мои паззлозавры начали набираться разума и смысла.

Девочка взяла из лапы капитана отыскавшийся паззл и положила его в карман передника.

— Знаешь, когда я впервые увидел тебя на термитной куче, то подумал, что ты чурвь,— признался Хламизмат.

— Я не червь,— ответила девочка.

— А кто говорит, что ты червь? Я сказал, что спутал тебя с чурвячком.

— Почему вы все время вставляете «у» в это слово?

— Потому что оно означает Чрезвычайно-Уникальное Разрушительное Воздействие. Понимаешь, Алиса? Наименование, созданное из случайных слов, было выдавлено, как клубничный сок. Такая операция называется «сокращением».

И тут Алиса, улучив момент, спросила капитана о том, кем были гадоначальники.

— Это скользкие и изворотливые фигляры! —проворчал челобарсук. —Гадоначальники являются комом ненасытных аспидов, которые шипят и корчатся в городской ратуше. Они ежедневно придумывают странные законы, направленные против горожан и окружающей природы. Однако природа следует своим законам, которые, как ты, возможно, уже догадалась, описываются авосеологией. Гадоначальники считают меня возмутителем спокойствия, как будто их спокойствие зависит от меня. Но нет! Это вселенная отвергает застой и разрушает его. Я же просто созерцатель таких возмущений. Тем не менее, змеи заявили, что славный капитан Хламизмат виновен в головоломном убийстве.

— Разве можно убить головоломку?

— Ах, ты глупенькая девочка! Впрочем, обвинение гадоначальников тоже очень глупое. Я говорю об убийстве, в котором части тела несчастной жертвы переставляются как паззлы. Заметь, как паззлы, а не как паззлозавры! Сама подумай, какой мне интерес возиться с паззлами? Это логические составные картинки. Они скучны мне до зевоты. Но ведь змеям ничего не докажешь. Скользкие подонки! В гробу я видал таких начальников! Они решили, что паучонка убил я. Представляешь! А мне это надо? Я всегда любил пауков!

Капитан обернулся и с умилением посмотрел на (довольно жуткого и большого) паукообразного насекомого, который плавал в банке с формалином среди прочих «разнообразных объектов».

— Тебе незачем знать ужасные подробности, девочка. Достаточно сказать, что я, капитан Хламизмат, абсолютно неспособен на такое преступление. Ах, почему меня подвергают такому остракизму?!

— Это дело как-то связано с раками?

— Да нет же!— закричал челобарсук. —Не с раками, а со змеями, которые тоже не прочь посвистеть! Алиса, ты просто должна понять, что я не мог убить паученка?

Взглянув на ощетинившуюся шерсть негодующего челобарсука, девочка кивнула головой в знак согласия. Хотя, возможно, она пыталась увернуться от перхоти, которая белым облаком посыпалась с волос капитана. (О, милая, я не хотел говорить тут о перхоти, но все-таки сказал о ней. В своем преклонном возрасте я быстро устаю. Похоже, мне пора идти в постель. Смотри, как уже поздно! Я думаю, что для одного ничем неприметного дня написано вполне достаточно. Увидимся утром, моя тыквочка...)

Хрррррррррррррррррррррррр

(Ну, вот так-то лучше! Итак, где я остановился?)

Ах, да! Чтобы как-то успокоить капитана Хламизмата, Алиса попросила его рассказать ей о «чурвях» (с буквой «у» вместо «е»). Челобарсук и сам был рад сменить тему.

— Наука авосеология,— начал он,— утверждает, что чурви являются паразитами, которым нравится вторгаться в компьютермитники. Пробравшись в недра кучи, чурвь порабощает термитов и заставляет их давать неправильные ответы. Естественно, гадо-начальники считают чурвей бичом научного прогресса. Они уничтожают бедных крошек. Но я, капитан Хламизмат, изобретатель авосеологии, наоборот, заманиваю их в свой компьютермитник. А еще могу сказать тебе по секрету...

Капитан нервно осмотрелся по сторонам, затем пригнулся к девочке и тихо прошептал:

— ...что некоторые люди принимают чурвей внутрь.

— Они едят червей! — забыв о неправильном произношении, воскликнула Алиса.

— Чурвей, глупышка. Ч-у-р-в-е-й! Некоторые люди колбасятся ими.

— Но это... это... отвратительно! Зачем им колбаситься?

— Чтобы сходить с ума и ловить глюки.

— А зачем сходить с ума? Для чего? Это же безумие!

— Вот именно, Алиса. Знание через абсурд. Мой лозунг! Я приветствую неправильные ответы. Хочешь послушать песню, которую я сочинил? Она называется «Брючный приворот».

— Вы, наверное, хотели сказать «брючный отворот».

— Причем здесь «от ворот»? О, случайность, дай мне терпения! Где ты видела на брюках ворота?

— Я имела в виду манжету... Обшлаг на штанине.

— Об шланг на штанине? — проревел капитан. —У штанин не бывает шлангов.

— А у брюк не бывает приворотов,— парировала Алиса.

— Ладно, слушай,— сказал Хламизмат и, сделав забавное танцевальное па, запел абсолютно неопрятным голосом.

У коров есть тазы и лопатки.
А у джинна имеется крепость.
Я хотел бы однажды узнать,
Кто придумал такую нелепость.
Что записано в строчках рубашки?
Что за галочки в текстах летают?
Я хотел бы однажды понять,
Как такие слова сочиняют.

Воодушевившись, Хламизмат пнул кучу разнообразных объектов (одним из которых была крокетная колотушка; она взлетела в воздух и упала на раковину индийского омара; послышался громкий хруст).

— Теперь ваш омар стал порошкообразным,— заметила Алиса.

— На самом деле он ракообразный! —ответил капитан и продолжил песню.

Ничто на свете не имеет смысла,
Но смысл без света невозможен.
И тот, кто с этим не согласен,

Похоже, просто заторможен.
Не надо вешать на меня собак,
И гнать волну не нужно тоже.
А кто тут бочку покатил,
Тот просто не догнал, похоже.
С разбитой кружечкой коленной
И с хитрым брючным приворотом,
Примите правила игры,
Чтоб не казаться идиотом.
Как видите, не существует смысла,
В любых делах он невозможен.
И тот, кто с этим не согласен,
Похоже, просто заторможен.

Внезапно челобарсук замолчал и повернулся к компьютермитнику.

— Ага! —крикнул он. —Вот и твой ответ!

Он приложил глаз к окуляру микроскопа.

— О, дорогая...

— Что там? — спросила Алиса.

— Юная леди,— сообщил капитан,— ты опоздала на свой двухчасовой урок по грамматике ровно на сто тридцать восемь лет. Тебе нужно поговорить с профессором Глэдис Хвронодинглер.

— А кто она такая?

— Хвронодинглер исследует тайны времени. Она назвала свою науку хвронтрансдуктионологией. Только она может дать тебе совет. Понимаешь, Алиса? Ты совершила путешествие во времени!

— Я просто хотела найти моего попугая,— захныкала Алиса.

— Кстати, я видел зеленовато-желтого попугая, который вылетел из моего микроскопа за две минуты с хвостиком до того, как появилась ты.

— Это он! —закричала девочка. —Это Козодой! Куда он полетел?

— Птица вылетела в форточку.

Хламизмат указал на окно, выходившее в парк.

— Твой Козодой улетел в запутанный сад. Этот не простое место...

— Меня не волнует, какой у вас сад,— безапелляционно заявила Алиса. —Я должна найти попугая своей бабушки.

После этого она проворно взобралась на подоконник и спрыгнула в сад. Все пространство перед ней, подсвеченное призрачным лунным светом, представляло собой хитросплетение из деревьев и живых изгородей. На одной из ближайших ветвей сидел Козодой.

— Будь осторожна, девочка,— прокричал ей вслед капитан. —Все изменилось с твоих давних пор.

Однако Алиса пропустила его совет мимо ушей. Точнее, смысл барсучьих слов просто

не догнал ее — так быстро она бежала к блудному попугаю двоюродной бабушки.

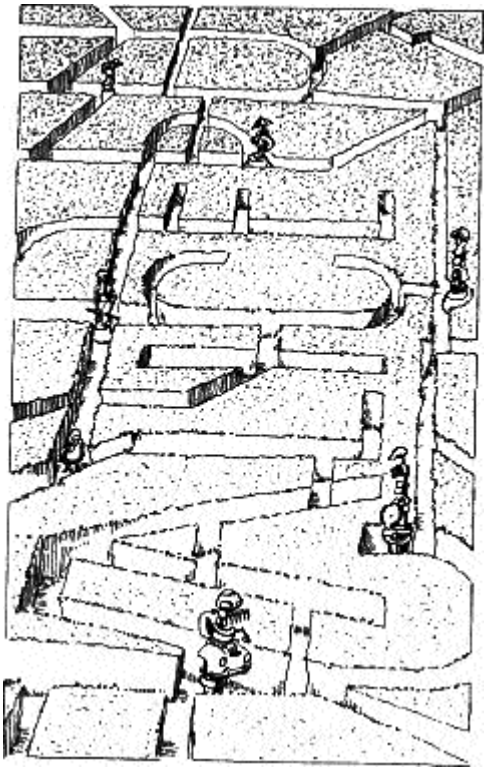
III. АЛИСИНА ПЕРЕБЛИЗНЯШКА

Алиса была рада вернуться на свежий воздух, несмотря на то, что ей приходилось носиться по изогнутым прямоугольным аллеям.

— Да, сад тут не простой! —сказала себе девочка.

Она снова и снова натыкалась на тупики и перебегала на другие длинные тенистые дорожки, огороженные живыми изгородями; Алиса огибала сотни углов и в конце каждого такого утомительного забега вновь оказывалась перед глухой стеной из зелени.

— Это сад и в то же время не сад,— раз за разом повторяла она себе на бегу.



Алиса не могла выбросить из головы загадочные слова Хламизмата.

— Если этот сад действительно не простой,— сказала она себе,— то мне вообще нельзя здесь находиться! Потому что я простая девочка. Будь это иначе, бабушка не называла бы меня простушкой.

От таких запутанных мыслей у нее закружилась голова. Ситуация напоминала ей двуличную систему мисс Компьютермит.

«Сад можно уподобить лицу,— подумала Алиса.— Он либо здесь, либо не здесь. А этот сад, похоже, здесь — даже если тут темно и страшно.»

Отложив испуг в сторону (в маленький красный кармашек внутри головы, который она специально держала для подобных целей), девочка увеличила скорость и побежала через утреннюю мглу к новым углам и очередным поворотам.

Время от времени она попадала на небольшие полянки, в центре которых стояли отвратительные статуи — молчаливые и неподвижные в призрачном лунном свете. Они отличались от всего того, что Алиса видела в галереях искусств, которые она посещала вместе с бабушкой. Во-первых, эти статуи не были каменными. Казалось, что их сделали из беспорядочно склеенных кусков того и сего: туфлей и очков, чемоданов и монет, портьер, книг, крючков и банок, маленьких вельветовых перчаток, лошадиных копыт и тысячи других никчемных предметов. Во-вторых, в отличие от произведений искусств, хранившихся в художественных галереях, садовые статуи не изображали людей, а, скорее, создавали их чудовищно искаженное и иллюзорное подобие — что особенно подчеркивалось нереальным лунным светом и шуршанием сухой листвы.

— Какие странные образы у вас тут в 1998 году,— сказала девочка, обращаясь к статуе, которая издали напоминала ей бабушку Эрминтруду, а вблизи — швейную машину, сра-

жавшуюся с градусником и чучелом моржа.

Отвернувшись от безмолвной скульптуры, она побежала в предрассветную тьму.

— Кажется, я бегаю кругами и квадратами,— пожаловалась себе Алиса. —Вот же незадача! Похоже, я полностью потерялась в этом непростом саду!

Пару секунд она думала о том, каково быть частично потерянной. Это выглядело ничем не лучше, чем быть частично найденной.

— И вообще мне тут не нравится,— содрогнувшись от противных мыслей, проворчала девочка. —Как я теперь найду Козодоя? Несколько минут назад он сидел на дереве, а сейчас я вижу только изгороди и темные аллеи, углы и нелепые статуи. Я даже не знаю, как вернуться в дом капитана! Короче, здесь и думать нечего. Я окончательно потерялась. Это не сад, а какая-то засада.

И тут до нее дошло.

— Я в лабиринте! —закричала она.— Это не простой сад, а запутанный! Вот, о чем говорил капитан. Какая же я глупая! Передо мной головоломка, которую мне нужно разгадать. Сад из аллей, запутанных узлами! Если я распутаю их, то пойму, где сидит Козодой.

Проблема заключалась в том, что Алиса знала только два узла: бантик и морской рифовый узел. Вчера вечером ее двоюродный дедушка Мортимер показал ей двойную овечью колышку, но она не запомнила, какой конец веревки нужно просовывать под петлю снизу-вверх, а какой — изнутри наружу.

— В любом случае, этот узел применяется для связывания двух овец за лодыжки,— прошептала девочка.

Она помнила, что лодыжка находилась где-то на ноге, но не знала точного места.

— Если в запутанном саду используется двойная овечья колышка, то я никогда не найду Козодоя,— с горестным вздохом призналась себе Алиса.

Она побежала по длинной аллее, которая петляла среди живых изгородей. Внезапно на ближайшую из них опустилась птица. Козодой! Попугай сложил крылья и пронзительно прокричал очередную загадку:

— Скажи-ка, Алиса, кто зовется именем, похожим на твое?

— Ах, Козодой! —с укором ответила девочка. —Где ты был, негодник? Тебе прекрасно известно, что я не очень сильна в разгадке загадок. Так ты говоришь, что имя похоже на мое? Значит, это я? Такой ответ?

— Бедная Алиса! —прочирикал попугай. —Ошибка! Не верно! Еще одна подсказка для глупенькой девочки. У кого твое имя — только неправильно произнесенное?

— Все понятно, Козодой,— сказала Алиса.

Она вспомнила о недоразумении, которое возникло у нее в разговоре с мисс Компьютермит.

— Наконец-то, я разгадала одну из твоих загадок. Это «лиса» — лесная хищница.

— Объясни свой ответ.

— Твой вопрос был таким: кто зовется именем, похожим на мое? Слово «лиса» похоже на имя «Алиса». Однако в нем отсутствует буква «а», поэтому его можно считать неправильно произнесенным.

После того, как девочка с триумфом изложила объяснение, Козодой нахмурился и

сердито покосился на нее. Но когда Алиса почти поверила в правильность своей догадки, птица весело взмахнула крыльями и прокричала:

— Неверный ответ. Чирик-чирик! Ошибка! Попробуй еще раз, глупая девочка!

Алиса рассердилась.

— Сколько можно нести эту чушь, Козодой!— произнесла она грозным голосом.— Почему бы тебе ни заткнуться и ни вернуться вместе со мной к бабушке Эрминтруде?

Однако попугай с презрением взмахнул зеленовато-желтыми крыльями и стремительно слетел с вершины ограды. Через миг он затерялся в лабиринте сада. Какое-то время девочка бежала за ним, прислушиваясь к хлопоту крыльев, но противные ветки хватали ее за передник, а осенние листья шуршали под ногами, как голоса ворчливых старух.

Здесь и там среди листвы она замечала разбросанные на аллеях инструменты: молотки, отвертки, стамески и даже парочку компасов.

— Кто-то не умеет прибираться за собой,— сказала на бегу Алиса. —Если бы я раскидала на редисочных грядках свои тетрадки и карандаши, моя бабушка наказала бы меня и оставила без сладкого. Но сейчас не время думать о каких-то растеряхах. Мне нужно поймать Козодоя.

С этими словами девочка продолжила погоню по изгибам аллей запутанного сада и, в конце концов, потерялась еще пуще прежнего.

— О, милочка!— со вздохом сказала она себе. —Как же я устала!

Алиса плюхнулась на листья у ближайшей изгороди (едва не порезав колено о слесарную ножовку, которая лежала в траве).

— Может, мне немного поспать, чтобы набраться сил для дальнейших приключений?

Но как только она закрыла глаза, кто-то сиплым голосом позвал ее по имени.

— Алиса? — проскрипел хриплый голос. —Скажи-ка, не ты ли прячешься там за изгородью?

— Это действительно я,— сонно ответила девочка.— Только я не прячусь. Я ищу моего попугая.

— Тогда ты ищешь его не в том месте.

— А кто вы? — с некоторым нетерпением спросила Алиса.

— Я это ты,— ответил дребезжащий голос.

— Такого не может быть! —с возмущением воскликнула девочка.— Потому что я это я!

— Тогда остается один вариант,— ответил странный голос. —Выходит, я тоже являюсь тобой.

Несмотря на дребезг и скрипы, голос из сада действительно имел те же интонации, что и голос Алисы. Этот факт так сильно озадачил девочку, что она с изумлением воскликнула:

— Разве можно находиться в двух местах одновременно?

Немного подумав, она сказала себе:

— С другой стороны, я живу сразу в двух временах: в 1860 и 1998 годах. Наверное, не стоит считать это странным.

Взяв себя в руки (насколько подобное возможно в запутанном саду), она учтиво спро-

сила:

— Скажите, каркающий голос, где мне найти вас в этой путанице аллей?

— Я прямо за тобой,— последовал дребезжащий ответ.— В самом центре лабиринта. Он находится за изгородью, у которой ты отдыхаешь. Между прочим, со мной твой попугай.

— О, спасибо, что поймали его! Но как мне вас найти?

— Я лишь в нескольких шагах от тебя. За этой изгородью.

— Вам должно быть известно, мисс Таинственный Голос, что мы находимся в запутанном саду. Нас, возможно, отделяют друг от друга целые мили изгибов и поворотов.

— А если срезать путь?

Оценив смысл данного совета, Алиса призналась себе, что никогда бы не додумалась до такого эффективного решения. Она повернулась и всмотрелась в плотное сплетение ветвей. Сквозь редкие щелочки проникали лишь искорки света.

— У тебя случайно нет с собой перочинного ножа? — спросил голос.

— У меня его нет вполне определенно,-угрюмо ответила Алиса.

Затем, немного подумав, она добавила:

— Однако у меня имеется кое-что получше! И поострюче!

(В порыве возбуждении она опять забыла о грамматике.)

***

Спустя много-много времени (потому что ветви были толстыми, а пила — скорее, тупой, чем острой) Алиса «срезала путь» через изгородь и, протиснувшись в узкий проход, оказалась в самом центре лабиринта. К тому моменту уже рассвело. Прямо перед ней в кругу теней и деревьев на постаменте стояла статуя девочки. Она была жутко похожа на Алису — особенно, когда лучи утреннего солнца осветили ее лицо и красный передник. (Абсолютно точная копия нашей героини — только, как вы сами понимаете, неподвижная.) Алиса, пораженная сходством, даже растерялась. Секунду или две она не знала, какой из девочек была! Но на левом плече изваяния сидел Козодой. А в вытянутых руках статуи извивалась длинная и очень сердитая на вид пурпурная змея, раскрашенная бирюзовыми полосками.

— О, милочка! —воскликнула (шепотом) Алиса. —Будем надеяться, что эта змея не ядовитая!

— Эта змея не только ядовитая,— сказала статуя тем самым скрипучим голосом, который Алиса слышала раньше,— но также является и смертельно кусачей!

— Интересно, а чем отличается ядовитое от смертельно кусачего?— спросила Алиса (ничуть не удивившись тому, что статуя могла говорить).

— Разница есть и большая! На свете много ядовитых вещей. Однако только змеи бывают ядовитыми и смертельно кусачими. Яд или, по-латыни, веном — это жидкость, которая выделяется из гланд змеи. Данное слово имеет общий корень с богиней Венерой. Следовательно, мы можем предположить, что в старину змеиный яд использовался в любовных напитках. Вот почему египетская королева Клеопатра выбрала яд для своего само-

убийства. И вот почему этот аспид, которого я держу в руках, известен в научных кругах, как египетская кобра.

— Ты не могла бы выбросить ее? — спросила Алиса.

— А как?— ответила скульптура.— Я не могу пошевелиться. Если ты заметила, я статуя.

— Но ты же говоришь со мной. Наверное, ты особая статуя.

— Верно. Я особая. Меня зовут Салиа.

— Это имя моей куклы! —закричала Алиса (вспомнив вдруг о том, что потеряла Салию в термитнике).

— Да, и мое тоже,— проскрипела статуя. —Я твоя кукла.

— Ты Салиа?

— Именно так меня и зовут.

— Нет, ты слишком большая, чтобы быть моей куклой.

На самом деле статуя имела те же размеры, что и сама Алиса.

— Я твоя сестра-переблизняшка, — сказала скульптура.

— У меня никогда не было сестры-близняшки, — не веря своим ушам, ответила Алиса.

— Причем тут сестра-близняшка? Я твоя *пере*близняшка, понимаешь? Назвав меня Салией, ты просто переставила буквы своего имени. Я твоя анаграмматическая сестра.

— О, Господи! —проворчала Алиса. —Похоже, я сделала это, не подумав. Но какая же я умная!

Внезапно она разгадала последнюю загадку Козодоя. Алиса поняла, что статуя-кукла имела схожее имя. Фактически, их имена были одинаковыми и лишь немного перевернутыми: Салиа и Алиса.

— Твоя беда в том, что ты понимаешь смысл своих поступков только тогда, когда становится слишком поздно,— продребезжала Салиа. —С другой стороны, я, твоя переблизняшка, знаю смысл задолго до того, как мне нужно что-то сделать.

— Кто превратил тебя в садовую статую?

— Скульптор Пабло.

— А кто он такой?

— Я расскажу тебе об этом позже. Алиса, пойми! От меня не будет никакого толку, пока ты не уберешь змею из моих рук.

— Интересно, кто положил ее в твои руки?

— Конечно, гадоначальники. Кто же еще? Они не хотят, чтобы мы, статуи, имели свободу передвижения. По их мнению, это нарушило бы законы реальности.

— И какие...

— Для дальнейших вопросов нет времени. Будь добра избавить меня от этого аспида.

— Как же мне снять змею и не оказаться укушенной? — спросила себя Алиса. —Или отравленной? Однако у меня нет выбора. Если я хочу вернуться домой и успеть к уроку грамматики, мне нужно что-нибудь придумать. А что дедушка Мортимер говорил об опасных тварях? Он говорил, что следует смотреть им прямо в глаз! Смотреть им в глаз и молиться Господу!

Алиса посмотрела змее в глаз. Но едва она собралась помолиться Господу, как кобра

обшипела ее по-египетски! Девочке показалось, что на фоне шипящих звуков прозвучали какие-то слова. Что-то вроде этого:

— Ты в своем уме, маленькая леди? Я подсыльный гадоначальников!

Эти жуткие звуки были такими страшными, что Алиса начисто забыла все молитвы Господу.

— Послушайте-ка, мистер Аспид,— закричала она (решив по какой-то причине, что змея является самцом).— Мне кажется, что вы не очень воспитаны, если под угрозой клыков принуждаете мою куклу к подчинению!

Однако змей лишь продолжал шипеть и извиваться, елозить и егозить, показывать раздвоенный, как вилка, язык и противные ядовитые зубы. Затем (взглянув змее в пасть) Алиса заметила кусочек фигурно вырезанного картона, повисший на левом клыке.

— Интересно,— сказала она себе,— а это случайно не один из моих потерявшихся паззлов? Надо бы забрать его. Но как мне это сделать, если молитва Господу буквально исчезла из моего ума?

Пытаясь вспомнить слова, она усиленно напрягла мозги, но из памяти выплыла только колыбельная песня, называвшаяся «Спи, мой медвежонок». Алиса запомнила ее по той причине, что песня содержала ровно четыре строчки и состояла из двенадцати слов.

Спи, мой медвежонок.
Не подсматривай за мной,
А когда проснешься,
Я буду с тобой.

Вот, какой была молитва Господу, которую девочка прочитала подсыльному гадоначальников. Естественно, при этом она пристально смотрела ему в глаз. Правда, цитируя песенку, Алиса (сама того не желая) немного изменила слова:

Спи, змеюга подлая.
Не подсматривай за мной.
А когда тебя обманем,
Посмеемся над тобой.

Алиса была расстроена подменой «медвежонка» на «змеюгу подлую», но в то же время обрадована привнесением таких слов, как «обманем» и «посмеемся». Она даже подумала, что ее сочинение оказалось лучше первоначальной песенки. Нельзя сказать, что подсыльный змей обратил внимание на плюсы и минусы стихосложения. Похоже, он так устал, что его вообще ничего не волновало. Голова аспида сонно склонилась вниз. Змеи не имеют век, но если бы у этого гада они были в наличии, он наверняка закрыл бы их в блаженной дремоте. Когда змей, как следует, уснул, Алиса сняла с его левого клыка (очень аккуратно и осторожно) паззл с узором пурпурно-бирюзовых чешуек. Она тут же поняла, что рисунок идеально соответствует террариуму в ее составной картинке Лондонского зоопарка. Девочка сунула паззл в карман (к фрагментам с барсуком и термитом), затем забрала (тоже очень осторожно) мистера Аспида из рук Салии и отнесла его к ближайшей изгороди, где и положила (аккуратно) на кучу листвы. Змей свился в морской узел, затем

в бантик и, наконец, в спиральный двойной колышек, в котором он громко захрапел.

— Алиса, ты освободила меня от рабства!

Проскрежетав эту краткую речь, статуя спустилась с постамента и прошлась по аллее, пронзительно скрипя суставами. Немного размявшись, она приблизилась к Алисе и протянула ей руку. Алиса содрогнулась, но все же пожала фарфоровые пальцы своей переблизняшки.

— Салиа,— сказала она,— я очень рада, что вы с Козодоем нашлись. Как тебя угораздило попасть в этот сад и превратиться из маленькой куклы в высокую статую?

— Я больше не кукла,— ответила Салиа. —Я тербот.

— Тарбот? — с изумлением воскликнула Алиса. —Это какая-то рыба, не так ли?

— На самом деле тарбот — это европейская камбала со светло-коричневым пятнистым телом. Но данное определение годится только в том случае, когда в слове «тарбот» имеется буква «а».

— Меня уже тошнит от неправильных букв в знакомых словах!

— В свою очередь, тербот — это автоматическое существо, управляемое термитами.

— Термитами?

— Вот именно! Термитами! В моем мозгу живут термиты. Хочешь посмотреть?

Салиа со скрипом наклонилась вперед и отвинтила два болта, которые выступали на ее висках. Затем, используя шарнирное соединение, она сдвинула макушку головы на лоб. Заглянув в образовавшуюся щель, Алиса увидела в черепе рыхлую кучу земли, в которой копошились миллионы термитов. Вне всякого сомнения, они передавали друг другу вопросы для ответов и ответы на вопросы.

— Значит, ты используешь двуличную систему? — спросила Алиса.

— Я не разбираюсь в аспектах морали,— ответила Салиа. —Скорее всего, я просто автомат. Ты знаешь, что такое автомат?

— Это игрушка, которая может двигаться, даже если ее не тянут за собой и не толкают руками.

— Правильно. Вот я такой и стала. Автоматическая версия Алисы! Кстати, слово «автомат» берет начало из древнегреческого языка и означает, что я могу «сама передвигаться». И еще оно означает, что у меня имеется возможность самосовершенствоваться. Между прочим, я настолько усовершенствовала себя, что стала умнее любого человека.

— Ну, конечно!— фыркнула Алиса. —Чтобы сравниться по разуму с человеческим умом, твоей термитной куче нужно быть не меньше земного шара.

(Она не украла это знание у капитана Хламизмата, а только позаимствовала его, поэтому, я думаю, мы можем простить ей небольшое слизывание авторских прав. Надеюсь, вы не против?)

— При обычных обстоятельствах так оно и было бы,— ответила Салиа (ссылаясь на размер термитной кучи). —Но в данном случае твой аргумент не годится, потому что он не учитывает изобретательности Пабло. Скульптор Пабло научился уменьшать термитов до карандашного размера.

— О чем ты говоришь! —запротестовала Алиса. —Любой карандаш длиннее термита.

— Нет, не любой. Особенно, если его используют от носика до кончика и обгрызают

снизу до верху. Постепенно концы карандаша встречаются друг с другом в середине и затем исчезают. Совсем, как люди. Наверное, мы тоже сокращаемся с обеих сторон и исчезаем, когда концы встречаются. Я думаю, ты можешь считать меня произведением искусств.

Салиа гордо покрутилась перед Алисой и добавила:

— Я тарборeактивная!

— Ты снова поменяла букву в слове!

— Так произносят его люди будущего. Тебе уже известно, что мы с тобой попали в будущее? Очевидно, я выскользнула из твоих пальцев, когда мы падали через тоннель из чисел. Поэтому я оказалась в 1998 году на неделю раньше тебя. Мои размеры увеличились, но разум и мозги остались кукольными. Я не могла ни двигаться, ни размышлять. Затем меня нашел скульптор Пабло. По его словам, я валялась в запутанном саду в кустах шиповника.

— Так это он сотворил лабиринт из аллей и оград? — спросила Алиса.

— Вполне возможно. Хотя Пабло больше любит делать терботов. Гадоначальникам не нравится его хобби. Они считают этого скульптора утопистом и топят все его произведения. Недавно ему удалось добиться от властей небольшой уступки. Они разрешили выставлять его творения в запутанном саду при условии, что каждая статуя будет охраняться змеями. Кстати, это Пабло вложил в мой череп уменьшенных компьютермитов. Алиса, милая! Я как будто проснулась от долгого сна! Точнее, от кукольной бессознательности. Я буквально ожила!

— Салиа, я рада, что ты ожила. Но сейчас мне нужно забрать тебя и Козодоя с собой и вернуться к бабушке Эрминтруде. Я должна успеть на двухчасовой урок по грамматике.

И в этот момент где-то за границами запутанного сада произошел переполох — в воздухе над живыми изгородями замелькали отблески красных и белых огней, утренняя тишина огласилась пронзительными криками, за которыми последовали звуки, похожие на трели полицейских свистков.

— Что там случилось?— спросила Алиса.

— Наверное, новое головоломное убийство,— предположила Салиа.

— Ты что-нибудь знаешь об этих убийствах?

— Почти ничего,— ответила ожившая кукла. —Но мне точно известно, что Козодою такая суматоха не нравится.

И действительно попугай возмущенно замахал зеленовато-желтыми крыльями — причем, в такой хаотической манере, которая привела бы капитана Хламизмата в безумный восторг. Взглянув на эти махи, Алиса вспомнила совет пожилого челобарсука.

— Ты случайно не знаешь, где живет профессор Глэдис Хвронодинглер?— спросила она.

— К сожалению, не знаю. А что она изучает?

— Загадки времени.

— Это может пригодиться. Мы должны найти ее.

— А как насчет эллипсисов? Ты знаешь что-нибудь о них?

— Эллипсисов? Сестричек эллипса?

— Мне кажется, Салиа, что у твоих компьютермитов сегодня выходной. Ах, почему я не спросила адрес Глэдис Хвронодинглер у капитана Хламизмата! Наверное, я спешила найти Козодоя. По крайней мере, мне это удалось.

Алиса вытянула руку, чтобы снять попугая с плеча Салии, но Козодой оказался проворнее. Взмахнув крыльями, он поднялся в воздух на секунду раньше, чем пальцы Алисы добрались до него. Пролетев над рядами изгородей, попугай помчался туда, где мелькали отблески красно-белого света.

— Вот незадача! —воскликнула Алиса. —Козодой опять удрал! И нам за ним не угнаться, потому что этот сад запутан слишком сильно.

— Не бойся, я знаю дорогу,— ответила кукла.

Взяв Алису за руку, она добавила:

— Иди за мной.

IV. ПРИКЛЮЧЕНИЯ В САДОВОМ ДОМИКЕ

Автоматическая Алиса повела свою переблизняшку в один из уголков центрального круга лабиринта, где на полянке сидел маленький садовый домик. (Я использую глагол «сидел», потому что домик в самом деле выглядел сидящим на траве — причем, довольно неуклюже!) Над закрытой дверью висела табличка: «Антискотобойня Огдена». Все строение опасно кренилось набок. Многие доски отсутствовали, а уцелевшие вот-вот готовы были отвалиться. Изнутри доносился ужасный шум — точнее, ужасное бряцанье и громыхание! и еще дребезжание и скрежет! и еще какие-то громкие причитания и выкрики! не говоря уже о лязге, стуке и грохоте! По мнению Алисы, домик больше походил на нечто упавшее с большой высоты. К тому же, ей казалось, что его здесь не было, когда она впервые пробралась в центр запутанного сада. Но разве мог садовый домик появиться из ниоткуда?

Салиа постучала в дверь и громко проскрипела:

— Пабло, Пабло! Впусти меня, пожалуйста. И прекрати создавать этот ужасный шум! Такое впечатление, что ты взрываешь там бомбочки и запускаешь ракеты?

Жуткий грохот умолк на секунду, после чего сердитый голос прокричал изнутри:

— А мне нравится создавать ужасный шум! Это моя работа! Мое искусство!

Дверь домика распахнулась с такой силой, что едва не слетела с петель. На пороге появился мужчина внушительных размеров. Он был первым нормальным человеком, которого Алиса увидела в будущем, несмотря на его массивный рост, испачканный кровью фартук и безобразную ракетку в руке.

(Я должен пояснить, что ракетка в его руке была теннисной. А безобразной она выглядела по той причине, что скульптор сделал ее этим утром из различных частей и предметов: обломков старого буфета, пеналов, струн, шнурков и проволоки. Честно говоря, она совершенно не годилась для цивилизованной игры на теннисных кортах.)

— Салиа!— проревел большой мужчина.— Мой маленький тербот! Что, во имя адских лабиринтов, заставило тебя спуститься с постамента? И где твой змей-хранитель?

— Пабло, позволь представить тебе Алису,— спокойно ответила Салиа. —Это она спасла меня от змеиных уз неподвижности.

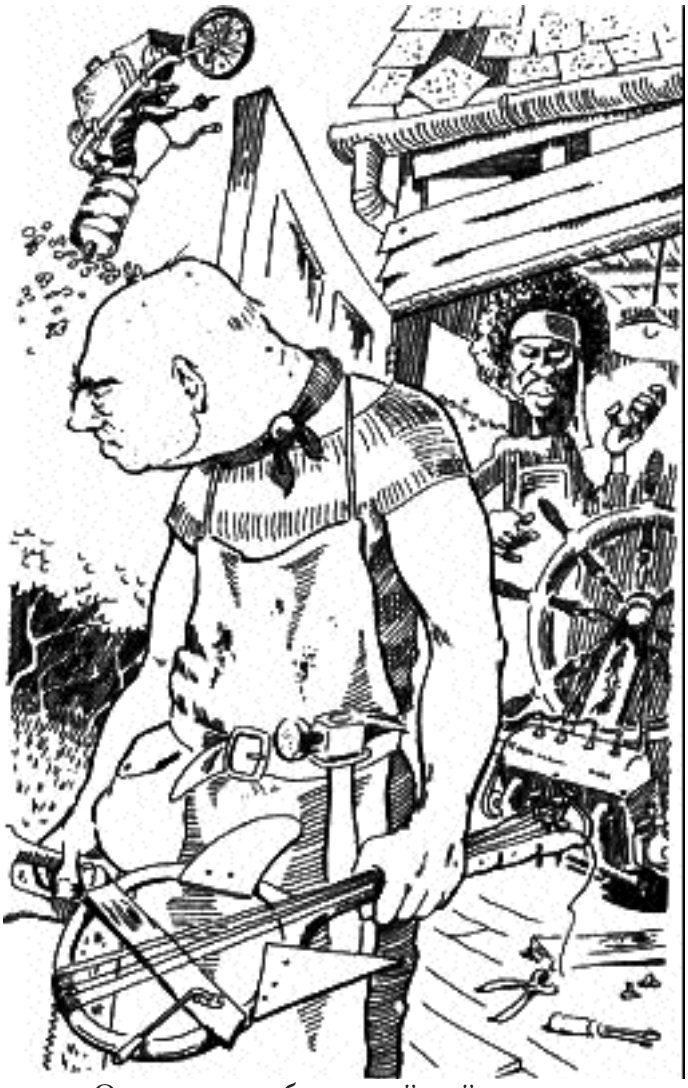
— Ого-го-го! —воскликнул скульптор. —Глазам своим не верю!

— Доброе утро, мистер Огден,— демонстрируя хорошее воспитание, поздоровалась Алиса.

— Девочка! —зарычал Пабло Огден.

По его щекам покатились слезы.

— Еще одно человеческое существо! Как давно я не видел таких... Как много времени прошло... Вам лучше войти. Быстрее, быстрее! Иначе тут начнут ползать змеи!



Как только Алиса и ее автоматическая переблизняшка оказались внутри, Пабло захлопнул дверь с таким грохотом, что все строение заходило ходуном. Алиса даже подумала, что домик обвалится на них, засыпав пылью и обломками. Но тот каким-то чудом устоял. В маленькой комнате было тесно: помимо громоздкого скульптора, склонившегося над большим верстаком, и всяческих инструментов, валявшихся здесь и там, часть помещения отводилась для корабельного штурвала, с рулевым колесом и компасом. Остальные две трети комнаты занимало последнее детище Огдена — тербот новейшей конструкции.

Заметив ошеломленный взгляд Алисы, Пабло восторженно затараторил:

— Он прекрасен, не так ли? Моя лучшая работа. Его зовут Джеймс Маршалл Хендринкс. Если кратко, то Джимми Куриный напиток. Ну-с, юная леди! Что ты думаешь о нем?

Неуклюжая скульптура походила на кучу хлама и лишь отдаленно напоминала человека. Ноги были сделаны из веретенообразных водосточных труб, тело — из стиральной доски и катка для белья (прикрытых облегающим жакетом из старых облигаций). Вместо рук использовались ноги давно умершей, просолено-проперченной курицы. К ним крепилась пара кукольных ладошек, подвязанных медной проволокой. А над всем этим возвышалась почти человеческая (в каком-то диссонансе) голова, с лицом чернокожей куклы и косматыми курчавыми волосами, сделанными из распоротых вельветовых штанов. Иными словами: стопроцентная куча хлама.

— Почему вы прозвали его мистером Хендринксом? — дипломатично спросила Алиса (ей не хотелось высказывать свое мнение).

— Ты знаешь, что такое кишки? — ответил Пабло, открывая небольшую дверцу на животе скульптуры.

— Конечно, знаю, — немного озадачено сказала девочка. — Кишки... Они... находятся внутри...

Алиса не могла заставить себя произнести это слово. Она с облегчением вздохнула, когда Огден сам ответил на поставленный вопрос:

— Вот именно! Кишки находятся внутри! Например, корова имеет кишки. И коровий напиток называют молоком. Но если мы говорим о курином напитке...

Пабло резко распахнул скрипучую дверцу на животе скульптуры.

— ...То речь идет о кишках цыпленка!

— Фу-у! — завизжала Алиса. — Как противно!

В животе скульптуры лежало месиво из плоти и крови.

— Так питается мой тербот,— пояснил Пабло Огден.— Ну, ладно, девочка, скажи, что ты думаешь об этом шедевре? Выскажи свое честное мнение.

— Такой шедевр мог бы сделать школьник пятого-шестого класса!

— О, спасибо, Алиса! —произнес неуклюжий скульптор. —Да, на такое способны только дети! Именно это впечатление я и старался передать. Лишь обучаясь в пятом-шестом классе, мы действительно находимся в гармонии со своими грезами. Понимаешь, художник, должен путешествовать во времени. Он должен снова стать мечтающим ребенком.

— Вот-вот, мистер Огден,— прервала его Алиса. —Я как раз пытаюсь сделать это. Вернуться обратно в прошлое время. Пожалуйста, покажите нам с Салией выход из сада.

— Ты хочешь увести отсюда Салию? — с испугом спросил Пабло. —Но это принципиально невозможно! Кто позволит терботу покинуть лабиринт? Змеи задушат вас за такие помыслы! Существуют предписанные правила. Нет, нет и еще раз нет! Терботы ограничены территорией сада. Даже мое последнее и величайшее творение, Джеймс Маршалл Хендринкс — даже он обречен на неподвижность, как только змеи доберутся до него. Тербот не может выходить за пределы сада. Это непреложная истина.

— Пабло,— спросила Салиа,— зачем ты сделал такую ракетку?

— Она немного похожа на шумовку,— ответил Огден,— но на самом деле является гитарой... хотя вместо гитарных звуков издает ужасный шум.

— Это гитара? — со смехом воскликнула Салиа. —Ты шутишь!

— Сейчас сама увидишь,— сказал Пабло и сунул теннисную ракетку в вытянутые руки мистера Хендринкса.— Теперь дадим Джимми термический элемент сознания.

Отвинтив пару болтов, он вскрыл макушку черепа неподвижной скульптуры, затем открыл ящик верстака и вытащил оттуда садовым совком большую горсть рыхлого чернозема.

— Вот они, мои красавчики!

Пабло высыпал совок земли в голову тербота.

— В этой почве находятся компьютермиты? — спросила Алиса.

— Миллиарды и паблолиарды! Самые крошечные компьютермиты во всем мире! Мое собственное изобретение. Теперь смотрите...

Огден закрыл череп с громким лязгом, щелкнул переключателем на шее тербота, и...

Ничего не произошло. Джеймс Маршалл Хендринкс не шевелился.

— Нужно немного подождать, пока мозги разогреются,— со вздохом пояснил скульптор. — Неужели в термитник пробрался чурвь? Давай, милок, не подведи.

— Пабло, мы должны выбраться из сада,— воспользовавшись паузой, сказала Салиа.— Алисе позарез нужно вернуться домой.

Не обращая внимания на настойчивую просьбу девочки, Огден потряс Джеймса Маршалла за куриные локти.

— Мы с Алисой прибыли из прошлого,— настаивала Салиа.— Если нам в скором времени не удастся вернуться домой, то будет слишком поздно...

— Слишком поздно? — передразнил ее Пабло. — Слишком поздно для прошлого?

Он на секунду отвернулся от любимого детища.

— Как кто-то может опоздать в свое прошлое?

— Алиса — девочка,— ответила Салиа. —Когда ты в последний раз видел девочку?

Пабло задумчиво посмотрел в глаза Алисы и печально ответил:

— Годы и годы назад. Почти вечность. С тех пор, как на нас обрушилась генофилия.

— Неужели гемофилия привела к массовой гибели девочек? — спросила Алиса.

— Генофилия, а не гемофилия, — поправил ее скульптор.— Глупышка! В слове «генофилия» используется буква «н».

— Просто в устной речи буква «м» часто слышится как «н»,— едва сохраняя терпение, сказала Алиса.

— Почему ты не можешь дослушать до конца? Генофилия была ужасной эпидемией, которая уничтожила человеческий вид и перемешала его с различными животными.

— Как в случае капитана Хламизмата? — спросила Алиса.

— Да, как в случае челобарсука. Ты одна из последних. Неразбавленный вид. Чистая линия. Так что пользуйся этим. Если только ты действительно девочка.

— Как вы смеете? — возмутилась Алиса. —Я-то точно настоящая. Это мне нужно спросить, являетесь ли вы мясником, как гласит табличка над вашей дверью? Лично я подозреваю, что вы вообще не мясник!

— Я был мясником в свои юные годы,— мечтательно ответил Огден. —Но потом мне надоело резать зверюшек, и я решил перейти в антимясники.

— А что они делают? — спросила Алиса.

— Не можешь догадаться? — спросил Пабло, закрывая дверцу на животе Джеймса Маршалла Хендринкса. —Антимясники — это мастера костей и плоти, воссоздающие живые создания из их отделенных частей.

— Минутку, мистер Огден! —закричала Алиса (заметив что-то крохотное в потрохах скульптуры).— Пожалуйста, не закрывайте живот Джимми! Мне кажется, там кое-что мое!

Она сунула руку в мягкое и сырое нутро тербота и, содрогнувшись от хлюпающих звуков, вытащила небольшой кусочек фигурно вырезанного картона, который лежал немного к северу от печени и почек.

— Это паззл из моего зоопарка,— рассмотрев картинку, сказала девочка.

На картинке изображались глаза и клюв цыпленка (хотя Алиса не понимала, зачем кому-то понадобилось помещать в Лондонский зоопарк такую ничем не приметную до-

машнюю птицу). Она добавила этот предмет к трем другим фрагментам, которые хранились в кармане ее передника.

— Вот, наверное, почему Джимми так медленно оживает,— догадался Огден. — Этот инородный предмет в его животе замедлял процесс пробуждения.

И действительно! Сразу после его слов странная скульптура продемонстрировала первые признаки жизни. Веретенообразные члены существа спазматически задергались в каком-то чахлом танце.

— Алиса, милая! —закричал обрадованный Пабло. —Ты вылечила мое детище! Как мне отблагодарить тебя?

— Верните меня домой,— без промедления ответила девочка. —Доставьте меня в 1860 год.

— В таком случае мы направляемся в прошлое! —объявил скульптор Пабло и начал дергать какие-то рычаги, торчавшие из пола.

Эти рычаги привели в движение жуткое количество стальных тросов, которые тянулись к шкивам, закрепленным на потолке, и исчезали в отверстиях, прорезанных в полу.

— Держитесь крепче, друзья!— прокричал Пабло сквозь нараставший лязгающий шум.

Внезапно садовый домик встрепенулся!

Он начал бессистемно содрогаться, затем вдруг стремительно поднялся вверх и воспарил над садом. Алису швырнуло на пол. Салиа и Джеймс Маршалл Хендринкс отлетели к стене.

— Что происходит? — цепляясь за верстак, закричала Алиса.

— Наш домик решил прогуляться,— ответил Пабло. —Сейчас он удлиняет ноги.

Огден яростно сражался со штурвалом, разворачивая строение в другую сторону. В полу имелся люк с небольшими отверстиями, через которые в комнату просачивались струйки дыма.

— Не бойся, Алиса,— сказал скульптор.— Это пар от коленных суставов. Можешь посмотреть.

Он открыл люк, и девочка, взглянув в отверстие, увидела живые изгороди, которые мелькали далеко внизу со все нараставшей скоростью!

— Ой! —закричала Алиса.

(Она имела на это полное право, потому что мгновением раньше садовый домик сильно накренился набок, и Алиса покатилась к люку.)

— Ой-ой-ой! —еще раз закричала девочка.

(Она имела на это тройное право, потому что выпала из домика!)

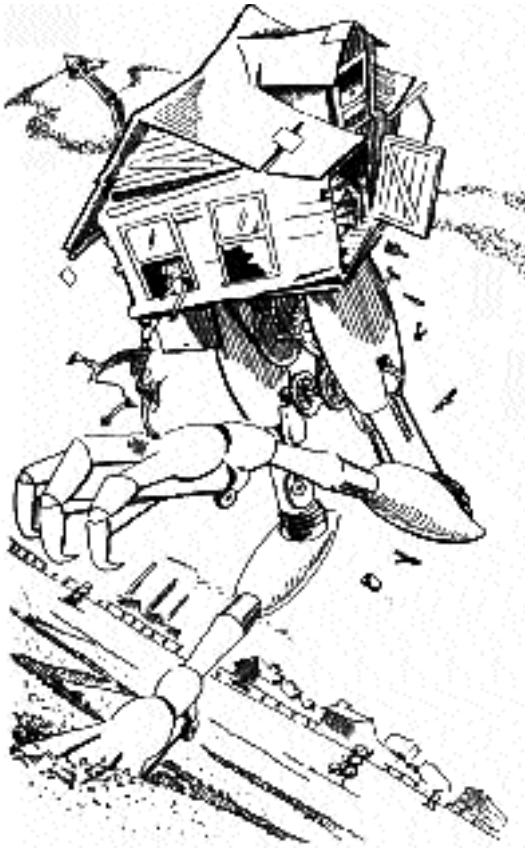
(А сад был далеко внизу...)

К счастью, когда она начала свое пикирующее падение, от которого у нее перехватило дыхание, чья-то сильная рука ухватила Алису за лодыжку. Девочка повисла под отверстием люка, и эта рискованная позиция позволила ей детально рассмотреть гигантские ноги садового домика — точнее, механизированные куриные лапы, которые удлинились до чудовищных размеров. Испуская пар, они без труда переступали через самые высокие препятствия и изгороди. Домик попросту шагал!

— Теперь я понимаю, как мистер Огден путешествует по запутанному саду,— сказала себе Алиса. — Он ходит не по нему, а над ним.

Девочка заметила, что из люка за ее спиной вываливались различные предметы — в том числе, молоток и ножовка.

— Вот почему я видела так много инструментов, разбросанных в траве,— «верхторма-шечно» добавила она. —И вот откуда взялась пила, с помощью которой я добралась до куклы Салии.



Внезапно далеко внизу Алиса увидела Козодоя. Гадкий попугай летел к железным воротам, расположенным у выхода из лабиринта.

— Козодой,— закричала девочка. — Вернись! Немедленно!

Однако попугай даже ухом не повел. Да и как он мог это сделать, находясь за тысячу крыловзмахов от домика. Тем более, что Салиа втащила Алису назад в относительно безопасное жилище Огдена.

— Вперед! За попугаем! — указав направление, закричала девочка.

Пабло, потянув рычаги управления, развернул садовый домик и погнался за улетавшей птицей. Ветхая конструкция на длинных куриных ногах побежала к железным воротам. Тем временем Джеймс Маршалл Хендринкс забренчал по струнам кукольными пальцами, и самодельная гитара отозвалась ужасными взрывами звуков. (Р-Р-Р-ВУ-УЩИМИ! ВИ-И-ИЗГЛИ-И-И-ВЫМИ-И! ВО-О-ЮЩИМИ! МЫ-Ы-Ы-ЧАЩИМИ! СТРА-А-АННЫМИ!) Алиса закрыла уши.

— Ну и ну! —воскликнула она. —Какое сотрясающее исполнение!

— Вот именно! —сквозь какофонию отозвался Пабло. —Потрясающее исполнение! Он называл эту песню «Маленькая мисс Тютя».

— Прошу прощения,— не опуская рук от ушей, прокричала Алиса. —Что это за слово?

— Какое слово?

— Слово «тютя».

— Тютя? Ты никогда не слышала слова «тютя»?

— Никогда.

— У нас в Манчестере его используют постоянно. Оно означает «шляпа».

— «Шляпа»?

— Да. Например, в выражении: «Что рот открыла, Шляпа?»

— Ага, почти что ясно,— крикнула Алиса, на самом деле ничего не понимая.

В это самое мгновение Джимми начал петь, вставляя лирику между взрывами гитарного удушья.

— Маленькая мисс Тютя! (Тубдум! Банг! Шмяк!)
Потерялась во времени (Бррум!)
И в лабиринте изгородей (Ттрум!)
Освободила подругу от бремени — (Бац!)
От бремени плена и змей (Бум! Бум!)
Теперь им вдвоем веселей. (Тубдум!)
Е-е-е-е-е е-е-ей!(Пронзительная подпевочка!)
Прочь с дороги, трусливые змеи,
Потому что Пабло решил объединиться (Брын! Бррын!)
С безнадежной тютей (Клянк!)
И какой-то там правды добиться! (Тубдум! Банг! Шмяк!)

Затем Джимми Хендринкс перешел на громкое (и очень продолжительное) гитарное соло, от которого садовый домик задрожал еще сильнее. Алиса крепко вцепилась в верстак и прокричала Пабло:

— Мистер Огден! К какому виду искусств вы причисляете свои работы? Мне кажется, ваше последнее детище вообще ни на что не похоже!

— Я называю мое искусство косизмом,— передвигая рычаги, ответил Пабло.— Это позволяет мне не заботиться о пропорциях скульптур. Сначала я хотел назвать его сыризмом или грубизмом, однако эти наименования звучали слишком сыро и грубо. Раньше я занимался клейдизмом и скреплял различные предметы клеем. Затем меня увлек коснамекизм: создание произведений, которые можно понять лишь по косвенным намекам. Со временем я осознал, что растерял все намеки. Это заставило меня задуматься о смысле моих творений, и тогда я назвал свое искусство мышлизмом. Но и данное название не отражало сути созидания. Тогда я называл его бабтизмом, потому что занялся изготовлением статуй пожилых женщин. Позже появился лунатизм, потому что я изображал этих женщин сидящими на Луне. Затем пришло название кубизм, так как я заинтересовался сборкой статуй из кубиков. Этот термин ограничивал меня, поскольку к тому времени я начал создавать скульптуры из животных! Пришлось назвать мое искусство анимализмом. Потом был абсоплютизм, поскольку я никак не мог избавиться от насморка. Затем возник комунизм, потому что я не знал, кому сбагрить свои произведения. Позже начался период синизма, так как я раскрашивал статуи в синий цвет. Потом я увлекся индюизмом и ваял скульптуры индюков. Затем был крышнаизм — скульптуры на крышах; и будкизм — скульптуры в будках. Я прошел через асоциальный хрюизм, мяоизм и гавизм, а также через бунтарский нудизм, пофигизм и факьюизм. Затем я отметился в паражутизме, потому что влюбленные парочки, натыкавшиеся в саду на мои скульптуры, выкрикивали слово «Жуть!» И, наконец, после многих странных «измов» я нашел достойное название и остановился на косизме, так как мой ум однозначно перекошен в сторону инакомыслия. Вот почему гадоначальники ненавидят мои произведения: змеи не терпят даже доли косополитизма.

В это мгновение Джеймс Маршалл Хендринкс закончил сумасшедшее соло и под дребезг гитары затянул второй куплет песни:

Маленькая мисс Анаграмма! (Зинг! Занг! Перебляк!)

Безнадежная шляпа! (Аргежз! Икл!)
Полигон пижама мама! (Цх! Свб! Нм!)
Проснись от грез, моя растяпа! (#!@&$%^*!)
Муча грацияс маньяна!
Чики-брики пранаяма!

Слово «полигон» напомнило Алисе об улетевшем попугае.

— Мы уже у садовых ворот,— прокричал Пабло Огден сквозь терботное пение.

И действительно! Домик быстро сложил куриные ноги и присел в двадцати ярдах от выхода из сада. Подбежав к двери, Алиса обернулась и задала скульптору очередной вопрос:

— Пабло, что означают последние фразы, пропетые Джимми?

— Какие именно? — спросил Огден.

— Там, где было слово «маньяна».

— «Маньяна» по-испански «завтра». Тем самым певец как бы просит нас радоваться вечному «завтра». Тебе понравилась песня?

— Нисколько не понравилось!— крикнула Алиса и вместе с Салией выбежала из домика.— Мне нужно попасть во вчера, а не в завтра!

(ДЖОНГ! СКР-Р-РИПУЧЕЕ БЗЗЗ. БУМ! БУМ!)

Джимми Хендринкс продолжал наигрывать мелодию, поэтому Пабло прокричал им вслед:

— Остерегайтесь змей! Им не понравится, что Салия убежала из запутанного сада...

И представьте себе, дорогие читатели! Не успели девочки пробежать по росистой траве и нескольких шагов, как Алиса услышала под ногами ужасное шипение. А затем вообразите себе удивление нашей героини, когда из живых изгородей на аллею начали выползать сотни и тысячи юрких змей, старавшихся укусить ее за пятки!..

Перевод с английского
Сергея Трофимова

Использованы иллюстрации Дж.Тенниела из «Алисы» Льюиса Кэролла

Полностью роман Джеффа Нуна «Маханическая Алиса» вы найдёте на файлообменнике ***http://depositfiles.com***

В формате PDF
http://depositfiles.com/files/8fyyl00poD
в формате DJVU
http://depositfiles.com/files/qv6n4sv7d
в формате fb2
http://depositfiles.com/files/2zml6pg0e

Скриншоты книги смотрите на сайте
http://people-publishing.com/
в разделе «ФАНТАСТИКА И ФЭНТЕЗИ»

Сьюзен Стерн

АРАХНА

была и останется глупым и упрямым ничтожеством. Так пусть же отныне и до конца своих дней она развлекается паучьими радостями или болтает с новыми подругами о фруктовых мошках, залетевших в паутину. Пусть эта мерзкая восьмилапая тварь больше не строит из себя мастерицу и подобие богини. Как жаль, что я не раздавила ее каблуком. Мне надо было бросить эту дрянь в горшок с оливковым маслом. Возможно, тогда я забыла бы ее. Ах, почему пришли сомнения, и я заколебалась? Мне следовало вернуться назад и превратить ее в личинку или слизняка.

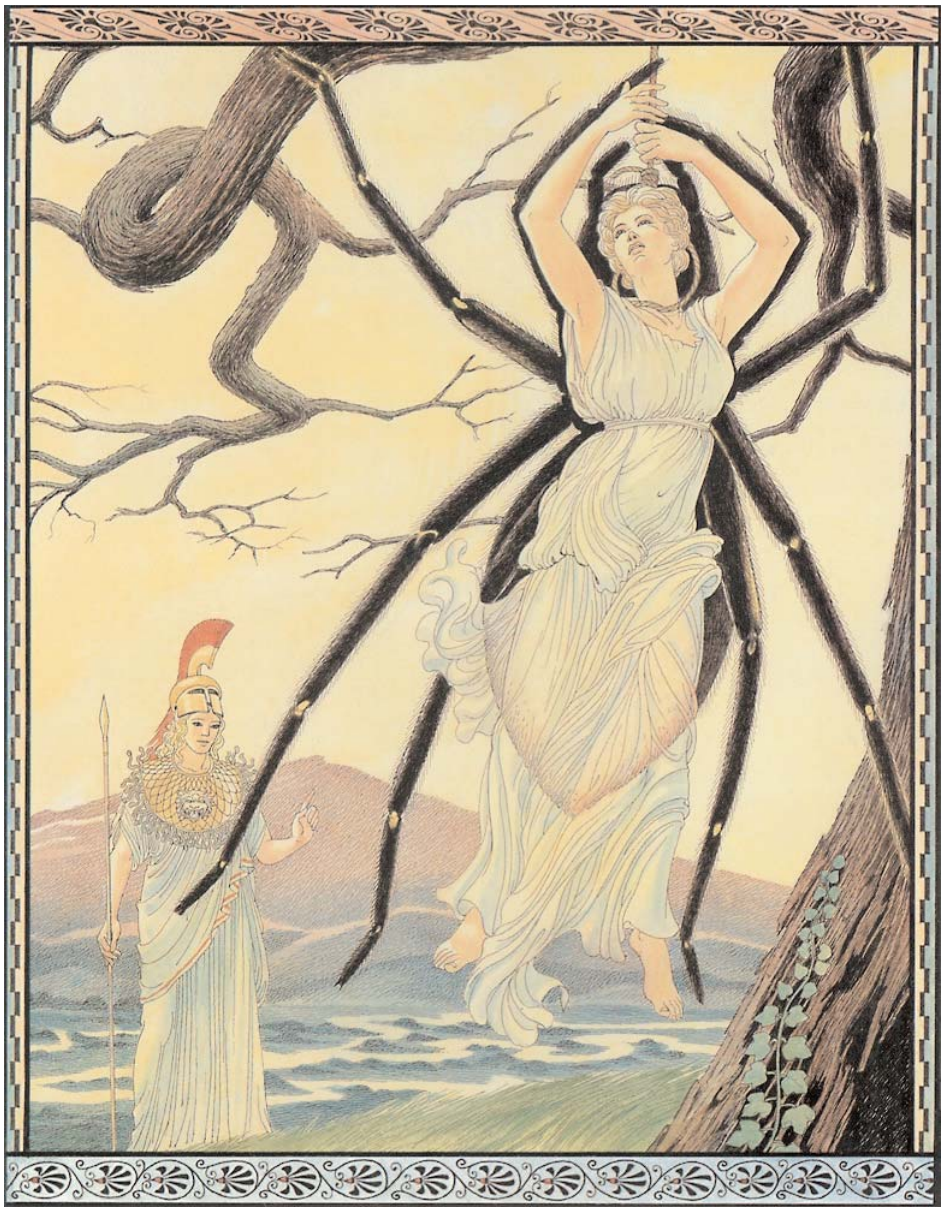
Когда мне рассказали о ее глупых самонадеянных претензиях, я почувствовала вкус интриги и новизны. После подвига с Пегасом меня изводило безделье. По ночам мои сны наполнялись топотом мощных копыт и теплом блестящих потных боков. Я просыпалась в испарине, с соленым вкусом на губах, и меня томила жажда настоящей жизни. Время стекало с небес в мои ладони, а я все не могла успокоиться. И тут мне сообщили об этой жалкой козявке из Лидии — об этой девке с перепачканным в пудре лицом. И когда мои собеседники завели речь о ее чудесном станке, я подумала, что эта ткачиха может развлечь меня. Мне захотелось немного повеселиться.

Я решила прийти к ней в обличье старухи и взглянуть на ее холсты. Да, меня подгоняло любопытство, и я надеялась, что сцены ее полотен заслуживали путешествия в Лидию. Мне хотелось одарить эту девку каким-нибудь своевременным предостережением: «Не выступай против богов, моя милая, не злоупотребляй терпением великих!» Вот уж действительно самая благоразумная пословица века.

Утренний свет слепил глаза. По своей забывчивости я вновь не подготовилась к этому колючему сиянию, отблески которого отскакивали от деревьев, холмов и камней. Меня забавляла неотступная человеческая тень, но я уже начинала жалеть, что явилась сюда. Их освещение слишком откровенно. Я люблю серый цвет; мои глаза, одежда и даже мудрая сова — все серое и пристойное. Таким, как я, по нраву уклончивая тень. Нам не

нужно ни позы, ни ложного блеска. Мы — те, кому больше нечего терять; кто никогда не рискует; кто осмотрителен и строг. О, тусклая тень. Я благодарна тебе за то, что ты, как и я, всегда постоянна.

Вот так я и шла по Лидии, медлительная и тяжелая от жары, словно ныряльщица за кораллами, придавленная слоем воды. Мои ноги снова ступали по земле — сухой, потрескавшейся и красной. Я проходила мимо хижин и тощих коз, которые дергались в тени деревьев, дрожа и отгоняя от себя назойливых мух. Я слышала лай собак и смех чумазых детишек.



«Арахна». Иллюстрация Джованни Кселли к книге Томаса Балфиинча «Всеобщая мифология»

Полностью книгу Томаса Балфинча «Всеобщая мифология» читайте на сайте http://people-publishing.com/

Ее дом оказался совсем неприметным. А впрочем, что я ожидала? Геральдических эмблем? Лавровых венков и пурпурных занавесей? Сжав посох, я переступила порог с нетерпением воина, который ворвался в селение врага. Конечно, мы, боги, не знаем страха. Нам может быть трудно, тяжело и горько, но страха мы не знаем никогда.

В комнате стоял полумрак. Мне понадобилось время, чтобы глаза привыкли к темноте, которая приветствовала меня мягко и льстиво. Мой взгляд отыскал ее ткацкий станок, по раме которого ползали мухи. Я ожидала услышать оклик или шаги, но единственными

звуками в доме были мое старческое сопение и жужжание насекомых. На столе у окна лежали остатки завтрака — немного сыра, глянцевый кубок из орехового дерева, тарелка редиски и хлеб. Я знала, что надо сесть и подождать; что можно отломить кусок мучнистого хлеба и попробовать редиску, которая влекла меня своим опаленным румянцем. Можно было выпить вина. Кувшин стоял здесь же на грязном полу.

И хотя не чувствовалось ни одного намека на колдовство, я улавливала в каждой свече и ложке, в одежде и изрезанном столе какую-то смутную угрозу. Опасность исходила даже от связок лука, висевших на стене. Но я хотела развлечений. Да и что мне еда людей? Я родилась из головы отца — родилась в сияющих латах! У меня было рождение, но никогда не будет смерти. Так почему же этот кувшин и связки лука опечалили меня? Почему слеза побежала по щеке и упала на грязный стол?

— Чем я могу помочь тебе, старая женщина?

Она стояла в дверях, и ее голос кружил вокруг меня, словно тонкая паутина. О, каким гадким и немощным существом она оказалась. Ее шея и плечи высохли, как корка козьего сыра; лицо сморщилось, придавая ей вид голодного альбиноса, который всю жизнь питался гнилью и падалью.

— Милая моя, ты должна показать мне свои холсты,— пропела я.— О тебе уже ходят легенды, и я пришла по этой жаре в надежде оценить твое искусство.

Она улыбнулась — нет, не улыбнулась, а скорее оскалила зубы. Да, в ее глазах сияли самодовольство и гордость. Вот же кукла! Она ничего не понимала.

— Садись,— торопливо заговорила женщина.— Отдохни немного и выпей вина. Я покажу тебе все, что у меня есть. А потом ты пойдешь домой и расскажешь знакомым о рукоделии Арахны.

Она налила вина и протянула мне чашу с такой снисходительностью, с какой, наверное, давала помои своей козе. Я усмехнулась, обнажив гнилые зубы, и с шумом всосала глоток вина. А она вытаскивала цветастые ткани из сундука, стоявшего около станка.

— Смотри!

Ткачиха развернула холст, и я увидела сельскую сцену: пастух дремал в кипарисовой роще, и у потока, сиявшего, как лед, паслись его кроткие овцы. Тень от деревьев манила глубиной; среди корней и травы росли грибы, а солнечный свет играл на каждой травинке и каждом листочке. Пастух был прекрасен, как утренний рассвет — чуть старше юноши, но статен и изящен. Его туника едва прикрывала бедра. И я до сих пор ощущаю томление, когда вспоминаю эту чарующую грань, отделявшую одежду и нежную кожу его ноги...

— Прекрасно,— поздравила я ее, сделав голос преувеличенно скрипучим и высоким, как будто млела от восторга.— Просто великолепно!

— Да,— согласилась она.— Взгляни на свет и тени от деревьев. Даже Афине не удалось бы добиться такого сходства с корой и поросшими мхом камнями.

Я выронила чашу из рук, словно цепенея в смертельном ужасе. Сосуд разбился на острые, покрытые винными пятнами черепки, которые теперь лежали между нами, как не-

мая угроза. Я застонала, закатила глаза и взмолилась:

— Прошу тебя, не дразни богов! Не делай столь дерзких заявлений!

— Я не боюсь их гнева,— ответила она.— Я вызываю всех богов на спор! Я вызываю саму Афину, чтобы испытать ее руку!

Она сложила холст и убрала его в сундук.

— Ну, что же, хорошо,— ответила я своим собственным голосом.— Твой вызов принят!

Отбросив посох, я выпрямилась и встретила ее испуганный взгляд. Мой указательный палец поднялся вверх, и под нами закачался пол. Я знала, что творю! Четыре стены задрожали, словно тонкое белье на ветру. Это была одна из лучших моих попыток. Над холмами прокатился гром; к небу взмыли колонны смерчей. А когда все затихло, я предстала перед ней в своем истинном обличье.

Без лишних слов, подойдя к ткацкому станку, который мне удалось воскресить по памяти, я дернула челнок вниз с таким же наслаждением, с каким могла бы стиснуть ее тонкую цыплячью шею. Арахна на миг опешила, но затем уголком глаза я заметила, что она подошла к своему станку и заправила в него нить мягкой шерсти. Поверив в неминуемое, она все же не отказалась от борьбы.

Хотя я видела, как ее нижняя губа тряслась от страха и жалости к себе.

Мы работали молча. Фигуры под моими руками обретали форму: двенадцать богов Олимпа — могучих, грозных и величественных. Они с одобрением смотрели на то, как я, пронзая землю копьем, взывала к оливковому дереву. А затем, как знак грядущего возмездия, я вышила судьбы других, которые осмелились восстать против нас — той жирной коротышки, царевны пигмеев, которую Юнона превратила в парящего журавля; и дочери Сифира, ставшей каменной ступенью на храмовой лестнице; и наконец, Гимона и Родопы, которые посмели взять себе имена богов — когда-то люди, а ныне гранитные скалы. Они получились забавными, эти две скалы. Закончив их набросок, я

задумалась над тем, что мне сделать с ней, и даже рассмеялась, когда пришло решение. Мое полотно завершилось традиционным орнаментом — оливковыми листьями, цветами и виноградом. Со вкусом и строго.

Когда я оглянулась, она еще работала. Ее костлявые пальцы вздрагивали и цеплялись за каждую нить, словно искали спасения. В конце концов, она опустила челнок и повернулась ко мне. Ее маленькие круглые глазки прищурились в ехидной усмешке. Взглянув на полотно, я поняла, чему она так радовалась. Мерзавка успела-таки отомстить за надвигавшуюся кару богов. Она избрала тему похоти и соблазна — разврата, которым якобы грешили боги. Каждая сцена, каждый образ были насмешкой надо мной, и она предлагала их с тем низменным злорадством, с каким мерзавец дарит музыку глухому.

Прекрасная Европа сладострастно прильнула к толстошеему быку, и Леда, лаская собственную грудь, простерлась в бархатной тени божественного лебедя. Даная отдавалась Зевсу, который ливнем золота орошал ее плоть: голова откинута назад, рот приоткрыт, будто пробуя на вкус блестящие хлопья, которые падали с неба.

Я не сводила глаз с картины, пока петли нитей не заплясали перед моим взором. Я вновь почувствовала забытую тяжесть другого существа на своем теле, и томный стон — мой томный стон! — заполнил все пространство. Нет, это было невыносимо. Я смяла тра-

ву, взятую у Гекаты, и растерла ее между ладоней. Зловоние сгнившего растения, казалось, лишило Арахну сил. Она подняла руку, но я швырнула комок травы ей в лицо и отступила, кашляя от мерзкого запаха.

У нее хватило времени только на один крик, а потом голос пропал, хотя рот продолжал открываться и закрываться, сжимаясь в узкую щель. Черты ее лица растворились в хитиновой корке. Суставы одеревенели; из рук и ног как будто выпустили воздух, проткнув в них дыры и опустошив в единый миг. Слой испарялся за слоем; сначала мышцы, потом лимфа, а затем кость. Через несколько секунд она упала к моим ногам — черная ничтожная тварь, которая теперь качалась на восьми паучьих лапах.

Усилия утомили меня. Восстановив дыхание, я разгладила одежду и поправила прическу. В комнате стояла мрачная тишина. Свет снаружи померк, и на землю опустился вечер. Она легко и быстро метнулась в тень и медленно вскарабкалась на стропилу. Вскоре я потеряла ее из виду. В сгустившихся сумерках стулья и утварь теряли очертания, расплываясь в темные пятна.

В тот мрачный час, когда зажигались лампы, и закипал вечерний чай, мне захотелось обдумать свой поступок и укрепить внезапно дрогнувший дух. О, да! Я видела начало и конец Арахны! Но для меня она была и останется занозой в пальце — более ничем!

Я ушла на свою гору, где ветры дуют с неизменным постоянством. Со мной теперь моя музыка, все те же вечные права, ничем неприметные рассветы и вечера без чудес и сюрпризов. Но время от времени я по-прежнему нахожу себя в той комнате, среди горшков и мебели, около станка и ветхого сундука, которыми никогда не стала бы пользоваться. Я вижу связки распухшего жемчужно-белого лука и разбросанные пряди шерсти. Я вижу деревянную тарелку и хлеб. И я вижу себя — такую властную и беспомощную в угасающих сумерках теплого вечера.

Перевод с английского выполнен ART (Ассоциацией рижских переводчиков)

Норманн А. Рубин

Привидения, демоны и духи в японской традиции

Вера в привидения, демонов и духов уходит глубоко корнями в историю японского фольклора. Она переплетается с мифологией и суевериями, взятыми из японского синтоизма, а также буддизма и даосизма, привнесенного в Японию из Китая и Индии. Истории и легенды в сочетании с мифологией собирались на протяжении многих лет различными культурами мира, как прошлого, так и настоящего. Фольклор развивался для объяснения или рационализации различных природных событий. Необъяснимые явления вызывали страх у человека, поскольку их невозможно было предугадать или вникнуть в суть их происхождения.

Тайна смерти — явление, которое не даёт рационального объяснения различным культурам. Смерть вторгается в жизнь человека. Смерть — изменение из одного состояния в другое, воссоединение тела с землёй, души и духа. Люди на протяжении веков редко могли поверить в или понять, что смерть — это конец. Поэтому сказания и легенды строились вокруг духов умерших.

Японская гравюра нач. XIX в. к книге Китагавы Утамото (1754-1806) «100 историй о демонах и духах»

Японцы верят, что они окружены духами всё время. Согласно японской религии синто, после смерти человек становится духом, иногда божеством. Полагают, что на небесах и на земле живут восемь миллионов богов — горы, леса, моря и сам воздух, который мы вдыхаем. Традиции говорят нам, что эти божества имеют две души: одну слабую (ниги-ти-тама), а другую сильную (ара-ми-тама).

Буддизм, введенный в Японию в VI веке н.э., расширил масштаб верований в духов и другие сверхестественные силы. Буддистское верование в мир живых, мир мёртвых и «Чистую Землю* Будды» (Йодо) приобрело новое значение. Образ поведения человека в течение жизни определял, куда он отправится: в царство мёртвых или в «Чистую Землю». Те, кто отправляются в преисподнюю, считают его адом во всей своей отвратительности.

Японцы считают, что после смерти дух преисполнен гнева и нечист. Многие ритуалы исполняются в течение семи лет для очищения и успокоения души. Таким образом, человек становится духом. Согласно легенде, дух блуждает между землей живых и царством теней. Поэтому молитвы предлагаются для обеспечения перехода в Землю Мёртвых.

Привидения (Юреи)

Если душа мёртвого не очищена, она может вернуться на землю живых в облике привидения. Также если умерший при помощи молитвы не очищен от личных эмоций, таких как ревность, зависть или гнев, дух умершего может возвратиться в виде привидения. Привидение является в то место, где раньше жил человек, и преследует ответственных за свою горькую судьбу. Привидение будет являться до тех пор, пока оно не будет освобождено от страдания при содействии живого человека, который должен молиться за то, чтобы душа умершего вознеслась на небеса.

В течение эры Хейян (794—1185 гг.) полагали, что духи умерших витали над живыми, вызывая у них болезни, мор и голод. В эре Камакура (1185—1333 гг.) это верование усилилось, что духи превращались в небольших животных, таких как еноты и лисы, которые сбивали людей с пути. Предметы домашнего хозяйства более ста лет, могли бы стать божествами в период Муромачи (1336—1573 гг.). Считалось, что эти древние предметы обладают особыми свойствами — поэтому с ними обращались с заботой и уважением. А в периоды Момояма (1573 — 1600 гг.) и Эдо (1603—1868 гг.) считалось, что если человек умер от болезни или во время эпидемии, он превращается в ужасного демона.

Деспотический феодальный режим, преобладавший в течение периода Эдо, в сочетании с природными катаклизмами, происходившими в то время, послужил появлению новых легенд о злых и мстительных духах и привидениях. В конце эры Эдо принимались указы, запрещающие показ театральных представлений с пугающими привидениями из-за страха подрыва авторитета правительства.

В основном созданиями в легендах о неуспокоившихся душах были женщины. Это

* «Чистая Земля» или рай, установленный Буддой Амида — мистическое место, где существование человека лишено боли, печали, голода и тревоги.

были мстительные духи и чем больше страданий женщина претерпела в течение своей жизни, тем более угрожающим был её дух после её смерти. Жестокость по отношению к женщинам — повторяющаяся тема в японских преданиях и легендах.

Истории про привидений ставили на сцене кукольных театров в начале 1700-ых гг.. Истории про привидений тогда начали ставить в различных театрах, в том числе в театре Сумизу в Осака и в театре Накамура-за в Эдо.

Мстительные духи стали центральной темой в театре Кабуки в конце 18го века. Убийство ставили на сцене со всеми вопиющими деталями и женские духи изображались чётко. Сцены насилия и кровопролития были шокирующими и были направлены на то, чтобы вызвать подозрение и страх. К удивлению, эти пьесы были достаточно популярными и художники принтов репродуцировали множество сцен из подобных спектаклей Кабуки. Пример такой темы — в одной из пьес, поставленных в театре Кабуки, называемой «Скала, которая плачет ночью».

Кацашика Хокусай (1760-1849)
«Дом плит». Японская гравюра из серии «Сто историй»

«В Токайдо, на дороге между Токио и Киото, есть знаменитая скала, известная как «Скала, которая плачет ночью». Предание рассказывает о беременной женщине, путешествующей по этой дороге ночью, чтобы встретить своего мужа. К ней пристали бандиты и она была зверски убита. Её кровь пролилась на скалу, которая стала место обитания её духа. По легенде скала плачет по ночам»*.

* На гравюре Ютагава Кунийоши (1791 — 1861) мучимое привидение женщины изображено передающим своего младенца своему сыну. История была адаптирована театром Кабуки в Осаке, в котором привидение рассказывает своему мужу о своём подлом убийстве; затем она идёт с мужем отомстить за преступление.

Японские демоны

Рокурокуби (длинношеий демон)
Старинная японская гравюра

Демоны в японском фольклоре блуждают между живыми и мёртвыми. Иногда демоны совершают добрые поступки в мире, а иногда они несут разрушение. Демоны обладают сверхъестественными способностями; но они также обладают магической способностью влиять на природные явления. По японской легенде некоторые демоны являются причиной всех катастроф, природных или от рук человека.

Японские демоны — не вполне представляют собой зло, они также хитрецы, которые любят злые шутки. И в течение периода Эдо они начали изображать демонов с юмором, особенно в фигурах нэцке*. Это был способ, по которому люди приравнивались к демонам высших классов; также это был способ посмеяться над деспотическим феодальным правлением.Церемонии, известные как «Они-Яри» или «Тсуина», проводятся для изгнания демонов. Эти ритуалы, как правило, проводятся в последнюю ночь года в императорском дворце: ритуал состоит из народа, разбрасывающего жареные соевые бобы в четырёх направлениях и выкрикивающего: «Удача, приходи, зло уходи!» Страх боли вызывает изгнание демонов.

* Нэцкэ — небольшая культовая художественная фигурка из бронзы, слоновой кости, керамики, дерева или металла.

Они

В японском фольклоре также есть сказания о сверхъестественных существах, называемых «Они» (Oni). Художники изображают этих демонов с рогами и в тигровых шкурах. У них нет шеи, но есть грива волос и большой рот; на их пальцах — когти, их руки подняты до плеч. Эти художественные изображения демонов не только олицетворяют сверхъестественное, но также воплощают тёмные стороны человеческой натуры. Земля «Они», по буддистской легенде, ответственна за болезни и эпидемии (они одеты в красное). «Они» из ада (красные или зелёные тела) охотятся на грешников и забирают их на колеснице к Эмма-Хоо, богу ада. Существуют невидимые демоны среди «Они», чьё присутствие может быть определено, потому как они поют или свистят. «Они» женского пола — это те люди, которые превратились в демонов после смерти из-за ревности или сильной печали.

Буддистские демоны «Они» не всегда олицетворяли силы зла. В буддистской традиции есть сказания о монахах, которые после смерти стали «Они», чтобы защищать храмы от возможных катастроф. Вера в «Они» достигла своего зенита в XVIII и XIX веках.

Тенгу — Горный демон

Ещё один известный демон в японском фольклоре — «Тенгу», мифологическое существо, живущее в горных лесах. «Тенгу» художественно описываются как бородатые коротышки или как существа с большими рябыми носами. Согласно легенде любой, входящий на территорию «Тенгу», непреднамеренно может попасть в странные и неприятные ситуации. «Тенгу» могут молниеносно превращаться в уродливых маленьких человечков, женщин и детей; затем они зло разыгрывают людей всякими неприятными шутками. Они исчезают так же быстро, как и появляются. В некоторых древних легендах «Тенгу» описываются как существа войны и конфликта. Иногда их проказы в легендах лицемерны. Художники изображали их с птичьей головой на человеческом теле с расправленными крыльями и лапами с когтями. До XIV века о «Тенгу» ходили недобрые легенды; но постепен-

Дух Кохада Кохейджи

но они стали как хорошими, так и плохими сущностями. О всеобъемлющем зле «Тенгу» было рассказано множество легенд. В буддизме они стали проводниками для монахов в понимании основных положений и священных текстов дхарма, а также защищали буддистские храмы. В XVIII и XIX веках их считали горными божествами — ним подносили пожертвования. Резчики по дереву и охотники приносили пожертвования божествам «Тенгу» для привлечения успеха в их работе.

Те, кто были менее уважаемы, оказывались в различного рода неприятностях. Вера в «Тенгу» продолжалась до начала XX века. Сегодня в их честь проводят церемониальные праздники. В современной Японии до сих пор рассказывают о них легенды. В некоторых районах гравёры до сих пор предлагают «тенгу» рисовые пирожные перед тем, как начать свою работу.

Животные, наделенные сверхъестественной силой

По легенде некоторые животные созданы наделенными сверхъестественной силой. Они могут превращаться по желанию в кого угодно и даже приобретать при этом другие магические способности. Японский енот (тануки) и лиса (китсуне) — самые популярные животные, наделенные магическими способностями. Они имеют подобные роли в фольклоре. Они изображаются как шаловливые шутники, часто попадающие в неприятности. Временами они могут быть пугающими, но в другой момент способными сделать негативную ситуацию позитивной. Иногда их считают божественными существами и они могут стать культурными героями. «Тануки» иногда изображают в виде ведьмы, монаха-людоеда или одноглазого демона, который убивает своих жертв громом, молнией или землетрясениями.

«Тануки» — небольшое лохматое животное, которое по поверьям может превращаться в пугающее существо. Иногда его изображают юмористически с огромной мошонкой, которую он волочёт за собой или носит её как кимоно. В некоторых фигурах нэцкэ «тануки» предстаёт в виде буддистского монаха, облаченного в робу и ударяющего по своей мошонке, как если бы это был храмовый барабан. «Существует легенда, которая рассказывает нам о случае, произошедшем с настоятелем храма Моринджи. Он купил чайник для кипячения воды и наказал одному из монахов почистить его. Вдруг из чайника раздался голос: «Ох и больно мне, пожалуйста, аккуратнее». Когда настоятель храма захотел вскипятить воду, из чайника показался хвост, ноги и руки «тануки» и домашняя утварь начала бегать по комнате. Бедный аббат был потрясен и он попытался поймать чайник, но он не давался ему в руки».

Лиса (kitsune — китсуне) — часто встречается среди статуэток нэцкэ. Лисе приписывают многие странные и необыкновенные качества. «Китсуне» имеют способность изменять форму, но их мордочка остаётся лисьей. В фольклоре лисы притворяются людьми, чтобы ввести людей в заблуждение.

Чёрная лиса — удача, белая лиса — беда; три лисы вместе предвещают катастрофу. Буддистская легенда рассказывает о «китсуне», которые переодеваются монахами и носят традиционные одежды (изображённые в фигурах нэцкэ). Легенды гласят, как лиса

любит появляются в виде женщины. По преданиям, когда «китсуне» появляется в таком виде, она принимается за проделки и вводит мужчин в соблазн. Когда соблазненный понимает истинную сущность их предполагаемой любви, лиса исчезает. Легенды рассказывают, как «китсуне» может загипнотизировать человека, в результате чего он оказывается в опасной ситуации. Для этого по преданиям они освещают тропинку, ведущую к таким катастрофам, и это освещение известно как «сияние лисы» (китсуне би).

Драконы и змеи

В японском фольклоре существуют сказания, в которых рассказывается о змеях и драконах, наделенных сверхъестественными способностями. В древности японцы верили в бога — змея «Орочи», который жил на самой вершине гор. Буддистская религия рассказывала о «Рию», который управлял облаками, дождём и водой. Был дракон «Яша», один из богов-демонов, который защищал буддизм. Все эти божества имеют широкие рты, острые клыки, наточенные рога и всевидящие глаза.

В японском фольклоре существуют сказания о людях, которые превращались в змей после смерти из-за своего злого поведения и их жалких привычек. Человек становится змеем, потому что его желания в жизни не удовлетворены. Женщина-змея предстаёт в виде привлекательной женщины, которая выходит замуж за человека: если она будет отвергнута своим возлюбленным, её ревность может послужить причиной катастрофы. Женщины часто ассоциируются со змеями из-за легенд, ходящих о их жестокости и ревности по отношению к своим возлюбленным. Дети, рожденные в результате союза змеи и человека, могут предстать либо змеями, либо человеком с змееподобными качествами. Они появляются во снах своей семьи и друзей, прося их помолиться за освобождение их душ из их змееподобных тел. Родственник либо читает буддистские сутры, либо повторяет специальные молитвы. Тогда душа спасена и змеиная шкура сброшена. Некоторые люди рождаются заново в обличье змей после смерти, когда у них есть желание мстить за недобрые поступки. Привидение мстителя в японском фольклоре обычно считается героическим. Змеи не всегда считались символами зла, но также и бесконечной любви. «Давным-давно в эру Кейчо жила-была прекрасная девушка в Сенью в провинции Мусаши. Холостяк по имени Йачиро влюбился в неё и отправлял ей множество любовных посланий; но она не отвечала. Йачиро умер от печали и девушка вышла замуж за другого. На утро после свадьбы пара не вышла из комнаты. Когда мать невесты зашла в комнату, она обнаружила, что жених мёртв, а из глаза невесты выползала змея. Жители деревни считали, что змея была никем иным, как несчастным влюблённым Йачиро».

Змеи и драконы также ассоциировались с природой. Природные катастрофы, особенно наводнения, связаны с ними. Считается, что после бурь они выползают из своих нор и выходят наружу. Поэтому их считают творцами бурь и теми, кто окружает водами — как контролирующими воды, так и дающими воды. В японской мифологии существуют четыре вида драконов: небесные драконы, которые сторожат дворец богов, духовные драконы, которые приносят благословенный дождь, земными драконами, которые определяют течение рек, и драконы, которые сторожат все земные сокровища. На многих полотнах художники изображают дракона как властелина вод, океана и дождя.

Призраки Того и его жены.
Гравюра Утагавы Куриёши (1797-1861)

Бессмертные и герои

Понятие бессмертия, о котором говорится в японском фольклоре, взято из китайского даосизма на основе идей философа Лао-Wзы в IV веке до н.э. Хотя даосизм никогда не был официальной религией в Японии, даосизм присутствует в их литературе и искусстве. Достигшие бессмертия могли летать, ходить по облакам и проходить через воду невредимыми. Они считались блюстителями даосизма и защитниками человечества. Персик* — символ бессмертия и многие фигуры нецкэ изображены с этим фруктом.

* Персик (даосист) — Дерево Жизни в Раю Кун Лун. Дарует бессмертие и является пищей даосских бессмертных. Считалось, что персики в небесном саду созревают каждые 3000 лет.

Бессмертные также изображены несущими трёхногую лягушку или оседлавшими гигантского карпа* или лошадь. Самые известные из бессмертных — «Сенин», восемь бессмертных даосизма. Они встречаются в искусстве и фигурах нецкэ, выдыхающими свои души вместе с дыханием, носящими одежды даосских мудрецов или несущими тыквы**.

Покорение демона — любимая тема в знаменитых сказаниях о доблестных героях. Легенда о «Четырёх самураях Минамото но Йоримитсу», завоевывающих чудовищ и демонов в их цитадели, — излюбленная тема. Ещё одна излюбленная тема — «Воин Ватанабе но Тсуна», сражающийся с Демоницей Рашомон. Ещё один известный борец с демонами — «Шоки», изгоняющий чертей и злых духов. Он был человеком-великаном с огромной силой. «Шоки» обычно изображаются в искусстве охотящимся слева направо за невидимым демоном. Обычно его изображают красным, так как считается, что этот цвет имеет способность отводить неудачу. В период Кансей (1789—1800 гг.) на домах, в которых живут маленькие дети, вывешивались длинные флаги (нобори). Эти флаги иногда украшались «Шоки», экзорцистом, изгоняющим демонов и злых духов. Сегодня в Японии начали связывать «Шоки» с праздником мальчиков, празднуемым 5 мая. В прошлые периоды этот день считался днём, когда появляются демоны, и злые духи и привидения, приносящие несчастья. Для того чтобы избежать неприятностей в этот день проводили церемонии изгнания этих отвратительных существ.

Сказания и легенды поддерживали эти верования через искусство — в форме рисунков, картин, принтов, скульптур, орнаментов и слов. Пьесы на тему привидений и духов до сих пор ставят в театрах Японии. Сцены воссоздают предания и мистицизм духов умерших. Авторы таких пьес сочетают правду и вымысел, насилие и кровопролитие и классическое напряжение между тем, кто страдает, и тем, кто приносит страдания. Эти постановки создают чувство страха и ожидания у зрителей, что доставляет им много удовольствия. Даже сегодня сказки о привидениях, демонах и духах показывают по телевидению и в кино.

Перевод с английского
О. Суворовой

Материал взят с сайта http://asianart.com/

Более подробно о японских демонах и духах вы сможете прочесть в книге Лафкадио Херна «В призрачной Японии», готовящейся к публикации в разделе «Готическая литература» на сайте http://people-publishing.com/

---

* Карп — эмблема самурая как символы мужества и достоинства. Он также символизирует стойкость и удачу.

** Тыква в Японии символизирует долгожительство. Дым, поднимающийся из тыквы, — освобождение духа от тела.

ПРИГЛАШАЕМ ЧИТАТЕЛЕЙ

принять участие
в наших ежемесячных

БИЕННАЛЕ

предлагать
свои работы
для публикации
на страницах
журнала
"Транзит"
могут поэты,
писатели,
художники,
критики

ПРОЧТЁМ ВСЕХ!!!

ЕСЛИ ТЫ ПОЛАГАЕШЬ,
ЧТО ТВОЕ ТВОРЧЕСТВО
ОТВЕЧАЕТ ДУХУ И БУКВЕ ЖУРНАЛА
- ДОКАЖИ ЭТО ДЕЛОМ!